

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.4

ПОЗИТИВИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

А. А. Ильичёв

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: sapfir8500@mail.ru

Историческое познание сталкивается с рядом проблем, связанных со спецификой предмета исторической науки. Историк в большинстве случаев испытывает недостаток исходного материала для решения поставленной задачи, в связи с чем особую актуальность приобретает метод исторической реконструкции, позволяющий получить целостное представление о прошлом, несмотря на неполноту и фрагментарность исторических источников.

Ключевые слова: исторический факт, позитивизм, реконструкция.

Positivist's Strategy of Reconstruction of Historical Facts

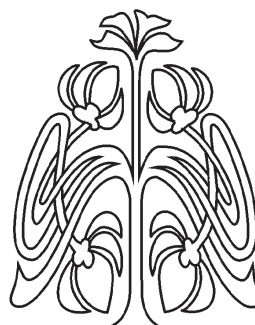
А. А. Ilichev

There is amount of problems associated with the specific historical knowledge. Historian faced with such problems as lack of source material for the task. Therefore method of historical reconstruction becomes urgent. Historical reconstruction provides a holistic view of the past, despite the incomplete and fragmentary historical sources.

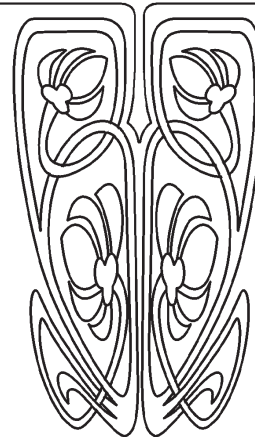
Key words: fact, positivism, reconstruction.

У истоков своего становления историческая наука была лишь пересказом имеющихся в источниках сведений и материалов. Нарративность и повествовательность являлись отличительными чертами того, что сейчас принято называть историографией XVIII в. и более раннего периода, однако очень быстро историки от простого изложения прочитанного в текстах, от «истории ножниц и клея» перешли к тому, что можно определить как историческую реконструкцию. Под ней мы понимаем воссоздание историком исторической картины прошлого. Целью исторической реконструкции является исторический факт. В развитии исторической науки и историографии все отчетливее обнаруживается, что установление исторических фактов, доказательство того, что данное событие – это факт, его включение в контекст исторического процесса требует активной творческой работы историка. Чтобы установить факт, недостаточно иметь эрудицию и уметь отличить истинный документ от ложного, правдивое свидетельство от извращений и позднейших напластований – необходима конструктивная созидательная деятельность мышления. В. С. Библер, отмечая важность этой проблемы, указывает на то, что исторический факт стоит не только в начале исследования, но и в конце его, потому что только в результате всего комплекса теоретического «конструирования» разрешается задача реконструкции исторического факта как момента реального исторического процесса. Причем именно в историческом знании проблема эта стоит особенно остро. Необходимо реконструировать прошлое, которого уже нет: «Оно не дано нам непосредственно, “визуально”. Оно не представлено нашим чувствам»¹.

Реконструктивный характер исторического познания вытекает из невозможности *непосредственного* чувственного восприятия прошлого. Отсюда – необходимость его реконструкции, восстановления в сознании историка по данным исторических источников. Это свойственно далеко не только историческому познанию, как утвержда-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ется во многих работах по теории и методологии исторического познания. Такая реконструкция имеет место везде, где информация, необходимая для чувственного восприятия объекта познания и формирования его образа, поступает не в результате непосредственного восприятия черт и свойств объекта органами чувств познающего субъекта, а иными путями. В этом смысле вся информация об объектах познания, полученная в экспериментах посредством всякого рода приборов и приспособлений и зафиксированная тем или иным способом, является реконструированной². Таким образом, реконструкция изучаемой исторической реальности, формирование системы научных фактов, отражающих факты действительности, являются чрезвычайно ответственным и сложным процессом на эмпирической стадии исторического исследования.

И. Д. Ковальченко отмечает, что вообще всякое познание, коль скоро оно состоит в отражении сознанием черт и свойств объективной реальности, является реконструктивным. Знание о мире, необходимое человеку для овладения им, получается в результате реконструкции этого мира в сознании людей. Но реконструктивный характер исторического познания имеет и свои особенности. Всякое научное познание представляет собой субъективное отражение объективной реальности³.

Использование историком в качестве исходной базы субъективированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением, – источниковедения.

Историки-позитивисты считали, что положительное знание можно получить преимущественно из наблюдений, аналогий и сравнений, поэтому в вопросе реконструкции исторических фактов внимание позитивистов было приковано к мельчайшим историческим деталям и действиям, доступным для анализирующей науки, из которых создаются относительно связанные и устойчивые исторические комплексы: «Именуя социологию эмпирической дисциплиной, мы подразумеваем, что в ее основе должен лежать опыт; что события, которые она объясняет и предсказывает, являются наблюдаемыми фактами, а любая теория принимается или отвергается в зависимости от наблюдений»⁴. Представляя историю как «совокупность установленных фактов», позитивисты полагали, что нужные историку факты содержатся в самих исторических документах, главным образом письменных, из которых их остается только извлечь с помощью методов «исторической критики». Согласно остроумному замечанию Э. Карра, позитивисты считали, что «факты, потрeбные

историкам, содержатся в документах, надписях и так далее. Историк собирает их, несет домой и готовит из них блюдо в соответствии с собственным вкусом»⁵.

Позитивистский метод изучения истории часто называют социологическим, поскольку он основан на социологическом понятии истории. Как подчеркивал К. Поппер, «с точки зрения историста, социология является теоретической историей»⁶. Позитивисты считали, что наука, отвечая на вопрос, как протекают явления, должна ограничиться описанием их внешней структуры, а не раскрывать, что представляет собой их сущность, поэтому, согласно О. Конту, реконструкция исторических фактов является установлением связи между различными явлениями, число которых, по его мнению, уменьшается по мере прогресса науки⁷. С последним утверждением можно не согласиться, однако важно подчеркнуть, что для О. Конта реконструкция исторических фактов – это, прежде всего, установление связи между ними. Он также подчеркивал основополагающую роль теории в процессе реконструкции фактов: «Если бы, созерцая явления, мы не связывали их с какими-нибудь принципами, то для нас было бы совершенно невозможно не только сочетать эти разрозненные наблюдения и, следовательно, извлекать из них какую-либо пользу, но даже и запоминать их; и чаще всего факты оставались бы незамеченными нами»⁸. Отсутствие позитивной теории, опираясь на которую можно было бы собирать и обобщать факты, составляет, по мнению О. Конта, главную трудность социологии, которая попадает в порочный круг, поскольку для проведения наблюдений нужна теория, а для создания теории – наблюдения. С его точки зрения наука должна рассматривать отношения между явлениями таким образом, чтобы наряду с единичными фактами опыта устанавливать и «общие факты», называемые законами, которые представляют собой повторяющийся пространственный и временной порядок явлений. Констатация этих повторений и есть задача науки, которая, по словам П. П. Гайдено, способна с помощью устанавливаемых таким образом законов давать предвидение будущих явлений⁹.

Д. Милль также занимался проблемой реконструкции исторических фактов. Он предлагал несколько способов «выделять из числа предшествующих явлению или следующих за ним обстоятельств те, с которыми это явление действительно связано при помощи неизменного закона. Один состоит в сопоставлении тех отличных один от другого случаев, в которых данное явление имеет место; другой – в сравнении таких случаев, где это явление присутствует, со сходными в других отношениях случаями, где этого явления тем не менее нет. Первый из этих способов можно назвать “методом сходства”, второй – “методом различия”»¹⁰. Условие первого метода Д. Милль определяет так: «Если два или более случаев под-

лежащего исследованию явления имеют общим лишь одно обстоятельство, то это обстоятельство – в котором только и согласуются все эти случаи, – есть причина (или следствие) данного явления»¹¹. Метод различия выражается в следующем: «Если случай, в котором исследуемое явление наступает, и случай, в котором оно не наступает, сходны во всех обстоятельствах, кроме одного, встречающегося лишь в первом случае, то это обстоятельство, в котором одним только и разнятся эти два случая, есть следствие или причина, или необходимая часть причины явления»¹². Из этих двух методов «метод различия» – по преимуществу метод искусственного опыта, или эксперимента, тогда как к «методу сходства» прибегают преимущественно тогда, когда эксперимент невозможен.

Философ также выделяет третий метод, который можно назвать «косвенный метод различия» или «соединенный метод сходства и различия»¹³. Он состоит в двойном приложении метода сходства, причем оба доказательства независимы одно от другого и друг друга подкрепляют. Правило для него можно выразить следующим образом: если два или более случая возникновения явления имеют общим лишь одно обстоятельство и два или более случая не-возникновения того же явления имеют общим только отсутствие того же самого обстоятельства, то это обстоятельство, которым только и разнятся оба ряда случаев, есть или следствие, или причина, или необходимая часть причины изучаемого явления¹⁴. Четвертый – «метод остатков». Его суть Д. Милль определяет так: «Если из явления вычтешь ту его часть, которая, как известно из прежних индукций, есть следствие некоторых определенных предыдущих, то остаток данного явления должен быть следствием остальных предыдущих». Наконец он выделяет еще один – «метод сопутствующих изменений»: всякое явление, изменяющееся определенным образом всякий раз, когда некоторым особым образом изменяется другое явление, есть либо причина, либо следствие этого явления, либо соединено с ним какой-либо причинной связью¹⁵.

Как видим, для Д. Милля реконструкция исторических фактов, так же как и для Конта, в первую очередь заключается в установлении связи между фактами. А когда она найдена, историк, во-первых, может понять, где причина, а где следствие явления, а во-вторых, перейти от изучения мелких единичных фактов к изучению масштабных исторических, которые являются, в представлениях позитивистов, совокупностью единичных.

В философии неопозитивизма в вопросе реконструкции исторических фактов акцент делался на их логическом анализе. Критерием истинности служила логическая непротиворечивость. Процедуру языкового уточнения и прояснения философских понятий, проблем Б. Рассел назвал логическим анализом. Он был убежден в том, что в конечном счете она может быть описана пред-

ложением, содержащим только базисные знаки, каждый из которых обозначает определенную простую сущность. Такое предложение названо им атомарным.

Для Л. Витгенштейна исторический факт дан в логическом пространстве, т. е. в форме взаимосвязи с другими фактами факт выступает как некоторое отношение. Витгенштейн считал, что «только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя имеет значение, что значением слова является его применение в языке», поэтому язык становится одним из источников познания общественных явлений¹⁶. К нему начинают относиться исторически, в нем усматривают один из результатов исторического развития. С этим было связано применение в качестве реконструкции исторических фактов метода терминологического анализа. Известно, что немецкие историки Б. Нибур, Т. Моммзен и другие широко его применяли в качестве одного из средств познания общественных явлений эпохи Античности. Терминологический анализ имеет особое значение при использовании разных категорий античных и средневековых источников. Это объясняется тем, что содержание и смысл многих терминов, относящихся к современной исследователю эпохе, не так понятны, как современный ему язык или язык недалекого прошлого, между тем от того или иного истолкования содержания терминов часто зависит решение многих исторических проблем¹⁷.

К. Поппер, продолживший анализ проблем реконструкции исторических фактов, провозгласил важнейшей задачей построение объективных объяснений социальных ситуаций и разработал метод решения этой задачи, который он назвал ситуационным анализом, или ситуационной логикой. Этому методу он придавал большое значение: формулируя заключительное предположение в статье «Логика социальных наук», он выделил «две фундаментальные проблемы чисто теоретической социологии: во-первых, общую ситуационную логику и, во-вторых, теорию институтов и традиций». Разберем теперь, в чем состоит суть ситуационного анализа, или ситуационной логики. Этот метод выдвигается Поппером в противовес любым попыткам субъективистского объяснения в социальных науках – в частности, он иллюстрирует его на примере возможных объяснений действий и поступков Цезаря. Обычно историки, решая такую задачу, пытаются «влезть в шкуру Цезаря», что, как они считают, дает им возможность «точно узнать, что делал Цезарь и почему он так поступал». Однако, как отмечает Поппер, «каждый историк может влезть в шкуру Цезаря по-своему, и в результате мы получаем множество субъективных интерпретаций интересующих нас исторических явлений»¹⁸. Учёный считает, что такой подход опасен, так как он субъективен и догматичен. Ситуационная логика позволяет Попперу построить

объективную реконструкцию ситуации, которая должна быть проверяемой. Действительно, «социальная наука, ориентированная на объективное понимание, или ситуационную логику, может развиваться независимо от всяких психологических или субъективных понятий. Ее метод состоит в анализе социальной ситуации действующих людей, достаточном для того, чтобы объяснить их действия ситуацией, без дальнейшей помощи со стороны психологии. Объективное понимание состоит в осознании того, что действие объективно соответствовало ситуации»¹⁹. При этом соответствующие желания, мотивы, воспоминания лиц, вовлеченных в эту ситуацию, преобразуются в элементы ситуации – преследуемые объективные цели, используемые теории. Полученный в итоге результат может критиковаться, быть объективно проверенным, оказаться фальсифицированным, и в этом случае необходимо дать, привлекая дополнительные исторические факты, новое объяснение этой ситуации. Согласно К. Попперу, объяснения, которые можно получить на основе ситуационной логики, – это рациональные теоретические реконструкции исторического прошлого и, как всякая теория, они в конечном итоге ложны, но, будучи объективными, проверяемыми и выдерживая строгие проверки, они являются хорошим приближением к истине. Большого же – в соответствии с принципами попперовской логики научного исследования и его теорией роста научного знания – мы получить не в состоянии²⁰. Таким образом, можно утверждать, что ситуационная логика Поппера как метод реконструкции исторических фактов является важным вкладом в теории социальных наук.

Р. Коллингвуд указывал, что историография XX столетия принимала первую часть позитивистской программы – накопление фактов, – даже если и отвергала ее вторую часть – открытие законов. Но она все еще понимала факты позитивистским образом, т. е. как изолированные, или атомарные²¹. Это привело историков к тому, что в своем обращении с фактами они, во-первых, рассматривали каждый из них как объект, который может быть познан отдельным познавательным актом или в процессе исследования; тем самым общее поле исторического знания делилось на бесконечно большую совокупность мелких фактов, каждый из которых подлежал отдельному рассмотрению. А во-вторых, каждый факт считался независимым не только от всех остальных фактов, но и от познающего, так что все субъективные элементы (как их называли), привносимые точкой зрения историка, должны были быть уничтожены. Историк в процессе реконструкции не должен оценивать факты, его дело – сказать, каковы они были.

Французский историк и философ Р. Арон критикует позитивистов, указывая на то, что недостаточность позитивной реконструкции истории связана с используемыми методами. О. Конт и Д. Милль заимствуют методы наук о природе, не

задаваясь вопросом, применимы они к объекту или нет. «Реконструкция из простых элементов гипотетична, ибо элементы это понятия, разработанные для объяснения, и одна гипотеза, по определению, не может исключать другие»²². Р. Арон указывает на то, что историку никогда не удастся выделить исторический «атом», поскольку один жест простого гренадера возвратил бы нас к прошлому этого человека и обстановке этого события. Множество участников событий влечет за собой множественность пережитого опыта: каждый посвоему наблюдал или испытывал событие.

И. Д. Ковальченко положительно оценивает позитивистские методы реконструкции исторических фактов. Система (или системы) научных фактов, выявленная на эмпирической стадии исторического исследования, представляет собой научное *описание* изучаемой реальности в пределах поставленной исследовательской задачи. Историческое научное описание не равнозначно простой описательности: «Оно представляет собой зафиксированное в определенной знаковой системе отражение свойств, отношений и взаимодействий, присущих объективной исторической реальности и необходимых для конкретного раскрытия на теоретической стадии познания общих закономерностей и пространственно-временных особенностей ее функционирования и развития»²³. Историческая действительность представляет собой, таким образом, органическое сочетание единичного, особенного, общего и всеобщего и именно в этом единстве и должна познаваться, поэтому для историка в одинаковой мере необходимы и ценны и данные первичные, характеризующие историческую реальность на уровне единичного, и разного уровня агрегированные сведения, без которых нельзя познать особенное, общее.

А. М. Анисов указывает, что в процессе реконструкции прошлого историк имеет дело с парами объектов вида «прошлый объект – след объекта», где след объекта (письменный источник, например) существует в актуальном «сейчас» и репрезентирует оставшийся в прошлом объект²⁴. Онтологический путь образования такой пары состоит в том, что с течением времени объект теряет предикаты, оставляя следы своего существования в настоящем. Введенные понятия позволяют сформулировать основную задачу исторического познания – на основании предикатов, присущих следу, восстановить определенные предикаты объекта, оставившего след²⁵. Но в любом случае требовать от историка детальной реконструкции событий – значит совершать гносеологическую ошибку.

В ходе исследования проблемы реконструкции исторических фактов в философии позитивизма было установлено, что:

в различных позитивистских школах признавалась эмпирическая значимость исторических фактов;

представители различных течений философии позитивизма считали, что получение достоверных исторических фактов возможно в ходе реконструкции прошлого. Различие в стратегии реконструкции в разных позитивистских школах вытекало из различий в общем философском отношении к прошлому;

у представителей так называемого первого позитивизма реконструкция исторических фактов заключалась прежде всего в установлении связи между ними, чтобы наряду с единичными установить «общие», которые они называли законами;

в школе неопозитивизма реконструкция отождествлялась с логическим анализом, главным требованием реконструкции являлась логическая непротиворечивость, основное внимание уделялось языку;

в философии постпозитивизма выдвигалось требование реконструкции исторической ситуации, в которой происходили рассматриваемые историком действия.

Для нашего исследования важно отметить, что главным положительным результатом позитивистских стратегий реконструкции исторических фактов было привнесение в историческую науку огромного фактического материала, исторических источников. Работа с историческими текстами и документами основывалась на точности и критичности их исследования. Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала.

Примечания

¹ Библер В. С. Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89.

² См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 107.

³ Там же.

⁴ Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993. С. 44.

⁵ Carr E. H. What is History? L., 1964. P. 3.

⁶ Поппер К. Ницета историцизма // Вопр. философии. М., 1992. № 10. С. 48.

⁷ Конт О. Курс позитивной философии // Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 554.

⁸ Там же. С. 555.

⁹ Гайденок П. П. Понимание времени в философии науки конца XIX – начала XX в. Э. Мах и А. Пуанкаре // Знание. Понимание. Умение. М., 2004. № 1. С. 176.

¹⁰ Милль Д. С. Система логики сил логической и индуктивной // Антология мировой философии. Т. 3. С. 604.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 605.

¹⁶ Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация. Саратов, 1973. С. 73.

¹⁷ См.: Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2008. С. 243.

¹⁸ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 27.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ См.: Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 127.

²² Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М., 2000. С. 32.

²³ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 233.

²⁴ Анисов А. М. Проблема познания прошлого // Философия науки. М., 1995. Вып. 1. С. 245.

²⁵ Там же.

УДК 1 (075.8)

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА НАУЧНОГО РАЦИОНАЛИЗМА: РАДИКАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ НЕМЕЦКОЙ КЛАССИКИ

Г. Н. Калинина

Белгородский государственный институт культуры и искусств
E-mail: galakalinina@inbox.ru

В статье посредством философской и методологической экспликации важнейших радикальных философских новаций, представленных в гносеологических исследованиях немецких классиков, дано обоснование философии как превращенной формы научного рационализма данной эпохи. Исследуя границы компетенции разума, Кант сужает их; в гегелевской логико-исторической интерпретации феномен научного поступательного движения раскрывается как целостное, преемственное и растущее во времени связанное «тело» научного знания.

Ключевые слова: Кант, Гегель, философия, «превращенная форма», научный рационализм, космогония, гомогенность, разум, границы, «тело» научного знания.

Philosophy as Turned form of Scientific Rationalism: Radical Innovations of German Classic

G. N. Kalinina

Article by philosophical and methodological critical explanations of radical philosophical innovations presented in philosophical knowledge studies of German classics of the rationale of philosophy as a reason, form of scientific rationalism of the explosions at an epoch. Exploring the limits competence of Kant restricts them. In the historical interpretation of Hegel logic-scientific phenomenon is revealed as a coherent movement, succession «body» of scientific knowledge.

Key words: Kant, Hegel, philosophy, «turned form», scientific rationalism, cosmogony, homogeneity, mind, borders, «body» of scientific knowledge.

Обращение к докантовскому периоду философии Нового времени выявляет тройственную схему категориального членения мира, которая гарантировала его логическую гомогенность и познаваемость. Убрать из этой схемы Бога означало совершить коперниковский переворот в самом способе философской мысли. Это сделал Кант, система которого первой в ряду аналогичных дала объяснение из двух начал – человека и природы, – отнеся все остальное к «орудиям человеческого познания». Такой переход от трех к двум абсолютам выявил и обострил проблематику познаваемости. В соответствии с различиями в решении вопроса о способности человеческого ума к познанию принято различать «докритический» и «критический» периоды кантовской философии.

Теоретической основой и руководством докритических работ Канта с целью объяснения процесса развития Земли и органической жизни на ней послужили механистические принципы физической науки, идеи и принципы ньютоновой механики. В данной области Кант значительно расширил границы естественно-научного исследования, распространив его на вопросы происхождения и развития миров, сделав тем самым принципиальный шаг вперед по сравнению с Ньютоном. Философские же работы докритического периода навеяны рационализмом лейбницево-вольфовской школы с последующим разрывом с нею в области теории познания.

В XVII в. одновременно с признанием механистической картины мира получает широкое распространение понятие физикотеологии как попытки найти рациональное согласие между законами природы и их разумной первопричиной. «Ее научный язык принадлежал картезианству и ньютонианству, сохраняя при этом преемственность с пророческой традицией, существовавшей параллельно с научной революцией»¹. Физикотеологическая задача становится важнейшей в философском творчестве Канта – это мучительные размышления философа о возможном единстве материального и морального миров, поиски оснований согласия между законами природы и их разумной первопричиной. Уверенность Канта в возможности познания самих вещей и их причин можно объяснить рациональным толкованием лейбницевой «монадологии» и успехами космогонической теории, расширившей границы ньютоновского естествознания и существенным образом изменившей положение познающего конечного разума в рамках познаваемой системы мира, поскольку разум обрел наконец «ключ» к загадке «механизма Вселенной». Этот «ключ» Кант сумел извлечь из ньютоновского естествознания, совершив, по мнению А. Койре, радикальную трансформацию самого «ньютоновского мира»².

Решение физикотеологической задачи предполагало установление общезначимой и необходимой связи между материальным миром (телами, его наполняющими) и сверхчувственными сущностями (душой, Богом). В данной связи Кант, полемизируя со шведским мистиком Э. Сведенборгом, утверждает, что опытное познание ограничивается «знанием» лишь действия материальных сил, их проявлений в материально-протяженном виде, в то время как сама причина таких сил остается неизвестной. Он говорит о всеобщем «способе общения» материальных тел как носителей сил притяжения и отталкивания, противопоставляя его «способу общения» нематериальных объектов, или «духов», допуская возможность сверхчувственного «способа общения»³. Далее Кант пытается установить не просто логическую (формальную) аналогию между материальным и духовным бытием человека, которая могла бы основываться на методологических принципах единообразия и простоты всей сотворенной Богом природы (как это было в ньютоновском естествознании), а апеллируя к рассудку, найти «всеобщие и необходимые» закономерности метафизического единства материального и морального миров. Для познания существ, имеющих нематериальный способ существования (духов, или первопричины мира), предназначена, по Канту, такая способность субъекта, «при помощи которой он в состоянии представлять себе то, что по своей природе недоступно чувствам» и которую он называет рассудочностью или *разумностью*, еще не различая между собой данных понятий⁴. Это – важнейший пункт философской системы Канта, раскрывающий механизм возникновения научного знания: кантовское различие реального и логического применения рассудка позволило ему обнаружить сферу «чистого рассудка» («*intellectus purus*») и принадлежащие ему принципы.

«Критический» период ассоциируется с основным трудом – «Критикой чистого разума» – учением о законодательной роли рассудка с точки зрения априорной формы, сообщаемой знанию рассудком⁵. Говоря о возможности познаваемости или непознаваемости объектов умопостигаемого мира («вещей в себе»), Кант полагал, что способность познания одновременно и безгранична, и ограничена: *безгранична*, поскольку речь идет о познании явлений (природы) – в этом смысле «эмпирическая наука не знает никаких пределов для дальнейшего углубления и расширения <...> и неизвестно, как далеко зайдём мы на этом пути со временем»⁶. *Ограниченность же науки* понимается им в том смысле, что при любом расширении и углублении в свой предмет научное знание никогда не может быть знанием о том, что выходит за пределы необходимых и всеобщих логических форм, посредством которых осуществляется познание, т. е. знанием объективной реальности: «Во всяком случае, если бы даже и

вся природа раскрылась перед нами, мы никогда не получили бы ответа на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы...»⁷. В данном случае «вещь в себе» – это особые объекты умопостигаемого мира (бессмертие, свобода волеизъявления, божественная воля) в тех сферах познания, в которых живет неустрашимое требование гармонии между «нравственным поведением – нравственным умонастроением – счастьем», образующими в своем триединстве миропорядок, достижимый только в умопостигаемом мире.

Исследование проблемы достоверности знания ставится в зависимость от выявления условий, при которых возможен синтез чувственности и рассудка: «...без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один предмет не был бы мыслим». Поэтому, утверждает Кант, для достижения подлинного знания в одинаковой мере необходимо понятия делать чувственными, а наглядные представления подводить под понятия⁸. Различая рассудок и разум, Кант полагал, что рассудок подводит опытные понятия под категории, в то время как разум обеспечивает единство правил рассудка исходя из понятия цели. «Высшее, систематическое, следовательно, и целесообразное единство есть шкала, и даже основа возможности наиболее совершенного применения человеческого разума. Следовательно, идея этого единства неразрывно связана с сущностью нашего разума»⁹. Допущение возможности такого соединения лежит на пути обращения к форме (среди форм сознания), выполняющей роль звена, опосредующего связь категорий и чувственного созерцания (эта форма – время).

Подчеркивая активность человеческого разума, опирающегося на эксперимент, Кант в природе как предмете науки видит не то, что познано и уже освоено в опыте, но **возможность нового знания и нового опыта**, которая всякий раз оказывается перед познающим субъектом в роли таинственной «вещи в себе» – как «мир открытый». Здесь мы имеем дело с принципиально неформализуемыми в системе наличного опыта (и потому «непознаваемыми») остатками, с «вещью в себе», которая, согласно Канту, должна быть допущена к существованию на правах «детского места» нового знания, нового теоретического и практического отношения к природе. Этот всеобщий абстракт задает «монограмму» наличного и возможного теоретико-практического отношения к природе – в этом пункте, говорит М. К. Петров, и состоит «секрет» популярности Канта в науке¹⁰. Кроме того, кантовский регулятивный подход к Богу лишает человеческое познание абсолютной теологической опоры: посредством освобождения места вере (теперь уже в гетерономном мире) создается первая свободная от теологии территория науки.

Кант провозглашает логическую гетерономность мира, когда действуют логика объективной необходимости и логика свободы человеческого

выбора. Выбирая свободу, с которой неразрывно связано понятие автономии, немецкий классик утверждает всеобщий принцип нравственности и ответственности человека как субъекта морального закона. Представляется, что в данном кантовском постулате заданы важнейшие для всей последующей науки ориентиры и пределы возможного и допустимого в научном познавательном движении и прямо указаны онтологические границы, за которые наука не вправе распространять свою «сферу влияния», если в основу ее деятельности не положены нравственные императивы. Открытый характер системы Канта, где вся совокупность наличного опыта имеет лишь регулятивный характер (в то время как само знание совершается силами индивидуального мышления), для науки оказывается в большей мере привлекательным, нежели всякая замкнутость. Философская система Гегеля, напротив, замыкает мир в логическую форму с уже предзаданной, свершившейся историей наличного знания, что «сводит на нет» творческий поиск учёного.

Важно подчеркнуть: Кант, подвергая анализу передний край познания, четко определяет исходный «интуитивный» шаг научного творчества, когда ученый переходит от мысленного построения гипотезы, далее идя с ней (пока еще с пустой формой) к чувственности за содержанием, – планирует эксперимент. *Идея «априоризма» крайне важна для исследователя*, поскольку выражает момент научного творчества, фиксируя логическое опережение опыта и его логическую преформленность. И хотя сама идея «априоризма» не нова, Кант, опредметив в ней универсальное для творчества явление, показал его роль для научного познания – как неустрашимый из него момент выхода за рамки наличного, как момент отрицания полноты наличного знания в индивидуальном мышлении, наконец, как момент разложения наличного знания на составляющие и создания силами индивидуального мышления новых «пустых» связей. Причем, с точки зрения Канта, связь, будучи основным продуктом теоретического творчества, всегда нова и априорна: «...не предмет заключает в себе связь, только благодаря чему она может быть усмотрена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как “a priori” связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании»¹¹. Кроме того, идея Канта об априорности всеобщего знания принципиально важна не только для философии, но и для сферы естественно-научного знания, выступая ориентиром в вопросах понимания познавательных возможностей человека. Об этом говорят современные отечественные исследователи, подчеркивая ее актуальность и значимость и для настоящего времени¹².

В диалектической логике Гегеля, особенность которой, как мы подчеркивали ранее, со-

стоит в том, что связи, системность, целостность, преемственность логически эксплицированы и представлены как независимые от индивидов существенные свойства самого процесса познания, т. е. самодвижения и саморазвития системы научного знания. Значимость философского смысла этого шага в том, что в диалектике Гегеля предмет теории познания впервые предстал не «россыпью», не конгломератом схем, мнений, а безличным связным целым, «телом», автономной, целостной и независимой от человека исторической реальностью, которую можно было теперь исследовать как нечто в себе законосообразное, несущее имманентную логику связи в целом и, возможно, логику собственного развития. Основанием автономности и одновременно преемственности «научного поступательного движения» Гегель полагал самоактивность содержания, в то время как форма выступает у него всего лишь как «омертвленный переходящий момент устойчивости и определенности, как фиксированная на содержании опора поступательного движения – ибо движет себя вперед содержание внутри себя, диалектика, которую оно имеет в самом себе»¹³.

В данном контексте можно сказать, что у Гегеля получили свое завершение нормы традиционной гносеологии Нового времени, когда пренебрежение к конечному, смертному, единичному существованию, к его пространственно-временным определениям выступало как типичная черта подхода к миру на предмет его познания. Такая предзаданность отменяет необходимость анализа векторности научного поступательного движения и процессов приложения результатов научных исследований соответственно. Однако сам феномен «научного поступательного движения», его автономности, положенный в основу диалектической логики, продолжает оставаться в активе философской проблематики, способствуя обоснованию предмета и постановке проблемы методов изучения процессов преемственного поступательного движения научного знания¹⁴.

Таким образом, проведенный анализ важнейших радикальных философских новаций Канта и Гегеля, в числе которых исследование условий возможности и границ достоверного априорного научного знания на пути синтеза чувственности и рассудка, раскрытие механизма его возникновения через обнаружение сферы «чистого рассудка» и принадлежащих ему принципов (у Канта) и феномен научного поступательного движения, представленный как рост «тела знания» (у Гегеля),

позволяют идентифицировать философские гносеологические исследования немецких классиков как превращенную форму научного рационализма данной эпохи.

Примечания

- ¹ Уэбстер Ч. От Парацельса до Ньютона. Магия и формирование современной науки // Современные историко-научные исследования (Ньютон). М., 1984. С. 279.
- ² См.: Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 21–22.
- ³ Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 2. С. 292.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Некоторые исследователи полагают, что под «критикой» сам Кант понимает точное выяснение познавательной способности, к которой обращается каждая отрасль знания и философия, а также исследование границ, за пределы которых не может простирается (в силу устройства самого сознания) компетенция теоретического и практического разума, философии искусства и философии природы. Причем вторая установка смещала предшествующую философскую проблематику в направлении приоритетности теории познания как основной философской науки, которая имеет первостепенной задачей ограничение компетенции разума (см.: Асмус В. Ф. Философия Иммануила Канта. М., 1957. С. 22).
- ⁶ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 4. С. 334.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 335.
- ⁹ Там же. С. 67.
- ¹⁰ Петров М. К. Историко-философские исследования. М., 1996. С. 369.
- ¹¹ Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 193.
- ¹² Так, например, исследования, проведенные в Лундском университете (Швеция), свидетельствуют о том, что многие фундаментальные константы (такие как гравитационная постоянная, масса электронов и др.), теоретически обоснованные и связанные с идеей априорности, в действительности, меняются во времени. А это означает, что модель Большого взрыва, выстроенная на логике необходимости, предполагает в дальнейшем необходимость изменения. Так что идея априорности, выдвинутая Кантом и подвергаемая критике во времена позитивизма, вполне своевременна и сегодня.
- ¹³ Гегель Г. В. Ф. Соч. : в 14 т. М., 1931. Т. 5. С. 34.
- ¹⁴ См.: Петров К. М. Указ. соч.

УДК 111.1

АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

Е. В. Карпова

Магнитогорский государственный университет
E-mail: e.v.karpova@rambler.ru.

В статье исследуются гносеологические основания дифференциации социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях.

Ключевые слова: социокультурное восприятие, дифференциация, восприятие, пространство, философско-правовые представления.

An Analysis of Grounds of Differentiation of Sociocultural Perception of Space in Philosophical-Legal Presentations

E. V. Karpova

The article investigates the epistemological grounds of differentiation of sociocultural perception of space in philosophical-legal presentations.

Key words: sociocultural perception of space, differentiation, perception, space, philosophical-legal presentations.

Целью проведения дифференциации социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях является исследование социокультурного разнообразия видов восприятия пространства с точки зрения познавательной деятельности.

По нашему мнению, с гносеологической точки зрения социокультурное восприятие пространства можно рассматривать как процесс и форму чувственного отражения действительности в сознании, а также как результат – целостный образ пространства, возникающий вследствие воздействия объективного мира на органы чувств. Оно является не только суммированием ощущений, но и синтетическим актом познавательной, практической, эмоциональной деятельности субъекта. Данный подход позволяет нам представить социокультурное восприятие пространства как познавательный процесс, обусловленный взаимодействием субъектов, культурными смыслами, значениями, ценностями, нормами и их материальными носителями. Пространство рассматривается нами как объект восприятия – чувственная данность, обладающая определённой геометричностью.

Понятие «социокультура» введено П. Сорокиным. По его мнению, «все материальные явления, существенные для значимого взаимодействия людей, являются носителями социокультурных явлений. Все они объективируют различные значения, социализируют их и делают доступными для других. Поэтому неточно говорить о социо-

культурных явлениях так, как будто бы они состоят исключительно из людей; помимо людей, они включают в себя нематериальные значения и их материальные носители как равно существенные и универсальные компоненты»¹. Согласно точке зрения, которую высказывают В. П. Бранский, М. С. Каган, И. А. Майзель, философия относится к ценностно-мировоззренческим формам познавательной деятельности². Все ценностно-мировоззренческие формы познавательной деятельности носят социокультурный характер и формируют различные виды соответствующих представлений.

Нас интересуют философско-правовые представления о пространстве. В связи с этим представляется возможным провести дифференциацию социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях по гносеологическим основаниям, в зависимости от типа правопонимания. В. С. Нерсесянц выделяет следующие типы правопонимания: легизм, юснатурализм, либертарно-юридическое правопонимание. Согласно легистическому подходу право рассматривается как продукт государства, оно сводится к принудительно-властным установлениям и формальным источникам позитивного права. Согласно точке зрения Г. Кельзена, «норма, представляющая собой основание действительности другой нормы, является по отношению к ней высшей нормой. Однако поиск основания действительности нормы не может продолжаться бесконечно <...> Норма, постулируемая в качестве наивысшей, называется основной нормой. Все нормы, действительность которых можно вывести из одной и той же основной нормы, образуют систему норм, нормативный порядок»³. Таким образом, принцип иерархичности норм права ассоциируется с вертикальностью как геометрической характеристикой пространства: образ вертикальности преобладает в данном виде социокультурного восприятия пространства.

С точки зрения В. С. Нерсесянца, в юснатуралистическом подходе имеет место правовой дуализм – «представление о двух различных, но одновременно действующих типах (разновидностях) права: естественного права и позитивного права»⁴. По мнению Гераклита, «все человеческие законы питаются единым божественным. Ибо последний господствует, насколько ему угодно, довлеет всему

и все побеждает»⁵. М. Хайдеггер рассуждает: «... в выявленных бытийных чертах повседневного друг-среди-друга-бытия, дистанция, середина, уравнивание, публичность, облегчение и шаг навстречу, лежит ближайшее “постоянство” присутствия»⁶. В указанных примерах прослеживается сочетание вертикальности и горизонтальности как признаков, характеризующих пространство в юснатуралистических представлениях.

В либертарно-юридическом подходе различаются право и закон, но под правом понимается принцип формального равенства. По мнению В. С. Нерсисянца, «правовое равенство представляет собой определенную абстракцию, т. е. является результатом сознательного (мыслительного) абстрагирования от фактических различий, которые присущи уравниваемым субъектам правовой формы общения. Такое уравнивание предполагает наличие фактических различий и вместе с тем их незначимость с точки зрения соответствующего критерия (основания) уравнивания, а именно: свободы индивида в общественных отношениях, которая признается, выражается и утверждается в форме его правосубъектности и правоспособности. Право говорит и действует языком и мерами равенства и благодаря этому выражает свободу людей»⁷. Мы считаем, что способность устанавливать общую равную меру свободы ассоциируется с пространственной горизонтальностью, и в этом виде социокультурного восприятия пространства она преобладает.

Таким образом, можно выделить социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях юснатурализма, легизма и в либертарно-юридическом подходе.

Кроме того, дифференциация социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях может осуществляться в зависимости от метода мышления, характерного для конкретной правовой семьи. В классификации Р. Давида и К. Жоффре-Спинози обоснованно выделяются две правовые семьи – романо-германское право и общее, прецедентное право⁸. По мнению С. С. Алексеева, именно к этим двум типам склоняются сама логика решения правовых ситуаций⁹ и, с нашей точки зрения, социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях. В построении и принципах действия рассматриваемых мировых правовых систем заложены известные логические приемы – дедукция и индукция, – которые противоположны друг другу. Интересной представляется проблема правового мышления от общего к частному и от частного к общему в различных правовых семьях. Дедуктивный метод мышления характерен для стран с романо-германской системой права.

В связи с этим, как считает С. С. Алексеев, романо-германская правовая семья характеризуется тем, что основой всего состава юридических средств являются нормы закона, которым при-

суци формальная определенность, системность, многократность применения, общеобязательность и обеспеченность возможностью государственного принуждения. При этом все, что существует «до» закона, не придаётся существенного юридического значения. А всё то, что «после», оценивается в качестве явлений, реализующих закон, его применение; судебная деятельность (практика) понимается в качестве производной от закона. Общие идеи, принципы в области права имеют юридическое значение лишь постольку, поскольку они выражены в законе¹⁰. Таким образом, для романо-германской правовой системы характерен дедуктивный логический метод мышления, который формирует построение умозаключений от общего положения к частному, или от абстрактного к конкретному.

Индуктивный метод логики диктует принцип от частному к общему, он характерен для стран с англосаксонской правовой системой. Как указывает С. С. Алексеев, «в общем, прецедентном праве основу юридического регулирования образуют <...> индивидуальные акты – судебные решения, которые в каждом случае разрешают данную конкретную правовую ситуацию и одновременно при определенных условиях приобретают качество прецедента – источника права <...> Законы, за известными исключениями (такими, как конституции и законы, принятые в порядке модельного правотворчества) играют в основном дополнительную, зависимую роль от прецедентного права»¹¹.

Как мы видим, для романо-германской правовой системы характерно логическое движение от общего к частному – от гносеологического познавательного образа пространства к онтологическому актуальному предмету восприятия конкретной жизненной ситуации. Для англосаксонской правовой системы характерна система логических построений от частного – онтологически конкретной жизненной ситуации (актуального предмета социокультурного восприятия) – к общей норме права – познавательному образу пространства.

Существуют проблемы социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях в рамках этих двух систем. Проблема пробелов в праве существует в романо-германской правовой семье. С точки зрения нашего исследования она заключается в несоответствии абстрактного образа пространства, заложенного в норме права, пространству конкретной жизненной ситуации, т. е. в не-соответствии гносеологического абстрактного познавательного образа пространства нормы права актуальному предмету восприятия. Это в определенных случаях затрудняет или делает невозможным развитие перцептивного процесса социокультурного восприятия пространства как события.

Проблема недостаточно выработанных правовых обобщений и конструкций характерна для общего, прецедентного права. Мы считаем,

что она заключается в недостаточной выработке абстрактного гносеологического образа пространства нормы. По мнению С. С. Алексеева, здесь прослеживается «историческая интеллектуальная незавершенность, в чём-то даже неполноценность»¹². Нормативные обобщения как познавательные образы могут дать законченное целостное понимание взаимосвязи субъекта и объекта как процесса внутренней дифференциации и реинтеграции информационного содержания, регулирования текущего поведения и преобразования (снятия) в рамках сменяющего его чувственного образа социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях. Таким образом, в том и другом случае нарушена целостность процесса социокультурного восприятия пространства.

Преодоление этих проблем возможно на современном этапе развития права в процессе сближения правовых систем. Развитие «чистых» юридических форм в их единстве с культурой прав человека характеризует перспективу развития социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях. С точки зрения С. С. Алексеева, на современном этапе происходит процесс правовой конвергенции: «Именно в результате правовой конвергенции (интеграции) в правовых системах демократических стран появляются черты общности, <...> что позволяет видеть в них некоторое “одно целое”. <...> Правовая конвергенция представляет собой нечто единое с формированием концепции “права цивилизованных народов”. И с этой точки зрения – общую для всех этих процессов исходную причину мирозданческого порядка – глобальный перелом в развитии человеческой цивилизации, развитие и утверждение цивилизаций либерального типа и, значит, современного гражданского общества, центром и смыслом которого являются Человек, его достоинство и его неотъемлемые права»¹³. По мнению К. Цвайггерта и Х. Кётца, «различные правопорядки, несмотря на все различия в своем историческом развитии, доктринальных взглядах и стилях функционирования на практике, решают очень часто одни и те же жизненные проблемы, вплоть до мельчайших деталей, одинаково»¹⁴. В связи с этим, по нашему мнению, в философско-правовом плане происходит сближение социокультурного восприятия пространства и формирование нового уровня его восприятия как циклического процесса – от конкретной жизненной ситуации как актуального предмета восприятия до формирования гносеологического познавательного образа в виде нормативного, закрепленного формально – при правотворчестве, и при реализации и применении права – от формально закрепленного нормативного обобщения к конкретной жизненной ситуации. Индуктивный метод призван дополнять

дедуктивный: это позволяет сделать процесс социокультурного восприятия пространства в философских представлениях динамичным и развивающимся и соответствует идее «живого права» С. С. Алексеева¹⁵.

В результате проведенного анализа можно выделить континентальное социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях, основанное на дедуктивном методе мышления, и англосаксонское, основанное на индуктивном методе, а также конвергентное (интегрированное), базирующееся на взаимодополняемых методах дедуктивного и индуктивного мышления. Дифференциация по типу понимания даёт нам возможность исследовать социокультурное восприятие геометричности пространства в различных философско-правовых представлениях, а дифференциация по способу мышления показывает взаимосвязь онтологических и гносеологических аспектов социокультурного восприятия в философско-правовых представлениях – пространства конкретной жизненной ситуации и нормативно-правового абстрактного образа пространства.

Примечания

- ¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 206.
- ² См.: Бранский В. П., Каган М. С., Майзель И. А. Диалектика познания. Л., 1988. С. 192.
- ³ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. М., 1988. Вып. 2. С. 66.
- ⁴ Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // *Вопр. философии*. 2002. № 3. С. 10.
- ⁵ *Гераклит*. Фрагменты [Электронный ресурс] // *Мировая философия: от античности до современности* / под ред. А. Литвина. М., 2003. 1 электрон. диск (CD-ROM).
- ⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 128.
- ⁷ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 3–15.
- ⁸ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. [Электронный ресурс]. М., 1999 // *Электронная библиотека юридической литературы* Pravoznavec.com.ua. URL: <http://pravoznavec.com.ua/books/letter/285/%D0%94> (дата обращения: 16.11.2010).
- ⁹ См.: Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 53–54.
- ¹⁰ Там же. С. 62.
- ¹¹ Там же. С. 65.
- ¹² Там же. С. 67.
- ¹³ Там же. С. 225–226.
- ¹⁴ Цвайггерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное право-ведение в сфере частного права : в 2 т. / пер. с нем. М., 1998. Т. 1. С. 58.
- ¹⁵ Алексеев С. С. Указ соч. С. 101.

УДК 165 + 111

КОНЦЕПЦИЯ АВТОПОЭЗИСА: БЫТИЕ, ПОЗНАНИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Э. В. Ласицкая

Саратовский государственный университет
E-mail: elina8605@mail.ru

В статье рассматривается концепция автопоэзиса, представленная чилийскими нейробиологами Ф. Варелой и У. Матураной. Автопоэзис как ключевое свойство живых систем является основанием для отождествления сфер бытия, познания и деятельности. Эта концепция также позволяет объяснить социальные процессы и культурные феномены.

Ключевые слова: автопоэзис, живая система, бытие, познание, деятельность, эволюция.

The Conception of Autopoiesis: Existence, Cognition, Activity

E. V. Lasitskaya

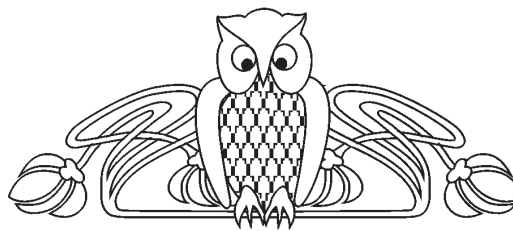
This article is devoted to the conception of autopoiesis given by Chilean neurobiologists H. Maturana and F. Varela. Autopoiesis as a basic property of living systems is a foundation for considering of such as existence, cognition and activity. This conception also makes possible to explain social processes and cultural phenomena.

Key words: autopoiesis, living system, existence, cognition, activity, evolution.

В середине 1970-х гг. чилийскими нейробиологами – представителями Сантьягской теории познания Ф. Варелой и У. Матураной была разработана концепция автопоэзиса. Авторы изучали генезис и функционирование живых систем с точки зрения эволюционно-деятельностных представлений. Понятие «автопоэзис» в переводе с греческого дословно означает «самовоспроизведение». Основной целью исследования стало выделение фундаментального организующего начала, свойственного всем живым существам. Развивая концепцию автопоэзиса, учёные вышли за пределы биологии и сделали значимые онтологические и гносеологические выводы, что позволило проанализировать социальные процессы, роль языка в жизни общества, психологию человека.

Эта концепция основана на системном подходе: разрабатывается теория сложных саморегулирующихся систем, у которых жизнь является сущностным качеством. Функция автопоэзиса заключается, во-первых, в способности постоянно самовоспроизводиться, а во-вторых, сохранять свою автономию по отношению к окружающей среде.

Живые системы отличаются друг от друга своей структурой, но всегда обладают схожей автопоэзной организацией. Важной характеристикой таких систем является способность

изменять свою структуру, но оставаться той же самой системой без утраты организационных особенностей, причем способность к постоянному изменению является условием сохранения своей организации. Этим автопоэзные системы отличаются от таких систем естественного происхождения как кристаллы, которые не стремятся активно поддерживать свою организацию. Если у искусственной машины, например компьютера, автомобиля, процессы, которые они выполняют, задаются извне, то живому организму присуща самоорганизация.

Ключевыми характеристиками автопоэзных систем являются их целостность и автономность по отношению к внешней среде. Под первой понимается совокупность свойств существования живой системы в пространстве и обособленность её динамических процессов от внешней среды. Автономность по отношению к внешней среде в зависимости от уровня системы, будь то биологическая клетка или насекомое, трактуется как форма сознания – например, в клетке поддерживает автономность клеточная мембрана, которая является примитивным уровнем сознания. В процессе эволюционного развития органического мира возникают сложные когнитивные системы, обладающие развитым сознанием, осуществляющим процедуры абстрагирования, анализа, проектирования.

Стержневой характеристикой живого является его нерасторжимая связь с окружающей средой благодаря сети структурного взаимодействия, динамическому единству. Для анализа этого феномена Ф. Варела и У. Матурана вводят понятие операциональной замкнутости живой системы. С точки зрения синергетики только открытые системы, свободно обменивающиеся энергией со средой, обладают свойством самоорганизации; закрытые не участвуют в таких процессах обмена, степень хаотизации в них нарастает, они постепенно разрушаются. Авторы концепции настаивают на частичной замкнутости живых систем, которые не являются, по большому счету, ни полностью открытыми, ни полностью закрытыми. Система активно взаимодействует, контактирует с внешним миром, но вместе с тем сохраняет свою автономию от него. Автопоэзная система, обладая определенным набором паттернов жизнедеятельности, поддерживает свою идентичность, саморазвивается, самовоспроизводится, сохраняет устойчивость к влиянию внешних факторов.

Эта система направлена на собственное непрерывное обновление и поддержание целостности своей структуры, поэтому единственной её целью является воссоздание самой себя. Результатом её деятельности и активности становятся она сама в своей целостности и уникальности. Необходимо подчеркнуть, что любые процессы в живой системе направлены только на автопоэзис. В случае если эта схема не реализуется, система разрушается. А. А. Аретаков резюмирует: «Концепция автопоэзиса рассматривает живое как систему, существующую в вечном потоке замен материальной структуры при неизменности формы сети – неизменности паттерна системы. Паттерн системы определяет циклы её жизнедеятельности, алгоритм операций, позволяющий воспроизводить ей сама себя»¹.

Существенным для концепции автопоэзиса является вопрос познания, которое рассматривается с точки зрения биологического подхода. У. Матурана и Ф. Варела настаивают на том, что мир не дан для познания в готовом виде, но конструируется когнитивной системой в процессе жизнедеятельности. Принципиальное значение имеют биологические характеристики живого организма, определяющие способ его жизнедеятельности. Учёные отмечают: «Весь когнитивный опыт, включая познающего на личностном уровне, коренится в его биологической структуре»². Познание имеет биологические корни, его результат предзадан физиологией организма. Живой организм и окружающая его среда связаны динамическим единством, которое основывается на способе жизнедеятельности этого организма. Например, инфузория и собака живут «в разных мирах», так как в связи с разной биологической организацией им доступны разные когнитивные области, поэтому область познания ограничена способом жизнедеятельности организма. Таким образом, живая система контактирует лишь с частью окружающей её среды, которая является когнитивной нишей данного организма. Когнитивная область, в которой он существует, детерминирована автопоэзисом системы, поэтому область познания и проживания совпадает.

Ф. Варела и У. Матурана отождествляют на основании автопоэзиса три сферы – бытие, познание и деятельность: жизнь представляет собой деятельность, мир, готовый для познания, открывается организму в процессе жизни. Центральной идеей концепции является то, что познание неразрывно связано с действием и осуществляется через него. Е. Н. Князева подчеркивает: «Познавательная активность в мире создает и саму окружающую по отношению к когнитивному агенту среду – в смысле отбора, “вырезания” когнитивным агентом из мира именно и только того, что соответствует его когнитивным способностям и установкам»³.

При анализе понятия познания с точки зрения автопоэзиса необходимо учитывать, что живая

система постоянно, непрерывно взаимодействует с окружающей средой, и более того, прочно укоренена в ней посредством структурных связей. Авторы концепции оценивают в качестве когнитивного акта любое взаимодействие системы со средой. Познание среды происходит как автопоэзис организма. С одной стороны, среда обладает ресурсом, необходимым для выживания, который обеспечивает самоподдержание и самовоспроизведение организма. С другой стороны, среда может представлять угрозу жизни организма в виде нарушения его автономности. Организм вынужден фиксировать изменение окружающей среды и реагировать определенным образом, что является когнитивным актом.

Под знанием Ф. Варела и У. Матурана понимают «эффективное поведение в некотором заданном контексте»⁴. Это область адекватного взаимодействия системы и среды, позволяющая осуществлять автопоэзис. Знание в этом случае является таким представлением о среде, благодаря которому система рассчитывает свое поведение и успешно осуществляет жизнедеятельность, поэтому знание не обязательно должно соответствовать предметам объективной реальности и быть знанием чего-либо. Оно не изолировано от когнитивного агента в качестве абсолютного, но подразумевает его наличие. Знание всегда является знанием наблюдателя. Появление реальности как некоего мира, отличного от наблюдателя, происходит оттого, что каждой автопоэзисной системе свойственно выделять свою целостность, автономность. Здесь лежит фундаментальное свойство различения как выделения системой себя из окружающей среды. Этим путем организм ограничивает внешнюю реальность, выделяя в ней предметы, свойства которых воздействуют на него, провоцируя определенные реакции. Без наблюдателя данная процедура была бы невозможна – по мнению авторов, предметы мира, потеряв свой статус, потеряли бы и отличия.

Таким образом, когнитивный агент не отражает, а конструирует реальность, творит свой мир. Система «вырезает» слой мира, соответствующий её поисковой активности и когнитивным возможностям. Другого мира, кроме как сконструированного в процессе жизни-познания, для организма не существует. Авторы резюмируют: «Мы не видим, чего именно мы не видим, а то, что мы не видим, не существует»⁵. В силу физиологических особенностей у системы нет шанса переместиться в другую когнитивную область.

Концепция автопоэзиса трансформирует понимание соотношения мира и наблюдателя. Позиция стороннего наблюдателя и независимой реальности, которую нужно познать «саму по себе», уступает место такой, в которой наблюдатель и среда находятся в непрерывном взаимодействии. Здесь имеет место явление коонтотенеза как согласованного развития организмов, связанных структурным сопряжением в контексте

единой окружающей среды. Особое значение коонтогенез приобретает на социальном уровне организации, которым определяется онтогенез каждого её члена. Социальная система характеризуется сложными структурными связями между её компонентами. Человек, входя в такую систему, участвует в социальной деятельности, носящей коммуникативный характер. Коммуникация необходима для обеспечения координации совместной деятельности, в результате чего появляются такие формы структурного сопряжения, как язык, мышление и самосознание.

Ф. Варела и У. Матурана предполагают, что у людей постоянная половая жизнь, не носящая сезонного характера, способствовала развитию привязанности друг к другу. Длительная забота о потомстве сделала необходимым участие мужчины в этом процессе, что привело к биологическому закреплению кооперации и необходимости развития лингвистической координации действий⁶. В связи с этим такой биологический феномен как язык эволюционно обусловлен и является характеристикой человеческой среды существования. Язык появляется благодаря коонтогенезу членов социальной системы и необходимости их структурного взаимодействия. Например, «язык» пчел не является языком в прямом смысле слова, так как структурное взаимодействие имеет инстинктивный характер и обуславливается филогенетической координацией. Язык человека детерминирован социокультурными факторами, усваивается в результате обучения, связан с его онтогенетическим коммуникативным поведением и позволяет описывать в семантических терминах онтогенетические структурные сопряженности между организмами⁷. Рождаясь, человек погружается в свою лингвистическую область, и именно язык делает возможным появление таких феноменов, как самосознание, рефлексия и разум. Человек обретает свою сущность благодаря языку.

Язык представляет собой целую область описаний, являющуюся частью окружающей среды. Объекты среды возникают вместе с языковым обозначением благодаря лингвистическим различиям. Ф. Варела и У. Матурана настаивают: «Язык никогда никем не изобретался только для того, чтобы воспринять внешний мир, язык не может быть использован как орудие для открытия этого мира. Скорее, именно с помощью оязычивания акт познания порождает мир в той поведенческой координации, которая есть язык»⁸. Таким образом, мир человека всегда конструируется совместно с другими в языке и в этом смысле язык создает мир.

Концепция автопоэзиса развивается в рамках синергетической парадигмы: организм и окружа-

ющая среда связаны процессуальным единством и представляют собой систему. Е. Н. Князева отмечает, что когнитивный агент и среда его активности взаимно полагают и детерминируют друг друга: «Они связаны сложным сцеплением прямых и обратных связей и находятся в отношениях ко-детерминации; они используют взаимно предоставленные возможности, пробуждают друг друга, со-рождаются, со-творяются, изменяются в когнитивном действии и благодаря ему»⁹. Такой способ рассмотрения соотношения когнитивной системы и мира позволяет снять жесткую субъект-объектную конструкцию познания, основанную на дистанцировании наблюдателя от мира. С точки зрения концепции автопоэзиса, развитой в рамках эволюционно-синергетической парадигмы, познающий укоренен в познаваемом, един с ним. Он творит свой мир на основании физиологических и когнитивных возможностей, поэтому знание обретает «человекоподобный» характер: в пост-неклассической науке мир дан через человека и его психологию.

В современной парадигме получает широкое распространение и развитие конструктивистский дискурс, в котором концепция автопоэзиса выступает в качестве естественно-научного обоснования. С точки зрения чилийских ученых, любое знание формируется в целях адаптации к среде существования, для эффективного осуществления автопоэзиса. Эта установка полностью соответствует конструктивистской, которая постулирует, что знания не истинны, а жизнеспособны: знание о мире является организацией опыта. Таким образом, концепция автопоэзиса объединяет в себе идеи синергетики, эволюционной эпистемологии, конструктивизма и является теоретической основой для исследования процессов на разных уровнях организации природы и социальной жизни.

Примечания

- ¹ Ардаков А. А. Сознание в онтологиях антропоного принципа // *Вопр. философии*. 2008. № 1. С. 47.
- ² Варела Ф., Матурана У. *Древо познания. Биологические корни человеческого познания*. М., 2001. С. 14.
- ³ Князева Е. Н. Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии // *Когнитивный подход / под ред. акад. В. А. Лекторского*. М., 2008. С. 267.
- ⁴ Варела Ф., Матурана У. *Указ. соч.* С. 153.
- ⁵ Там же. С. 213.
- ⁶ Там же. С. 196.
- ⁷ Там же. С. 184.
- ⁸ Там же. С. 207.
- ⁹ Князева Е. Н. *Указ. соч.* С. 261.

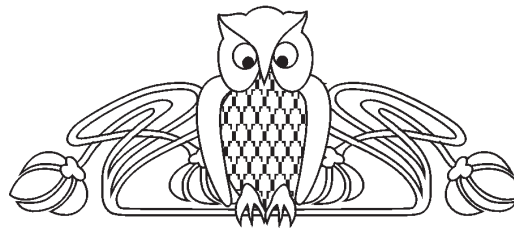
УДК 1+316

ВРЕМЕННЫЕ МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. В. Листвина, Н. А. Тельнова

Саратовский государственный университет
E-mail: listvamer@yandex.ru

Волгоградский государственный университет
E-mail: telnova07@mail.ru

Статья посвящена анализу темпоральных характеристик социальной идентичности. Подчеркивается, что осознание индивидуом времени своего существования выступает в качестве важнейшего условия осмысления им своей идентичности и средства ее структурирования. Выбор человеком определенного вектора времени детерминирован социокультурными факторами и определяет его систему ценностей и тип поведения в социуме, а в конечном счете – специфику определенной культурной модели. Усвоение стандартов времени помогает человеку успешно ориентироваться в мире, более адекватно и эффективно действовать в нем, преодолевать кризисные ситуации.

Ключевые слова: идентичность, социальная идентичность, кризис идентичности, время, темпоральность.

Temporal Modi of Social Identity

E. V. Listvina, N. A. Telnova

The article is devoted to the analysis of temporal characteristics of social identity. It is emphasized that the recognition of time of personal existence by an individual is the most important condition of understanding of the identity and the means of its structuring. The person's choice of a certain temporal vector is determined by sociocultural factors. It shows the system of values and the type of behavior in society and after all the specificity of a certain cultural model. Learning the standards of time helps to orientate successfully in the world, act more adequately and effectively to overcome crisis situations.

Key words: identity, social identity, crisis of identity, time, temporality.

Проблема социальной идентичности в настоящее время вызывает повышенный интерес, обусловленный комплексом разнообразных причин. Одни из них связаны с потребностью научно-теоретического анализа новых социально-исторических условий и характера изменений идентичности в современном обществе, другие – с необходимостью разработки концептуальных подходов, позволяющих раскрыть темпоральный характер человеческого бытия. Процессы глобализации и трансформации современного мира актуализируют исследование феномена идентичности и механизмов ее формирования, что позволяет решать ключевые задачи социального развития. Каждое общество вырабатывает определенную систему ценностей, в которой переосмысливается феномен идентичности. Ведущую роль в этой системе играет такая культурная характеристика как время, которое позволяет внести коррективы в понимание идентичности.

Идея временно́го существования идентичности явно или неявно всегда присутствует при анализе факторов формирования человека. Дж. Локк, который впервые ввел проблему идентичности в философский и психологический дискурс, определяет ее как осознание индивидуом непрерывности и тождественности во времени. По его мнению, идентичность удостоверяется именно памятью: человек, независимо от возраста, остается тем же, поскольку основанием единообразия его бытия выступают совпадающие воспоминания¹.

Социальная идентичность выступает как осознанный процесс соотносительности (тождественности) человека с определенной общностью (нацией, этносом, государством и т. д.), во взаимодействии с которой он совершает деятельность по распределению социального опыта и самоопределению своей сущности. Идентичность способствует активному освоению образцов и стереотипов поведения, присущих членам сообщества, принятию групповых норм, целей, социальных ролей, установок, идеалов в качестве собственных. Это помогает организовать и сплотить индивидов, сориентировать их в изменяющемся мире. Каждая социальная идентичность обладает специфическими темпоральными особенностями, определяющими характер ее структурной конфигурации, представленной совокупностью различных элементов.

Время социальной идентичности имеет событийную основу. Формы идентичности субъектов выявляются и выражаются через многообразные формы их взаимодействия и со-бытия, которые создают поток социального процесса, продуцируют новые схемы, знания, нормы и тем самым влияют на изменение характера общественных систем. С одной стороны, это со-бытие, совместное бытие людей во времени, имеющее значение для характера развертывания их идентичности. Идентификационные процессы происходят тем полнее и интенсивнее, чем более развита деятельность человека, выявлена его обращенность к миру, чем в большее количество социальных связей (пусть даже неявных) он включен. Личность невозможно просто «вписать» во время, она есть действующий субъект, который своей творческой энергией актуализирует социальное время².

С другой стороны, в разной событийной наполненности идентичности раскрывается неоднородность ее темпоральных характеристик, способность сгущаться, растягиваться, ускоряться или замедляться, от чего зависит её содержательное наполнение. Она выступает как трансформирующая система, которая имеет временные свойства, развивается на протяжении всей жизни человека, расширяется и обогащается смыслами, проходит кризисные этапы становления, меняется в соотношении с проявлениями окружающего мира. Современное человечество живет все больше не в «пространстве мест», а в «пространстве потоков», мир сжимается, становясь интегративным, контакты между народами и нациями крепнут, растет взаимопроникновение и взаимовлияние. В этой ситуации идентичность претерпевает существенное изменение и приобретает множественные оттенки.

Наряду с фрагментацией идентичности происходит и ее расширение, чему способствуют коммуникативные связи, культурный обмен, различные виды взаимодействия народов друг с другом. Человек пытается достичь внешнего подобия с тем, что дано, показано, передано традицией. Идентичность не изживает себя, а приобретает новые формы, сохраняя в своей структуре культурные основания всех предшествующих исторических модификаций. Современные формы опыта являются крайне изменчивыми, и их трансформация происходит на протяжении жизни одного поколения, что приводит к необходимости постоянной корректировки идеалов, ценностей и моделей становления личностной идентичности. Расширение универсума индивидуального мира, пространства идентичности современного человека связано с его способностью переосмысливать постоянно усиливающиеся социальные изменения с точки зрения ответственного отношения к своей судьбе и будущему человечества.

Идентичность складывается благодаря трем темпоральным выражениям человеческих усилий – воссоединению со своей историей, прошлым, обретению идентичности в настоящем, видению будущего и своего места в нем. Она тесно связана с историческим временем, так как существуют определенные механизмы влияния общества на ее формирование. Человек всегда имеет некоторое отношение к своему прошлому, поскольку история дает обоснование идентичности. В трактовке Г. Гегеля идентичность стала рассматриваться как исторический процесс; он придал ей временной характер и применил не только к бытию человека, но и к бытию целых наций, государств, институтов. История (прошлое), рассматриваемая в качестве основы развития личности, выступает как значимый смысловой источник формирования ее идентичности.

Идею об использовании прошлого для решения текущих проблем, для поддержания

политической и национальной идентичности развивали Э. Геллнер, Э. Хобсбаум. На это обращает внимание Г. Люббе: «Индивидуумы в их неповторимости могут быть идентифицированы с помощью историй. Рассказывая наши истории, мы демонстрируем эту неповторимость»³. Источник идентичности, по его мнению, лежит в процессе интерпретации и конструирования истории. История субъекта становится историей идентификации. Человеческое бытие исторично не потому, что включено в историю, а потому, что в основе своей темпорально. Согласно Э. Гуссерлю, идентификация социальной и групповой сфер возможна благодаря исторической идентификации отдельных индивидов, первичной темпоральности индивидуального сознания как условия возможности временного и смыслового поля любого сообщества и связи людей для совместной работы по созданию мира значимых и ценностных структур.

Становление и обнаружение идентичности происходит в процессе развертывания времени. Человеческая жизнь не проходит во времени, она сама есть время постоянно обновляющихся смыслов. «Думается, что модусы времени выступают не только средствами идентичности человека, но и образуют особую ценностную структуру жизни человека <...> Временные структуры, осознанные через разные формы оценивания, выражают подвижность бытия и небытия, открывают для человека темпоральные характеристики смысла жизни»⁴.

Для успешной самореализации человека, конструирования его социальных возможностей важна идея связанности временных аспектов. Нарушение же этой согласованности приводит к кризису идентичности, к низкой социальной адаптации или к душевным и психическим расстройствам личности. Еще Августин показал, что прошлое и будущее реально существует в настоящем, через него получая свое определение. Позднее М. Хайдеггер пришел к пониманию времени как исполненного, завершенного целого, в котором прошлое, настоящее и будущее сливается воедино, раскрывая смысл бытия. Речь идет о необходимости осознания человеком взаимосвязи разных темпоральных аспектов идентичности, результатом чего является представление о себе как существующем во времени. Мотивационными составляющими социального поведения человека выступают временные модусы его идентичности – прошлое как пережитое и будущее как проективное. В экзистенциализме Ж.-П. Сартра человек – это прежде всего проект, устремленный в будущее. Он творит себя сам, реализуя свои возможности⁵. В современном информационном обществе человек не зафиксирован в социальной системе жестко и однозначно и его идентичность реализуется как «рефлексивный проект» (Э. Гидденс) в рамках речевой практики.

Согласно постмодернистской концепции З. Баумана идентичность имеет онтологический статус проекта и постулата и рассматривается только с позиции будущего времени. Мир, по его мнению, изначально похож на невыразительную и бессмысленную пустыню, предназначенную для самосозидания, а жизнь уподобляется странничеству, в ходе которого паломники придают ему значение. Странник и пустынный мир приобретают смысл (который всегда находится в будущем) вместе и посредством друг друга. Таким образом, и смысл мира, и идентичность могут существовать как проекты, поскольку существует временная дистанция, которая и дает возможность этим проектам реализоваться. Человек домодерного общества строил свою идентичность исходя из уверенности в прочности и предсказуемости окружающего мира, в линейности и кумулятивности времени. «Главной стратегией жизни как паломничества, как формирования идентичности было “сбережение ради будущего”. Однако сбережение ради будущего как жизненная стратегия имело смысл лишь постольку, поскольку люди могли быть уверены, что в будущем получают выгоду от своих сбережений...»⁶.

Идея проективности личности, развиваемая современными философами, выступает основанием для выявления тех идентификационных характеристик личности, которые отнесены в будущее и определяют ее представления о ближайшем будущем, а именно желание обретения позитивной социальной идентичности (известное положение концепции Тэджфела – Тэрнера). Неполнота человеческого бытия, незавершенность и бесконечность его изменения придают деятельности человека вероятностный характер и широкие возможности для проективного конструирования своей идентичности и самоопределения в социальном пространстве. В итоге темпоральный характер идентичности тесно связан с идеей существования ее как некоторой потенциальности, до конца не реализованной возможности.

Активизация когнитивных и аксиологических элементов идентичности (истин, норм, стереотипов) зависит от принятой временной ориентации. Выбор человеком определенного вектора времени (прошлого, настоящего или будущего), с одной стороны, детерминирован социокультурными факторами, с другой – определяет его систему ценностей, идеологию, тип поведения в социуме и в конечном счете – специфику определенной культурной модели. Д. Фрэйзер объяснял победу христианства над язычеством тем, что оно ориентировалось на светлое будущее и потому оказалось сильнее языческого «культу предков». Другой пример связан с характерным для картины мира советского человека образом прекрасного будущего, в котором не было места прошлому и который со временем перестал соответствовать реалиям настоящего. Мифологическая сущность

советской системы стала одной из причин ее кризиса, следствием которого является то, что идентичность утратила функцию регулятива, приводящего в соответствие индивидуальные смыслообразования и процессы их социального проектирования. Сконструированный «образ времени» («золотой век», «план будущего») влияет на характер идентификационных процессов, протекающих в обществе.

В условиях современного информационного общества, имеющего сетевой характер, и в ситуации возросшей социальной мобильности человек может жить и общаться, находясь в любой точке географического пространства, организация которого зависит от его технических средств. Свободное передвижение в пространстве и оперирование временными потоками приводит к затруднениям в оформлении им своей идентичности. Американский психиатр Р. Дж. Лифтон называет современную идентичность «протеевской», подчеркивая ее постоянную изменчивость, «бездомность». Это связано с тем, что индивид пребывает в состоянии нестабильности, обусловленной круговоротом бесконечных разнообразных социальных трансформаций. Основная причина – «революция в средствах массовой информации, приведшая к взаимопроникновению культур, непрестанному обмену культурными ценностями и способности к моментальному распространению информации из одного конца мира в другой. В итоге человек, хочет он того или нет, становится “гражданином мира”, и, находясь в своей культурной среде, он продолжает постоянно испытывать чужеродные социокультурные влияния извне, которые влияют на формирование его самости»⁷.

Влияние на индивида современных средств массовой информации привело к возникновению «сетевой идентичности», главным средством воздействия на которую становится невербальный язык. Все это приводит к утрате или диффузии идентичности: человек теряет чувство самостождественности, непрерывности времени, утрачивает внешний контроль, расширяет или ломает социальные границы, отличается максимальной открытостью и вседозволенностью. Постмодернисты объявили идентичность понятием целиком сконструированным, значит – вариативным, изменчивым, поэтому легко манипулируемым идеологами и политиками. Человек фрагментирован во времени, растворен и рассеян в процессуальности собственного бытия. Возникающий плюрализм ценностей, смыслов, позиций разрушает целостность социального бытия, онтологическое единство культуры и создает основу для идеи «кризиса идентичности», связанной с ситуацией «смерти субъекта» (М. Фуко) или «конца человека» (Ж. Деррида).

Время оказывается условием и возможностью для самореализации человека, средством структурирования его идентичности. «Структу-

ры осуществления задают структурам существования иное временное определение и раскрывают возможность не одного только претерпевания времени, но и созидания времени, возможность исполнения времени»⁸. Поскольку время выступает как универсальный контекст социальной жизни, ткань человеческого бытия, то осознание времени своего существования – условие осмысления своей идентичности. Это осмысление подразумевает придание своему Я смысловой значимости, позволяющей ему общение с миром. Речь идет об отождествлении себя не только с социумом, но и с временными модусами его существования. В данном контексте идентичность можно рассматривать как форму самоутверждения человека во времени, как темпоральный способ внутренней организации исторических событий и общественных процессов. Иными словами, время человека в социокультурной реальности приобретает ярко выраженный аксиологический характер и его можно рассматривать в качестве атрибута процессов социальной самоорганизации.

Усвоение стандартов общества помогает человеку ориентироваться в мире и адекватно действовать в нем, но не менее важно для него и усвоение стандартов времени⁹. Чем успешнее человек научится соотносить свои возможности с требованиями времени, тем успешнее его деятельность. Тот, кто не идентифицирует себя с определенным временным периодом развития общества – с исторической эпохой, – оказывается вне системы сложившихся общественных связей и отношений, сформировавшихся в данном социуме в процессе его исторического развития. Важной причиной кризиса социальной идентичности стало отсутствие корреляции индивида с настоящим периодом существования общества, его выпадение из быстро меняющегося времени, неспособность адаптироваться к трансформирующейся общественной ситуации, прерывность истории, утрата веры в будущее.

Идентичность включена в число важнейших механизмов личностного освоения действительности, протекающего в определенных временных рамках. Исследование этого феномена важно рассматривать в интервалах ценностно-значимого

для человека времени, в котором происходит выбор им способа самоопределения, самореализации в социальном пространстве. Аспекты структурной организации социальной идентичности особым образом интегрируются и взаимодействуют в зависимости от темпоральных особенностей ее существования. Экспликация смыслового значения социальной идентичности подразумевает описание данного феномена во временных составляющих. Подобный подход к осмыслению идентичности открывает широкие возможности для ее исследования и решения многих связанных с нею проблем.

Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» в рамках мероприятия 1.1 «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук». ГК № 02.740.110605.

Примечания

- 1 См.: Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 387–388.
- 2 См.: Виноградова Н. Л. Социальное пространство как пространство диалогического взаимодействия // Вестн. Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 34.
- 3 Люббе Г. Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 108.
- 4 Устьянцев В. Б. Ценностное бытие человека. Саратов, 2006. С. 33.
- 5 См.: Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 323.
- 6 Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 135.
- 7 Труфанова Е. О. Идентичность и Я // Вопр. философии. 2008. № 6. С. 99.
- 8 Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. М., 1987. С. 247.
- 9 См.: Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2005. С. 199.

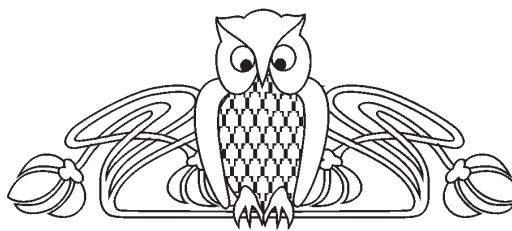

УДК 1 (470) (091)+929 Яковенко

Б. В. ЯКОВЕНКО О РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Т. Ю. Маслова

Саратовский государственный университет
E-mail: filosof-09@mail.ru

В статье анализируются философские труды Б. В. Яковенко, посвященные русской философии. Яковенко отвергает идею своеобразия и оригинальности русской философии и становится ярким противником идей Н. А. Бердяева. Несмотря на то что он всячески отрицает национальную русскую философию, в статье обосновывается точка зрения, согласно которой он сам находится в русле этой традиции.

Ключевые слова: русская философия, национальная философия, трансцендентальный плюрализм, немецкий идеализм, философская традиция, неозападничество, религиозная философия.

B. V. Jakovenko about Russian Philosophy

T. Yu. Maslova

B. V. Jakovenko's works devoted to Russian philosophy are analyzed in article. Jakovenko rejects idea of feature and originality of Russian philosophy, becoming the opponent of N. A. Berdjajev's ideas. Author argues that, in spite of critical relation to Russian philosophy, B. V. Jakovenko is a part of Russian philosophical tradition.

Key words: Russian philosophy, national philosophy, transcendental pluralism, German idealism, philosophical tradition, neowesternism, religious philosophy.

Среди философского наследия Б. В. Яковенко особое место занимают его работы по истории русской мысли («О задачах философии в России», «Философское донкихотство», «Философия отчаяния», «Очерки русской философии» и др.), в которых формируется и отстаивается особая точка зрения относительно состояния русской философии. Ученый отмечает, что русская философская мысль переживает свое второе рождение. Особенность русской философии заключается в том, что в ней всегда господствовали два начала – религиозная вера и научный дух. В этой незримой борьбе религиозная вера уступила свое ведущее место науке, на философскую арену вступил позитивизм. Роль философии заключалась в обобщении научных данных. Философом мог стать любой ученый, который желал всего лишь расширить свой научный горизонт: «Философия была лишена, таким образом, самосознания, была подавлена влиянием внешнего по отношению к ней фактора. Ей надлежало помочь русскому человеку жить в той атмосфере, которая ему была дана, придать систематичность тем идеям, которыми одарило его время», – отмечает он¹.

Но философия – это, прежде всего, самостоятельная наука и, как любая другая, она обладает

и своим методом, и своим предметом. Философия есть наука о науке, о красоте и святости, в совокупности являющихся областью трансцендентального. Возрождение философии в России пробудило к жизни и религиозный мотив. По словам Яковенко, представители религиозной философии грезят созданием русской национальной философии. Сам же он является ярким противником национальности в философии: «Философия как таковая не может иметь национального лица. Если бы философия могла быть приурочиваема к национальности, она была бы лишена рациональной возможности претендовать на какое-либо постоянство»². Яковенко убежден, что построение философской системы на основании принадлежности ее к какой-либо нации есть уклонение от исторического пути философского развития, которое приобретает общемировые масштабы. Говорить о национальной принадлежности философии так же нелепо, как и утверждать, что математика или физика являются культурным достоянием какого-то одного народа.

Эта позиция, согласно которой российская философская мысль лишена всякой традиции, на наш взгляд является довольно спорной. Философ утверждает, что если и можно говорить о какой-либо традиции, то многие русские мыслители являются представителями традиции немецкого идеализма. Он выступает непримиримым оппонентом Бердяева, который утверждает самобытность русской философии. В статье «Философское донкихотство» Яковенко обращает внимание читателей на противоречивость концепции религиозной философии, на ее несостоятельность по сравнению с немецким идеализмом. Более того, он открыто обвиняет Н. А. Бердяева в незнании мировой философской традиции.

Косвенным подтверждением своей идеи о том, что философия не может иметь национальности, Яковенко считает стремление философской мысли к своему истинному воплощению – метафизике, к познанию Сущего. И такая метафизика, в противовес философии религиозных мыслителей – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского – является независимым беспредпосылочным критико-гносеологическим исследованием, т. е. научной, критической метафизикой. Такова, по мнению ученого, общая направленность философского развития не только в России, но и в Европе. Эта общая тенденция в России была воплощена молодым философским

движением неозападничества, яркими представителями которого Б. В. Яковенко считал Б. П. Вышеславцева, И. А. Ильина, Г. Э. Ланца, Т. И. Райнова, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета и, разумеется, себя. Основание, согласно которому стало возможно объединение этих имен, вполне ясно: признание мира данностью познавательного аспекта и подход к ней с точки зрения познания.

В отечественной историософии имя Яковенко прежде всего связано с русским изданием международного журнала по философии культуры «Логос». За период 1910–1914 гг. вышло 8 его номеров в Москве и 2 в Петербурге. Журнал сразу же зарекомендовал себя в качестве оплота «неозападничества» и европеизма. По замечанию исследователей, «Логос» «с самого начала задумывался как теоретический орган для пропаганды и развития философских идей неокантианства. Предысторией и определяющей предпосылкой организации организацией журнала “Логос” было массовое паломничество русской молодежи, интересующейся философией, в немецкие университетские города»³. Именно философские идеи Яковенко, его изыскания на тему философии культуры придавали «Логосу» неповторимость и общественно-культурную значимость. Работа Б. В. Яковенко в журнале (в качестве одного из редакторов и наиболее «продуктивного» автора) стала самым ярким эпизодом его жизни и творчества в России. Направленность журнала становится понятной после знакомства с небольшим очерком, который философ пишет, сопровождая выход первого номера журнала: «Сейчас, когда русское общество начинает втягиваться в философские вопросы и философский интерес пробуждается к самостоятельной жизни после долгого (у нас, русских, особенно долгого) периода порабощения других интересов, наступило время самооценки русской философии, и не только самооценки, но и активного творческого участия в развитии собственно философии – той, которая живет не в России, а в Европе и, еще точнее, в Германии и именуется трансцендентологией, наукой о науке, нравственности, красоте и святости, о том, что в своей совокупности составляет сферу трансцендентального <...> Мы должны вычеркнуть мировоззрение из числа философских вопросов, предоставляя это нациям, эпохам, индивидуальностям»⁴. Такая довольно резкая оценка состояния русской философии обусловлена тем, что перед отечественными философами стояла гносеологическая проблема теоретико-познавательного оправдания метафизики. Эта потребность делала необходимым обращение к европейской философии гносеологической направленности.

Идейные вдохновители и редакторы русского «Логоса» сознательно и твердо отстаивали свои позиции, согласно которой и поныне распространено мнение о «специальном глубокомыслии» русской философии и ее особенной

оригинальности и аутентичности является полной профанацией и заблуждением. Неозападникам, получившим философское образование в лучших университетах Германии, бросалась в глаза методологическая слабость русской философии, поэтому они осознавали необходимость выработки навыков самостоятельного мышления, что, по их справедливому замечанию, возможно только при условии хорошего знания философской классики. Они видели путь преодоления философского коллапса, который, по их мнению, сложился в России: первым его этапом должно стать освоение мировой философской традиции. Они обращали особое внимание на то, что только успешно пройденный первый этап гарантирует возможность нового творчества. Б. В. Яковенко следующим образом обосновывает это требование к философской образованности: «Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая <...>. Все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А поэтому лишь вполне усвоив себе это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше...»⁵. Из тех, кто основал «Логос», интенция «пойти дальше», т. е. в метафизику, была реализована в наибольшей степени только Б. В. Яковенко. Искусно переплетая неокантианские (прежде всего когеновские) и гуссерлианские мотивы и основываясь на собственных представлениях об основных, в конечном счете онтологических тенденциях немецкого идеализма, он выработал собственную систему критико-интуитивного плюрализма, которая, как он предполагал, является апогеем истории мировой философии, ее самым высшим достижением. Система философских взглядов Яковенко сложилась довольно рано, исследователи его творчества отмечают, что статьи, напечатанные им в «Логосе», уже содержат в себе основные идеи концепции «трансцендентального плюрализма».

В обзоре «Тридцать лет русской философии» философскую ситуацию в России Б. В. Яковенко характеризует следующим образом: «... грубый и наивный метафизический материализм и более рафинированный, но тоже по-своему догматичный, сциентистский позитивизм как-то отступили, сами собою, в тень, редко и лишь глухо проявляясь; а с расцветавшей и ширившейся (тоже, главным образом, на почве теоретических проблем) религиозно-философской тенденцией велась самая энергичная, решительная борьба за независимость и научность до конца критической и свободной философской мысли»⁶. Что касается самой философии Б. В. Яковенко, то она, как уже

говорилось, отвечала ведущей русской и, что немаловажно, европейской (в частности, немецкой) тенденции к новым онтологиям. Добился ли он на этой стезе успеха и в какой степени ему удалось реализовать свои философские амбиции – вопрос совсем иного плана, который мы не рассматриваем в рамках данной статьи.

При подобном довольно негативном отношении Яковенко к русской философской традиции вполне закономерным представляется вопрос, вписывается ли его творчество в контекст русской философии. На наш взгляд, на него необходимо отвечать однозначно положительно, по крайней мере, по двум причинам. Первая та, что русская философия, как и любая другая национально определенная философия, предстает перед нами как обособленное, индивидуальное выражение мировой философской проблематики, иными словами, философии как таковой, поэтому демаркация понятий «русская философия» и «философия в России» просто не имеет смысла. Национальная традиция в философии существует, и этого нельзя отрицать. В противном случае мы не могли бы говорить о французской, английской или немецкой (о чем сам ученый неоднократно упоминает) философии. Вторая причина, по которой мы считаем трансцендентального плюралиста Б. В. Яковенко представителем русской философской традиции, – это то, что он жил и работал в ус-

ловиях русской действительности, находился под влиянием социальной реальности, сложившейся в России в начале XX в. и его труды были одним из звеньев развития русской философии. И если мы признаем наше западничество русским, а не немецким, то почему бы Б. В. Яковенко не быть русским философом? В философской литературе неоднократно подчеркивается, что разного рода европейские философские идеи практически всегда ассимилируются на русской почве и окрашиваются в русские цвета. Тому же процессу было подвержено и неокантианство «Логоса» и одного из его авторов Б. В. Яковенко. Если мы признаем наше западничество русским, то мы просто обязаны считать Б. В. Яковенко русским философом.

Примечания

- 1 Яковенко Б. В. О задачах философии в России // Яковенко Б. В. Моцъ философии. СПб., 2000. С. 654.
- 2 Там же. С. 656.
- 3 Белов В. Н., Рожков В. П. История русской философии. Саратов, 2006. С. 151.
- 4 Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Моцъ философии. С. 9.
- 5 Яковенко Б. В. Очерки русской философии. СПб., 2000. С. 742.
- 6 Яковенко Б. В. Тридцать лет русской философии // Там же. С. 854.

УДК 124.4

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ПЕРСПЕКТИВЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Н. А. Моисеева

Российский государственный аграрный заочный университет
E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

Статья посвящена анализу русской национальной идеи в контексте современных реалий, где соединяется новое содержание с бытием национальной идеи. Подчеркивается, что национальная идея есть процесс самоосуществления нации как субъекта в историческом процессе через формирование мы-идентичности. Утверждается, что национальная идея имеет не только эвристический смысл в перспективе самоопределения России, но и всемирно-историческое значение.

Ключевые слова: национальная идея, мы-идентичность, народ-субъект, самосознание, самоопределение.

Heuristic Sense of the National Idea in the Long Term of Self-Determination of Russia

Н. А. Моисеева

This article analyzes the Russian national idea in the context of contemporary realities, where new content join to the national idea. It is emphasized that the national idea is a process of self-realization of the nation as a subject in historical process through the formation

of «we-identity». It argues that the national idea has heuristic sense, not only in the perspective of self-determination in Russia, but also a world-historical significance.

Keywords: national idea, we-identity, people-subject, self-awareness, self-determination.

Сегодня, когда Россия вновь оказалась перед необходимостью исторического выбора и самоопределения, актуализируется поиск и содержательный анализ ее национальной идеи. Очевидно, что без аргументированного учения и концепции развития, учитывающей реалии современного бытия, невозможна самоидентификация народа, а значит – само его существование в ситуации глобализации. «Ведь идея у народа или есть, и тогда он процветает, или ее нет, но тогда имеем ли мы право говорить о самобытном народе?»¹. Как представляется, споры о содержании национальной идеи будут актуальными до тех пор, пока наша страна не обретет пути, который

поддержит большая часть граждан и который реально объединит их. «Всякий раз, когда Россия преодолевает кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее государственной идеи становится все более универсальной и масштабной, нежели предыдущая»². В результате этого смысл и способы реализации общенациональной объединительной идеи России имеют всемирно-историческое значение, поскольку, как полагал А. В. Гулыга, русская идея родилась из катастрофического прошлого страны и предполагает всеобщее спасение: «Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех»³. По его мысли, русская идея — это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Хотя она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую философскую культуру. Ее источниками являются: русский исторический опыт, православная религия, немецкая диалектика. Русская идея актуальна сегодня как никогда, она «имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития. Сегодня русская идея (порой – под другими именами) возрождается, наполняя особым смыслом наше потускневшее автомобильно-электронное бытие»⁴.

Как великая цель и идеал она вызревала в недрах народа и обусловлена спецификой его развития, зависит от черт национального характера и менталитета. «Сегодня русская идея прежде всего звучит как призыв к национальному возрождению и сохранению материального и духовного достояния России»⁵. Н. Бердяев писал: «Русские искания начала XIX в. и начала XX в. (а мы добавили бы – и начала XXI в. – Н. М.) свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа»⁶. Истоки ее возникновения восходят к началу формирования русского народа, в то же время она сейчас представляет собой развитие, разворачивание изначальной, поскольку рассматривается в контексте современной России. В общем виде это путь движения страны, способ ее существования в настоящем и будущем, это и надежда на достойное место в мировом сообществе.

И. Н. Андрушкевич – историк, политолог, потомок русских эмигрантов, живущий в Буэнос-Айресе, – полагает, что «процесс перехода донородного и догосударственного бытия на высшую историческую ступень народной государственности всегда связан с появлением какой-нибудь специфической идеи, имеющей объединяющий и направляющий характер»⁷. Если обратиться к содержанию русской идеи, то можно обнаружить, что она никогда не оставалась статичной, но постоянно уточнялась и развивалась. Мысль автора такова: «Каждый народ имеет свою историю, и эти исторические прецеденты тоже слагаются постепенно и тоже входят в состав его национальной

идеи»⁸. Более того, он полагает, что национальная идея включает в себя три основные вытекающие из истоков России идеи – это самобытность, справедливость и соборность.

Если более внимательно подойти к этой проблеме, то можно утверждать, что национальная идея есть процесс самоосуществления нации как субъекта в историческом процессе. Национальная идея показывает не только неисчерпаемость самовыражения субъекта, но и свою регулятивную роль: она раскрывает на каждом историческом этапе такие возможности для общества, которые позволяют ему восстанавливать свою целостность в процессе его саморазвития, изменения структуры. Это происходит потому, что национальная идея выражает именно бытие, устойчивость существования национально-этнической основы общества, которое сохраняет внутреннюю идентичность, несмотря на постоянные изменения содержания общественной жизни. В данном случае национальная идея выступает как основание, источник и цель исторического саморазвертывания общества, его движение не только во внешней среде, но и к собственной сущности, поэтому национальная идея не может сводиться к набору идеологических и мировоззренческих принципов: она объективно обусловлена и не создается как субъективный акт философа или политика.

Поскольку общество исторически меняет свое содержание, возникает проблема его *соединения* с бытием национальной идеи. Такой синтез – нахождение форм реализации национальной идеи в обществе – для него является необходимым, так как определяет и выявляет формы связи объективного и субъективного, благодаря которым общество может восстанавливать свою целостность, полноту своего бытия на разных этапах развития. Именно поэтому русская идея постоянно восстанавливается в формах народной культуры и народного творчества, в философских исканиях, в социальном самочувствии граждан, в направленности и тематике национальной культуры и т. д.

В разные исторические эпохи русская идея выполняла в обществе и его культуре самые различные функции: она подчеркивала самобытность и уникальность национально-культурного организма, обеспечивала преемственность культурных традиций и отражала уровень развития духовной культуры, указывала направление совершенствования личной, общественной и государственной жизни. По В. Соловьёву, русская идея есть «верховный долг нации» и «эта идея действует во всех случаях как реальная мощь»⁹. И. Ильин утверждал, что «эта идея указывает нам на нашу историческую задачу и наш духовный путь»¹⁰. Фиксируя базовые ценности русской культуры, русская идея способствовала объединению в единое целое огромного полиэтнического мира Российской империи. Для России русская идея, отмечал Н. А. Бердяев, – это не просто стержень

национальной идеологии, но и история русской духовности, «собираемый образ России», который сегодня можно назвать мы-идентичностью.

В современном российском обществе, которое приняло модель информационно-технологических приоритетов и существует как массовое, характеризующееся массовой культурой с ее международным (преимущественно западным) содержанием, субъективный фактор оказался весьма заниженным. Социум как бы «рассыпался» на корпоративные сообщества, на бессвязное количество индивидуумов, которые в большей мере заняты личностной адаптацией к реальности, освоением и ответом на требования рыночной и информационной среды, чем на решение задач выявления целостности страны, нахождения оптимальных для нее форм реализации духовности и культуры. Технологические основы российского жизнеустройства негативно повлияли и на определение современной национальной идеи, хотя национальная идея вновь волнует умы россиян, так как Россия стоит перед очередным историческим выбором. Термин «национальная идея» по-разному толкуется в обществе и выражает, скорее, конкретный способ (проект, социальные технологии) разрешения накопившихся противоречий, чем осознание и выявление общего пути движения нашего общества к будущему, а значит, одновременно и к самому себе.

Поиски выражения современной национальной идеи так или иначе направлены в отечественной философии на связь, соотношение субъективного и объективного, хотя и не соблюдают требования *всеобщности* этой связи, ее исторической *конкретности*. Так, Н. С. Розов считает, что «ключевым архетипом требуемой глубинной трансформации (нашего общества. – Н. М.) может стать “порядок”. Россияне со времен Рюрика страдали отсутствием порядка, но связывали чаемый порядок исключительно с твердой авторитетной властью. Задача современной духовной элиты России – установить новую связь: действительно человечный и справедливый порядок может появиться у нас только при верховенстве права над властью»¹¹. Очевидно, что соотношение порядка, который обеспечивается государственной властью, и права не исчерпывает тех форм связи субъективного и объективного, которые требуются современному обществу.

Другие авторы в раскрытии национальной идеи ограничиваются общей констатацией, не конкретизируя главного – современных форм воплощения национальной идеи в российской реальности. В частности, для Л. В. Карасёва «русская идея – это идея о другом мире <...>. Она есть также и идея об изменении, ибо достигнуть чего-либо иного можно, лишь изменив мир, либо самого себя»¹². Ясно, что менять нужно. Однако каким способом, в каком направлении? Через какие ресурсы и способы деятельности? Ответа нет. Сходным в этом плане можно считать подход

В. М. Межуева, который отмечает, что «идея – это наличие у каждой нации системы ценностей, имеющей для нее более универсальный смысл, чем ее национальные интересы»¹³. Все это так, но что это дает для конкретизации современной русской идеи? Подобная констатация содержится и в справочной литературе. Так, М. А. Маслин подчеркивает, что «“Русская идея” является понятием сложным и неоднозначным, отражающим многовариантность исторического пути России», но дальше этого он не идет¹⁴.

Не особенно продвигают решение проблемы и идеологии тех основных партий, которые сложились в России, – центризма, либерализма и социализма (с учетом национальных особенностей). Поскольку они выступают как альтернативные, то ограничивают друг друга и не выражают необходимой целостности и всеобщности современного облика русской идеи. Тем не менее все согласны с тем, что национальная идея должна иметь высокое предназначение и быть плодом исторического развития народа и его культуры, нести в себе национальный дух и общечеловеческое значение.

Таким образом, для конкретизации современного содержания «русской идеи», определения места и ее роли в нашем обществе необходима разработка *методологических основ* ее исследования. Прежде всего следует не «сбирать» русскую идею из набора различных свойств, отношений и тенденций общественной жизни, а наоборот, *выводить* из этой идеи как субстанции все основные характеристики бытия современного общества в его социальных и этнокультурных формах. Это значит, что русская идея «присутствует» в нашем обществе и сегодня, однако задачей является раскрытие тех форм и отношений, в которых она выполняют свою целевую, организационную и регулятивную роль. Рассмотрим в этой связи ее соотношение с некоторыми важными субъективными свойствами нашего общества. Прежде всего необходимо прояснить соотношение русской национальной идеи с понятием «мы-идентичность». Идентичность можно рассматривать как самосознание, или осознание обществом, народом своего внутреннего единства с теми ценностями, нормами и идеалами, которые были выработаны в его истории – на пути к национальному и гражданскому становлению. В структуре мы-идентичности можно выделить наличие национальных суверенитета, самосознания и соответствия. Все эти принципы в истории России многократно проявлялись и в военных победах в борьбе за национальную независимость, и в преодолении расколов, и в сохранении чувства социальной и нравственной справедливости, которое всегда было присуще нашему народу.

Сегодня, несмотря на социальную потребность в формировании целостного российского общества, теоретическая разработка и практическая направленность политики в достижении мы-идентичности в значительной мере тормозятся от-

сутствием проявленных «контуров» русской идеи. Это означает, что мы-идентичность необходимо исследовать как форму реализации в современном обществе русской идеи. Мы-идентичность – это не результат договора или консенсуса в обществе по различным вопросам, но проявление (и условие) формирования возможности такого соответствия объективного и субъективного на основе актуализации русской идеи, которое обеспечивает формирование целостности России, ее культуры, причем как в пространстве, так и во времени (включая и сохранение культурных, духовных традиций). Следовательно, достижение мы-идентичности выступает как важнейшее условие раскрытия и других форм соответствия русской идеи современному обществу. Более того, именно через такую идентичность, которая означает открытость общества достижению своих внутренних констант, раскрываются потенциал русской идеи и ее специфика.

Мы-идентичность – это состояние общества, которое начинает формироваться на основе реализации русской идеи: во-первых, самосознание и самоопределение общества в отношении к самому себе, т. е. раскрытие того, что выступает как основа бытия российской самобытности без современных техногенных и информационных условий его существования, которые привнесены извне, являющиеся международными и «затушевывают» такую самобытность. Во-вторых, это раскрытие *собственного пространства (направления) развития* при сохранении идентичности. В-третьих, это выработка всех основных форм отношений России с внешним миром, т. е. превращение огромного пласта технологических и других заимствований в составные компоненты мы-идентичности. При этом основной «работой» русской идеи является разделение, размежевание фактического и символического: символическим является тот «код», или программа, которая встроена в бытие русской идеи. Благодаря этому мы-идентичность – коллективный субъект – отождествляет себя с данным содержанием и постоянно отделяется, «отодвигается» от него, сохраняя различие между конкретным постоянно обновляющимся социальным содержанием с одной стороны и постоянством русской идеи как бытием народа-субъекта, имеющим в качестве возможного статус субстанциальности, – с другой. Именно поэтому коллективный субъект постоянно оказывается «больше» своего общественного содержания, но сохраняется его функция переработки, переделки в национальные и культурные формы меняющегося социального содержания, включая и внешние заимствования.

Без сохранения русской идеи в формах субъективности и культуры общественное сознание всегда оказывается вторичным, зависимым от общественного бытия, поскольку осознает объективность этого бытия, его проявления лишь частично. Поскольку русская идея является суб-

станциальным проявлением общества, оказывается «не снимаемой» радикальным изменением социального (технологического, экономического, политического) содержания, постольку общественное сознание как проявление бытия коллективного субъекта всегда опережает общественное бытие, сохраняет культурный, духовно-нравственный, ценностный, экзистенциальный контроль субъектом развития этого бытия. В настоящее время такой контроль значительно ослаблен из-за того, что интегральный субъект не обладает общественным масштабом, человек оказывается «встроенным» в ткань техногенного мира, в бесконечные модификации рынка и потому отрывается и от национальной идеи, и от самого себя. В этом одна из причин роста социального отчуждения личности в современном обществе, продолжающегося процесса его дегуманизации.

Важно отметить, что в противовес «технизации» России, ее подчинению западным стандартам, включая и культивирование «современного» образа через СМИ, рекламу, в обществе идет стихийный процесс складывания мы-идентичности. Как показывают данные социологических исследований, проведенных Институтом этнологии и антропологии РАН по вопросу идентификации москвичей как россиян, в 1992 г. лишь пятая часть опрошенных идентифицировала себя как россиян, а в 2006–2008 гг. так обозначили себя уже 65% населения России¹⁵. Эта тенденция показывает «неосознаваемое» пока воздействие русской идеи на сознание и ориентации современников. Оно осуществляется, во-первых, как ответ на определенные вызовы современной социокультурной ситуации и проблем как российского, так и общемирового развития; во-вторых, национальная идея начинает выполнять функцию раскрытия пространства развития общества и главное – консолидации многоэтнического народа как пути его выживания и восстановления.

Итак, что же такое русская национальная идея? С учетом всего изложенного ее можно определить как транслирование синтетического проявления бытия народа-субъекта с его постоянными свойствами на современность в качестве постоянной функции соизмерения, нахождения соответствия между социальными (экономическими и др.) изменениями и устойчивостью этого субъекта, его «самоидентичностью». Эта функция как актуализация русской идеи реализуется постоянно, однако наиболее активно – в переломные эпохи, когда общество нуждается в выработке интегральной внутренней программы дальнейшего существования и развития.

В современном мире, система которого разбалансирована, в значительной степени доминируют процессы социального хаоса, следствием которого являются насилие и несправедливость. «Однако именно поэтому нужны идеи. Всякие, в том числе и “русская”, или, если угодно, “российская”. Они нужны, чтобы вести нас к миру и справедливости,

которых достоин человек в своей глубинной духовной основе, требующей раскрытия»¹⁶. И это сегодня, несомненно, является исключительно востребованным, актуальным.

Примечания

- ¹ Лагунов А. А. Еще раз о русской идее // Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы : материалы междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. В. Р. Чагилов. Невинномысск, 2010. С. 247.
- ² Косов А. В. Российская национальная идея как фактор формирования евразийской идентичности в условиях геополитического противостояния // Там же. С. 225.
- ³ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 21.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков ; М., 2000. С. 239.

- ⁷ Андрушкевич И. Н. Национальная идея России // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 166.
- ⁸ Там же. С. 167.
- ⁹ Соловьёв В. С. Русская идея // Русская идея : сб. произведений русских мыслителей / предисл. А. В. Гулыги. М., 2002. С. 229.
- ¹⁰ Ильин И. А. О русской идее // Там же. С. 402.
- ¹¹ Розов Н. С. Национальная идея // Вопр. философии. 1997. № 10. С. 26.
- ¹² Карасёв Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопр. философии. 1992. № 8. С. 95.
- ¹³ Межуев В. М. О национальной идее // Вопр. философии. 1997. № 12. С. 5.
- ¹⁴ Маслин М. А. Русская идея // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. словарь. М., 2001. С. 370.
- ¹⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения Института социологии РАН // Независимая газета. 2010. 12 нояб. С. 5.
- ¹⁶ Лагунов А. А. Указ. соч. С. 249.

УДК 165.19

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ: НАРРАТИВНЫЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ИСТОРИЗАЦИИ

И. Н. Нехаева

Тюменский государственный университет
E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

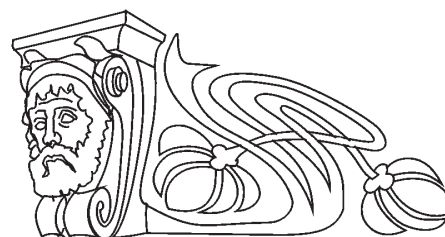
Статья содержит проблематичный взгляд на возможность установления исторического поля исключительно в контексте языковой интерпретативности, поскольку выявление необходимых аспектов реальности, видимых из перспективы истории, становится возможным лишь при условии осуществления принципиально нового описания способа размышления о мире, что, по сути, и означает обнаружение определенного исторического периода, ограниченного языковым инструментарием.

Ключевые слова: язык, история, истина, репрезентация, интерпретация, нарратив, миф.

Problem of the Language Nature Historical Interpretativeness: Narrative and Mythological Ways of Historisation

I. N. Nekhaeva

Article contains a problematic view at an opportunity to establish historical field exceptionally in a context of language interpretativeness. Because revealing of necessary aspects of the reality seen from prospect of history becomes possible only under condition of realization of essentially new description of a way of reflection about the world. That, as a matter of fact, means detection of the certain historical period limited to language toolkit.

Key words: language, history, truth, representation, interpretation, narrative, myth.

С самого начала следует признать, что эпистемологическая традиция всегда придавала большое значение некоему *третьему*¹ пространству при условии, что первые два традиционно представляют собой общую контактную зону взаимодействия внутреннего мира с реальностью, порождающую контекстный срез, парадигматической основой которого принято считать разработанный Кантом схематизм категорий рассудка, демонстрирующий принцип систематизации умом того многообразия, которое ему предоставляется опытом с целью получения *истинных* суждений, связанных, прежде всего, с невозможностью получения *непосредственного* знания о мире в результате феноменализации реальности, поэтому категории рассудка призваны служить так называемым эпистемологическим мостом между субъектом и реальностью. В результате данные эпистемологические схемы породили различные «способы создания миров»², в основном обозначающие

границу и намекающие на то, что реальности, свободной от схемы, просто не может быть. Отсюда разногласий по поводу разнообразных мнений о реальности вовсе не существует именно благодаря наличию «третьего» уровня, ставшего неким посланником для примирения мнения и реальности, но этим все не закончилось, ведь сама по себе схема, обособившись, в результате приковывает к себе внимание, окончательно затмив и реальность, и знание.

В связи с этим интересным является замечание Рорти о необходимости вместе с трансформацией «третьего» уровня отбросить и *конфронтационную модель* отношений между языком и реальностью³ преимущественно потому, что между ними не может быть прямой конфронтации уже в силу того, что «истина», к которой обращено само по себе *взаимодействие языка и реальности*, на самом деле не имеет для них какого-либо существенного значения, поскольку не способна выполнять самого главного – *объяснять*. Иными словами, оказалось, что «истина» вообще не обладает объяснительной способностью, так как если данную способность определить в качестве «визитной карточки» так называемого третьего уровня, прежде всего направленного на попытку объяснения момента *соответствия* друг другу языка и реальности⁴, то объяснение такого «соответствия» в действительности может отвечать лишь состоянию «Витгенштейнова колеса», которое вращается, но не передвигает ничего, кроме самого себя⁵. Все дело в том, что «истина не объясняет, *почему* (курсив мой. – И. Н.) мы имеем истинные убеждения»⁶, но только дает понять, что на этом этапе единственным способом «выражения» представляется лишь то, что может быть «сказано» с помощью данного суждения, и по сути это означает, что именно «истина» есть тот способ, каким можно скорее не «выразиться», а «высказаться» посредством суждения, т. е. это обычная языковая практика, в которой «нет места для понятия «мысли» или «языка» как в принципе могущих не совпадать со средой своего бытования»⁷.

Совершенно очевидно, что действие редукации необходимо также распространить и на стремление утвердить идею «языка, относящегося к остальному миру так, как относится форма к содержанию»⁸, что опять-таки приводит к схематизму, а поэтому разговор, скорее, следует вести не о понятии «истина», а о *состоянии «истинности» ощущения* включения в «непрерывное, причинно детерминированное взаимодействие...»⁹, когда, как отмечал Юм, возникает так называемое чувство *веры*¹⁰ в моменте взаимодействия между языком и реальностью. Следовательно, такого рода связь верования с миром в аспекте языковой чувственности прежде всего осуществляется в понимании наличия *причинной связи* и, соответственно, то, о чем говорит Юм, исследуя человеческую природу, на самом деле есть *при-*

рода языка и его связи с реальностью и знание об этом в категориях истины, безусловно, становится контингентным, поскольку, действительно, «наше знание того, как применять термины вроде «о» или «истинно», являются побочными продуктами «натуралистического» описания языкового поведения»¹¹. Отсюда прагматическая позиция Рорти оказывается в некотором смысле близка эпистемологии Аристотеля именно в точке их соединения, обнаруживающей ситуацию *непрерывности*¹² соприкосновения с реальностью. Хотя взгляд Рорти как раз не столь откровенно непосредствен, как может показаться, поскольку им все же предполагается включение интеллектуальной истории как части культурной антропологии, однако с учетом того, что философия впредь не станет претендовать на возможность объяснения того, что наука оставляет необъяснимым¹³.

Следовательно, позиция Рорти призывает определять язык с точки зрения *удобства* овладения реальностью, абсолютно верно полагая его в качестве наиболее совершенного *инструмента* в решении такого рода задачи, опровергая при этом искаженное в своей основе утверждение о соразмерности понятий «истинность» и «действительность» и прежде всего поддерживая аргумент о том, что суждение является «истинным» только – и только – потому, что оно «работает», но не наоборот. В противном случае возникает ситуация преждевременного установления некой *эпистемологической концепции истины*, а это недопустимо в силу неизбежности возникновения эффекта, искажающего данную ситуацию. В связи с этим необходимо принять взгляд на язык с позиции его «полезности», иначе говоря, учитывая наличие высокой степени языковой способности к *приспособлению* в решении разного рода задач. Особое внимание следует обратить именно на процесс совершенствования данной способности, дабы, раскрывая в языке богатство его собственной природы, главным образом в представлении о нем как о сложном и дифференцированном целом, находящемся в непрерывном движении, всегда нацеленном на то, чтобы наилучшим образом приспособиться к изменяющимся обстоятельствам, на основании всего этого ясно проследить *противостояние эволюционистски-прагматической позиции и трансценденталистской точки зрения*. Коль скоро язык представляется в виде некой живой организации, способной претерпевать своего рода эволюцию, то с учетом этого, вслед за Рорти, следует настоятельно рекомендовать «искать вдохновения скорее у Дарвина, чем у Декарта»¹⁴.

Если принимать такой взгляд на язык, возникает необходимость учета языковой способности к *историзации* любой позиции, т. е. возможности выявления тех аспектов, которые становятся видимыми из перспективы истории, поскольку, как известно, историческое поле считается проявленным именно тогда, когда в результате удается обозначить некое совершенно *новое описание*

способа размышления о мире¹⁵, что, по сути, и означает обнаружение вполне определенного исторического периода, ограниченного языковым инструментарием, который и является причиной деления исторического времени на периоды. В этом смысле Рорти прав, утверждая, что «язык говорит человеком»; языки изменяются в ходе истории, и поэтому человеческие существа не могут уйти от их историчности. Они могут в лучшем случае справиться с противоречиями собственной эпохи, для того чтобы заложить основы следующей эпохи¹⁶. И хочется нам этого или нет, но именно в совпадении моментов изменения словаря со сменой эпох появляется очередной аргумент в пользу *языковой природы исторической интерпретативности*.

Отсюда видятся два способа историзации – *нарративный* и *метафорический*, – выявляющие специфику установления взаимоотношений с прошлым посредством языкового инструментария. Так, в частности, нарративный способ¹⁷, учитывая задачу историка, состоящую в «рассказе» *истории о прошлом* путем приведения в порядок хаотичных данных, представляется наиболее предпочтительным и в силу самой своей природы наиболее predisposed к такой организации множества исторических случайностей, которая формирует нарративное целое столь же случайным образом¹⁸. «Теория» представляет собой целостную систему знаний, которая прежде всего характеризует логической зависимостью одних элементов от других, а также выводимостью содержания из некоторой совокупности утверждений и понятий, дающей целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности, фокусирующейся на *определении* с помощью абстрактных терминов функции *отношения*, возникающей между субъектом и объектом в моментах альтернативности высказываний, направленных либо на утверждение некоего *состояния* в терминах бытия/небытия или владения/не владения, либо отсылающей к определенному *действию*, вызывающему трансформацию вышеобозначенных «состояний».

С другой стороны, метафорический способ преимущественно выявляет особенность той интенции, которая порождается в связи с возникновением определенного взгляда на предмет – иными словами, метафора, отнюдь не призванная к открытому выражению такого «взгляда», именно подавая собою «знак» или «ориентир», тем самым «вызывает» определенную реакцию, т. е. некую *настроенность*, что представляется своеобразным «*эффектом метафоры*». Однако следует подчеркнуть, что все это не связывается с каким-либо когнитивным содержанием, эксплицирующим особое значение, и в этом смысле адекватным примером демонстрации несостоятельности требования конкретики выявления значения представляется проецирование на пространство искусства метафорической специфики

в целях вербализации любого вида искусства¹⁹, тогда как известно, что метафора не раскрывает своего механизма посредством передачи закодированного сообщения, наподобие переводчика, способного прозой передать смысл шутки или фантазии, так как «шутка, фантазия, метафора могут, подобно изображению или удару по голове, помочь оценить некоторый факт, но они замещают собой этот факт и даже не передают его содержания»²⁰. В связи с этим любого рода перефразировка метафоры прежде всего направлена не на выражение ее значения, в равной мере как и не на само значение, а скорее на выявление именно того, на что *метафора стремится мобилизовать внимание*. В результате становится ясно, что нет такого содержания, которое необходимо «схватить» и на которое якобы указывает метафора. Если бы то, на что метафора заставляет обратить внимание, было конечным по числу и не создавало бы «эффекта распыления», т. е. могло бы быть выражено в суждении путем проецирования конкретного содержания на метафору, то это «нечто», что предлагается метафорой, было бы ограниченным и пропозициональным. Однако оно не таково, поскольку «когда мы задаемся целью сказать, что «означает» метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца»²¹. *Таковым* «оно» действительно может становиться, но только тогда «оно» будет выражаться самыми обычными словами, демонстрируя состояние «потери метафоры»²².

Неслучайно поэтому Дэвидсон склонен относить любое употребление языка к типу «метафорического», тем самым отмечая бесконечный характер языкового *выражения*, эксплицирующегося в одном единственном акте и уже этим отличающегося, к примеру, от достаточно сильно разнящейся, по сравнению с языковой сказываемостью, музыкальной выразительности, в частности в моменте их пространственно-контекстуальной разницы, состоящей в том, что язык, безусловно, первоначально имеет некий объем, который в границах ситуации использования метафоры дан сразу и целиком и именно в контексте самого процесса *употребления* метафоры дает возможность мгновенного раскрытия всей полноты такого языкового объема. При этом существенным является то, что весь объем выступает как «данный», но не «избранный», и только следующий шаг предоставляет возможность выбора некой определенной интенции в движении мысли, тогда как в музыке не только не имеется в наличии, но и не требуется какой-либо эквивалентной данному движению направленности, поскольку *музыкальная материя и есть в буквальном смысле такая движущаяся интенция*. То, что, слушая музыку, мы иной раз можем прийти к некоторому буквальному утверждению вполне определенного образа, казалось бы, предоставляет возможность увидеть один объект в свете другого, но означает только одно: мы *захотели* именно *так* услышать

музыку и поэтому слышали ее именно *таким* образом. Тем не менее, если мы попытаемся это желание как-то *описать* или *объяснить*, тем самым осуществляя «схватывание» некоего якобы скрытого содержания, эксплицитное выражение которого окажется, быть может, искомой формой «объяснения», а поэтому и «познания» некоторой истины или факта, то все такого рода попытки, без сомнения, обречены на провал именно в желании утверждения некоего конечного или даже вполне конкретного факта, поскольку, помещая нечто в язык, – а в данном случае это музыка, – мы, конечно же, найдем в нем все, чего ни пожелаем, но возникает вопрос: а какое отношение, собственно говоря, все это имеет к музыке?

Таким образом, в определении специфики метафорического уровня существенную роль выполняет именно *проведение границы между значением и употреблением языка*, а исходя из этого, метафорический аспект следует понимать, скорее, не из перспективы значения, а из *перспективы употребления*, поскольку метафора не определяется из поиска и понимания значения, что явно роднит ее с музыкальной плоскостью. Коль скоро обретение значения приводит к манифестации осуществления совсем иной языковой процедуры, то становится ясно, что оно к метафоре неприменимо, при этом возможность понимания метафоры проистекает из самого *процесса* языкового употребления, который служит как бы стимулом, обуславливающим появление *новых языковых ощущений*. Поэтому неслучайно именно метафору Рорти определяет как *primum movens*²³ любого изменения и эволюции языка, провозглашая ее *«точкой роста языка»*²⁴. Однако, помимо осуществления метафорического уровня, являющегося определенного рода языковым активатором, провоцирующим создание новых словарей, следует все же согласиться, что *ни один словарь не может быть обоснован в границах собственной терминологии*, поэтому необходимым представляется использование дополнительной ступени, способной осуществить обратное метафорическому действие, т. е. совместно с прогрессивным метафорическим сформировать в том числе и *скептическое* отношение²⁵ с целью достижения «точки роста», в целом *относящейся к формальному историческому движению*. В частности, в качестве такого деконструктивистского элемента Рорти предлагает использовать *иронический уровень*, где ирония будет призвана осуществлять «деструкцию» словарей, дабы пробудить многослойную фактуру исторического пространства, тем самым провоцируя его на дальнейшее развитие.

Таким образом, действие языкового ограничения на всю область опыта в конечном счете показывается именно в качестве демонстрации «исторического», в рамках языка призванного выполнять роль интерпретативной функции, раскрывающей языковую деятельность посредством

организации взгляда на язык так, что последний становится предметом собственной интерпретации, осуществляемой своеобразным, историческим образом.

Примечания

- 1 Согласно Попперу, «мир состоит из трех различных субмиров: первый – это физический мир, или мир физических состояний; второй – духовный (*mental*) мир, мир состояний духа, или мир ментальных состояний; третий – мир умопостигаемых сущностей (*inteligibles*), или *идей в объективном смысле*; это мир возможных предметов мысли, мир теорий “в себе” и их логических отношений, аргументов “в себе” и проблемных ситуаций “в себе”» (см.: *Поппер К. Объективное знание: эволюционный подход*. М., 2002. С. 154).
- 2 По мнению Гудмена, различие способов создания миров касается лишь многообразия признаков, хотя само по себе пространство их применения всегда является одним и тем же – языковым: «В значительной степени, но ни в коем случае не полностью создание миров состоит из разделения и сложения, которые часто идут рука об руку друг с другом: с одной стороны, из деления целого на части и родов на виды, из анализа состава комплексных величин, из проведения различий; с другой стороны, из составления целых и родов из частей, членов и подклассов, из объединения единиц в комплексы и создания связей. Эти композиции и декомпозиция обычно производятся, сопровождаются или поддерживаются применением ярлыков – таких как имена, предикаты, жесты, картины и так далее» (см.: *Гудмен Н. Способы создания миров*. М., 2001. С. 124).
- 3 *Rorty R. Philosophical papers : in 4 v. Cambridge, 1991. V. I. P. 126.*
- 4 С точки зрения Канта, «всеобщим критерием истины был бы лишь такой критерий, который был бы правилен в отношении всех знаний, безразлично, каковы их предметы. Но так как, пользуясь таким критерием, мы отвлекаемся от всякого содержания знания (от отношения к его объекту), между тем как истина касается именно этого содержания, то отсюда ясно, что совершенно невозможно и нелепо спрашивать о признаке истинности этого содержания знаний и что достаточный и в то же время всеобщий признак истины не может быть дан» (см.: *Кант И. Критика чистого разума*. М., 1994. С. 74).
- 5 *Rorty R. Op. cit. P. 140, 141.*
- 6 *Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт*. М., 2007. С. 50.
- 7 *Rorty R. Op. cit. P. 10.*
- 8 *Ibid. P. 51.*
- 9 *Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 55.*
- 10 Согласно Юму, «мнение, или вера, *не что иное, как более сильная и живая идея, вызванная связанным с ней наличным впечатлением...*» (см.: *Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 161*).
- 11 *Rorty R. Op. cit. P. 128.*
- 12 «Непрерывное составляет некоторый вид непосредственно примыкающего <...> когда у каждой из

двух вещей окажется одна и та же граница, где они соприкасаются и связываются вместе, так что ясно, что непрерывность имеется в тех вещах, из которых естественным образом получается что-нибудь одно благодаря взаимному соприкосновению» (см.: *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб. ; Киев, 2002. С. 374).*

- ¹³ *Rorty P.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 281–282.
- ¹⁴ *Rorty R.* Op. cit. P. 10.
- ¹⁵ *Rorty P.* Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 29.
- ¹⁶ *Rorty P.* Op. cit. P. 62.
- ¹⁷ Согласно Анкерсмиуту, нарратив является культурным феноменом, умеющим «схватывать реальность, осуществлять, так сказать, определенное “приручение” реальности <...> Превратить реальность “как таковую” в реальность, адаптированную к нашим целям и задачам» (см.: *Доманска Э.* Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 117).
- ¹⁸ По мнению Уайта, нарратив глубоко антитеоретичен, ему невозможно обучиться, поскольку он является субъективным способом созерцания практики, поэтому «самая важная вещь в нарративе заключается в том, что он является способом организации восприятия мира субъектом, способом организации опыта субъекта» (см.: *Доманска Э.* Указ. соч. С. 30–31).
- ¹⁹ Яркой иллюстрацией этому может служить целое направление в области антропологии, имеющее своей

целью выявление своеобразной эстетической концентрации взгляда на искусство, организующего в философском поле область так называемой эстетической антропологии как своего рода языкового аналога самого искусства (см.: *Щербинин М.* Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии). Тюмень, 2005. 312 с.).

- ²⁰ *Дэвидсон Д.* Границы буквального // *Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М., 2003. С. 359.
- ²¹ Там же. С. 360.
- ²² На этот счет Дэвидсон высказывает следующее: «Если кто-то водит пальцем по береговой линии на картине или любуется красотой и искусностью линии в рисунках Пикассо, то к чему именно привлечено его внимание? Можно было бы назвать бесконечное множество моментов, ибо идея полноты и исчерпанности к такому перечислению неприменима. Сколько же фактов или суждений передается фотографией или картиной: ни одного, бесконечное множество или один большой факт, который не поддается выражению? Это плохой вопрос. Картина не нуждается ни в тысяче слов, ни в любом другом их количестве. *Между картиной и словами невозможен эквивалентный обмен* (курсив мой. – *И. Н.*)» (см.: Там же.).
- ²³ Первопричина, перводвигатель (лат.).
- ²⁴ *Rorty R.* Op. cit. P. 12.
- ²⁵ Следует вспомнить, что именно представление о «действующих словарях» является той площадкой, на которой раскрывается в целом историзм Рорти.

УДК 316.3

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

А. И. Парфёнов

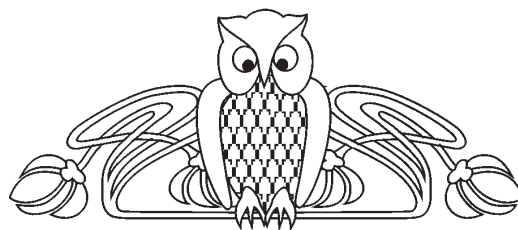
Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Феноменологический метод ориентирован не столько на изучение специализированных форм знания, например науки, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», предшествующую всем теоретическим системам. Её основным теоретическим источником безусловно является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию. Процесс становления человека происходит во взаимосвязи с окружающей средой. Социальный порядок – это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство, он создается человеком в процессе экстернализации. **Ключевые слова:** феноменология, порядок, общество, социальная реальность, другой.

Phenomenological Paradigm of a Social Order

A. I. Parfenov

The phenomenological method is directed not at studying of specialized forms of knowledge (as a science, for example), but at «daily

knowledge», reality of the «Lebenswelt», previous to all theoretical systems. Its main theoretical source is the phenomenology of E. Husserl, recycled by A. Schutz to phenomenological sociology. Process of formation of the person occurs in interrelation with environment. Social order is a product of man, or rather, continuing human production. It created by man in the process of externalization.

Key words: phenomenology, order, society, social reality, Other.

Феноменология предполагает рассмотрение социального мира с точки зрения естественной установки сознания. Теоретические абстракции, свойственные классической философии, возвышают её над обыденным знанием, которое предстает перед философом непоследовательным, фрагментарным, вводящим в заблуждение, но не следует забывать, что в повседневной жизни человек живет не в абстракции, а в реальном, эмпирическом мире. Сосредоточив внимание лишь на абстрактно-теоретическом знании, мы не только

существенно сужаем сферу социального знания как такового, но и вне рамок соотношения его с жизненным миром человека не в состоянии составить адекватного представления о реальности.

Феноменологический подход принят прежде всего в рамках социологии знания, которая ориентирована не столько на изучение специализированных форм знания, например науки, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», предшествующую всем теоретическим системам. Её основным теоретическим источником безусловно является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию, включающую в себя концепцию социального распределения знания¹. Необходимо отметить, что, следуя гуссерлевской корреляции феноменологического и созерцательного-психологического, Шюцц выдвигает регулятивное требование, согласно которому идеализированные объекты социальных наук должны быть согласованы с понятиями здравого смысла, используемыми в обыденном языке².

Детальная разработка основных категорий и тем социологии знания в феноменологической перспективе принадлежит П. Бергеру и Т. Лукману. После выхода их работы «Социальное конструирование реальности» (1966) это направление получает широкую известность и вес в американской и немецкой социологии³. Основные понятия теории «реальность» и «знание» – термины, которые используются не только в повседневной речи, но и в философской традиции, имеющей длительную историю. Авторы определяют «реальность» как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания, а «знание» можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками.

Процесс становления человека происходит во взаимосвязи его с окружающей средой. Это утверждение приобретает особое значение, если помнить, что окружающая среда является как природной, так и человеческой. Развиваясь, человек взаимодействует не только с природной окружающей средой, но и с особым социокультурным порядком, опосредуемым для него значимыми другими, которые несут за него ответственность⁴. Таким образом, «создание человеком самого себя» – всегда и неизбежно предприятие социальное. Люди вместе создают окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продукта биологической конституции человека, которая устанавливает лишь внешние пределы его производительной деятельности.

Подобно тому как человек не может развиваться в изоляции, так и собственную окружающую среду он не может создать один: «Только по отношению ко мне определенный вид связей с другими приобретает тот особый смысл, который

обозначаю словом “мы”. Только по отношению к “нам”, где центром являюсь я, другие выступают как “вы”. А по отношению к “вам”, в свою очередь соотносящимся со мною, выделяется третья сторона — “они”»⁵. Социальная реальность субъективируется на основе как уже заданного объяснения в культуре общества, так и социального фундамента знаний индивида или социальной общности. Итак, феноменология понимает социальный мир как смысловой, в котором люди действуют исходя из социально-субъективной значимости на основе предопределенного мира значений.

В понятие идентичности субъектов включается весь их жизненный мир и тем самым все их социальные качества. Идентичностью обладают, соответственно, не только личности, но вообще все рефлексивные системы. Всякое общество имеет историю, в ходе которой возникает его специфическая идентичность, через действия или уклонение от действий принадлежащих к обществу людей, каждый из которых имеет свою специфическую идентичность. Идентичность есть феномен, возникающий благодаря диалектике индивидуума и общества⁶. История «ручается за человека» – так сформулировал тезис о происхождении индивидуальности из социальной истории феноменолог В. Шапп; имена людей являются «названиями историй», и «только через истории» существует «доступ к людям», «доступ к другому».

Именно так формируется пространство «социальной реальности». Оно представляет собой результат объективации, факт деперсонифицированной интерпретации. Эта интерпретация осуществляется в виде «трансцендентального» взаимодействия социальных тел. Интерпретация в универсуме интеробъективности (предельно обезличенная «интерпретация» свойств, значений и качеств элементов социальной системы) выглядит как «вписывание», приспособление любого объекта к социальной реальности, т. е. своеобразное общение на языке окружающих предметов и явлений, чтобы быть вместе с ними. Социальная практика, таким образом, сводится к деятельности по конструированию интерсубъективных смыслов и значений, приписываемых людьми определенным ситуациям взаимодействия. Из этих субъективных значений, являющихся центральными для понимания общества, строится сама социальная действительность. Общество превращается в процесс, в постоянное созидание смыслов событий, образующих повседневный жизненный мир людей.

На вопрос, как функционирует социальное действие, А. Шюц дает ответ исходя из интерсубъективной конституции жизненного мира: в жизненном мире я подчиняюсь тому обстоятельству, что другие видят мир в принципе так же как и я. Это положение А. Шюц называет основным тезисом «взаимных перспектив»⁷. Формирование в сознании «обобщенного другого» – решающая фаза

социализации. Она включает «интернализацию» общества как такового, а значит, и устанавливаемой объективной реальности, но в то же время включает субъективное установление целостной идентичности. Общество, идентичность и реальность выкристаллизовываются в сознании субъекта в том же самом процессе интернализации, это происходит наряду с интернализацией языка.

Впервые термин «обобщенный другой» использовал Дж. Г. Мид для определения первичной социальной группы, отождествляя себя с которой индивид, прежде всего ребенок, осознает себя в качестве цельной личности. Психологизм в интерпретации понятия «обобщенный другой», присущий концепции Мида, удалось преодолеть П. Бергеру и Т. Лукману, которые подошли к его определению с позиции социальной феноменологии. Формирование этого образа в сознании означает, что индивид идентифицирует себя не только с конкретными другими, но и со всеобщностью других, то есть с обществом в целом. Понятие обобщенного другого связывает отдельного индивида через его представление о себе самом как социальном существе с объективно существующим обществом, а также со всеми социальными субъектами.

Понятие трансцендентального, или обобщенного другого объемлет и общество, и государство как интересубъективную реальность, как формы жизненного мира. Также это могут быть семья, друзья, соседи или случайный прохожий, взятые как в своей совокупности, так и по отдельности, в силу того что каждый из них, по существу, – носитель надындивидуальных социальных качеств, посредством каждого из которых индивид поддерживает свою связь с обществом. Именно поэтому мнение незнакомца может иной раз оказаться для человека важнее, чем предписания официальных институтов. Ценность того, что «скажут люди», неизмеримо высока для индивида, стремящегося к социальной идентичности. Контроль со стороны другого – наиболее существенная с феноменологической точки зрения форма контроля над субъектом социального опыта.

Когда «обобщенный другой» сформировался в сознании, устанавливается симметричная связь между объективной и субъективной реальностью: объективная реальность может быть легко «переведена» в субъективную и наоборот, а язык – главное средство выражения и распространения этого непрерывного процесса «перевода» в обоих направлениях. Обе реальности соответствуют друг другу, но они не могут быть одинаково протяженными во времени или пространстве. Более «доступной» всегда оказывается объективная реальность, хотя бы потому, что сущность и содержание социализации определяются социальным распределением знания. С другой стороны, всегда существуют элементы субъективной реальности, которые обязаны своим происхождением не социализации – например, осознание собственного тела⁸.

Человеческому организму недостает необходимых биологических средств, чтобы обеспечить стабильность поведения. Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим. Хотя подобный хаос и можно представить в теории, на практике он маловероятен. В действительности человеческое существование помещено в контекст порядка, управления, стабильности. Тогда возникает вопрос: откуда берется существующая в реальности стабильность социального порядка? Ответ существует на двух уровнях. Сначала можно указать на очевидный факт: данному социальному порядку предшествует биологическое развитие любого индивида. С другой стороны, хотя открытость миру и свойственна биологической природе человека, преимущественные права на нее всегда предьявляет социальный порядок.

Социальный порядок – это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной «экстернализации». Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо биологических данных. Нет нужды добавлять, что социальный порядок не является также данностью человеческой природной среды, хотя отдельные ее черты могут быть факторами, определяющими те или иные характеристики социального порядка (например, экономические мероприятия, технологические приспособления). Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы»: он существует лишь как продукт человеческой деятельности. Никакой другой онтологический статус ему нельзя приписать без того, чтобы окончательно не запутать понимание его эмпирических проявлений.

И в своем генезисе (социальный порядок как результат прошлой человеческой деятельности), и в своем настоящем (социальный порядок существует, поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) это человеческий продукт. Человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия: человек должен непрерывно экстернализовать себя в деятельности. Эта антропологическая необходимость коренится в его биологическом аппарате. Внутренняя нестабильность существования человека вынуждает его обеспечивать стабильное окружение для своего поведения. Он должен сам классифицировать свои влечения и управлять ими: эти биологические факты выступают в качестве необходимых предпосылок создания социального порядка⁹.

Подобное понимание общества наиболее отчетливо выразил в своих трудах Э. Дюркгейм. Он утверждал, что общественная жизнь представляет собою реальность особого рода – «социальную реальность». Она отличается от природной реальности и не сводима к ней, но она столь же «реаль-

на», как природа, хотя и имеет свою специфику. Это «надбиологическая» и «надындивидуальная» реальность, которая, в определённом смысле, первична по отношению к биопсихической реальности, воплощенной в человеческих индивидах. Первична она потому, что биопсихическая реальность, т. е. человек с его биологической и психической организацией, может существовать только в условиях общественной жизни. Любое общество состоит из более или менее многочисленной совокупности людей, однако оно не сводится к сумме составляющих его индивидов, потому что они не просто сосуществуют как независимые друг от друга элементы или «атомы» социальной реальности, а взаимодействуют друг с другом и вследствие этого взаимодействия общество выступает как сложная система, которая есть единое целое, а не просто некое множество собранных вместе отдельных частей-элементов¹⁰.

Как было показано выше, очень часто в качестве родового понятия по отношению к понятию «общество» выступает понятие «система». Системы бывают разного класса или вида (например, открытые и закрытые). Прежде чем определять понятие «общество», следует выяснить, система какого класса или типа является ближайшим родом к системе «общество». Общество не может существовать, не потребляя окружающего мира, поэтому оно оказывается системой субъектного типа и это понятие следует считать родовым по отношению к понятию «общество», а понятие «объект» не вполне приемлемо для его определения. Смежными видами по отношению к нему могут считаться понятия «живой организм» (отсюда становится ясно, что уподобление общества организму отнюдь не случайно), «биосфера» и, может быть, другие феномены¹¹.

Синтез понятий «организм» и «система» применительно к обществу в той мере, в которой объективна диалектика природы и общества, вполне допускается феноменологической парадигмой. Эта диалектика задана условиями человеческого существования и вновь проявляется в каждом человеческом индивиде. Он развивается, конечно, в уже структурированной социально-исторической ситуации. Это диалектика, которая приходит вместе с самыми первыми фазами социализации и продолжает развиваться на протяжении всего существования индивида в обществе, диалектика всякого человеческого животного и его социально-исторической ситуации. Внешне она предстает как отношение между индивидуальным животным и социальным миром, внутренне – индивидуальным биологическим субстратом и социально произведенной идентичностью. Общество, к примеру, прямо проникает в функционирование биологического организма человека, в особенности в области сексуальности и питания¹².

Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него домини-

рующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм¹³.

Общество обладает особыми интегральными свойствами, отличными от свойств его отдельных органов: к ним относится способность к исторически длительному (на протяжении многих поколений) автономному существованию. Такой способностью не обладают никакие отдельные составные части социального организма – ни индивид, ни семья, ни какая-либо другая социальная группа или организация не способны на историческое существование вне взаимодействия с внешней, окружающей их социальной реальностью. Это возможно только для такой совокупности людей (состоящей из сменяющихся поколений), которая образует общество как целостный социальный организм.

Такого рода «органистический» подход в своих основных положениях не противоречит коммуникативной теории Н. Лумана, согласно которой общество есть самодостаточная, саморазвивающаяся система, постоянно взаимодействующая с внешней средой. Эта среда более комплексна, коммуникационно насыщена, чем сама социальная система. Социальной системе, чтобы не раствориться в окружающей среде, необходимо наблюдать саму себя, фиксировать, отслеживать то, что происходит между системой и средой, а также внутри самой системы. Способность последней к самонаблюдению, самоописанию, т. е. к отслеживанию собственных состояний, меняющихся в процессе ее взаимодействия с внешней средой, и есть социальная коммуникация.

Феноменологический метод прекрасно работает при исследовании современных коммуникационных технологий. В частности, феноменология с ее установкой на множественность реальностей, в которых существует социальный субъект, может быть методологической основой для изучения основ бытия личности в мире медийной социальной сети. Создание социальной медийной сети есть процесс, повторяющий, по существу, основные процедуры феноменологического и трансцендентального «эпохе» (психологической и трансцендентальной редукции), а также проецирующий механизмы конституирования пространственно-временного континуума, посредством которого субъект воссоздает реальность в ее intersubjectивности, т. е. делает ее достоянием любой субъективности¹⁴.

Феноменология, обращаясь к проблемам социального порядка, становится своего рода стратегией исследования, которая создает модели «контекстуально» работающего сознания на основе принципиально созерцательного отношения к реальным процессам познания и практики.

Примечания

- 1 Schutz A. Collected Papers : in 3 v. Secaucus. New Jersey, 1971. Vol. II. P. 121–122.
- 2 См.: Смирнова Н. М. Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 127–137.
- 3 См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. 450 с.
- 4 См.: Mead H. Mind, Self and Society. Chicago, 1967. 401 p.
- 5 Щюц А. Структура повседневного мышления // *Социс*. 1988. № 2. С. 132–133.
- 6 См.: Люббе Г. Историческая идентичность // *Вопр. философии*. 1994. № 4. С. 108–113.
- 7 См.: Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 1998. Том I, вып. 1.
- 8 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 63–64.
- 9 Там же. С. 25–26.
- 10 См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 56–65.
- 11 См.: Бороноев А. О., Смирнов П. И. О понятиях «общество» и «социальное» // *Социс*. 2003. № 8. С. 3–11.
- 12 См.: Mauss M. Sociologie et anthropologie. Paris, 1950. P. 365.
- 13 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 296.
- 14 См.: Куликов Д. В. Феноменологический метод и мир медийных сетей [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/535/31/> (дата обращения: 10.02.2011).

УДК 140.8 (470)(09)

РУССКАЯ ИДЕЯ: ОБРАЗ И СМЫСЛЫ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуются образ и смыслы русской идеи. На основании изучения религиозных источников и исследовательской литературы по проблемам отечественной истории философии автор доказывает, что образным выражением русской идеи является «Россия-матушка», одновременно обращается внимание на антиномию религиозного и политического смыслов концепции «Москва – Третий Рим» и «великая Россия».

Ключевые слова: русская идея, образ, уровни, смыслы, поляризация, религиозное восприятие, политическая интерпретация.

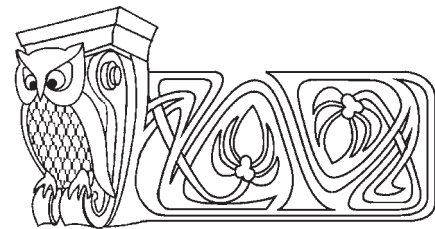
Russian Idea: Character and Meaning

V. P. Rozhkov

The author analyzes reflections and meanings of the Russian idea. The author based his research on studies of religious sources and special literature on problems of history of Russian philosophy and elaborates upon the vivid expression of the Russian idea as «Mother Russia». At the same time the author researches the antinomy of religious and political meanings of such concepts as «Moscow is the Third Rome» and «The Great Russia».

Key words: Russian idea, reflection, levels, meanings, polarization, antinomy, religious perception, political interpretation.

Русская идея: за последние два десятилетия, обозначившие переход от второго к третьему тысячелетию, российскому общественному сознанию предлагалось два типа отношений к ней. С начала и до середины 1990-х гг. она подвергалась забвению, что логически вытекало из массивно распространяемой доктрины «деидеологизации», сопровождавшейся ориентацией на «общечело-

веческие ценности» в контексте самых примитивных, на грани пошлости, ценностей массовой культуры западной техногенной цивилизации. Во второй половине 1990-х гг. субъектом власти через средства массовой информации стал интенсивно предлагаться поиск русской идеи. Судя по состоянию социально резко дифференцированного, а значит, нестабильного общества, эти искания продолжают и сейчас. Нельзя не отметить, что в этом и власть имущие, и думающие люди в современной России не оригинальны. Поиск русской идеи – судьба отечественных мыслителей.

Результат «болезненных» изысканий противоречив. Образ русской идеи достаточно ясен. И в этом случае внутреннему взору русского человека не может не явиться образ «России-матушки». Не образ «России-царицы», воплощающий имперский политический смысл великой России, и не образ «России-революции» – аналог знаменитой картины Э. Делакруа «Свобода на баррикадах», выражающий все тот же политический, но уже интернациональный смысл особой авангардной роли российского пролетариата в мировой революции, а именно образ милой, любящей, всепрощающей и страдающей «России-матушки».

Этот образ, как представляется, генетически определен для потомков племен земледельцев, о которых писал «отец истории» Геродот в V в. до н. э. как о «скифах-пахарях», живших по среднему течению реки Борисфен (Днепр) «на 11 дней плавания от Ворсклы» и называвших себя сколотами по имени Колакская, или «Солнце-царя», так как

«коло», согласно переводу с древнеиранского, означает «солнце»¹. Естественно, в пантеоне «племен пахарей» – древних славян – особое место заняло и другое божество, Макошь – символ плодородного слоя почвы, «мать сыра земля», рождающая жито, а значит, дающая жизнь и богатырскую силу. Можно предположить, что столетиями обожествляемый образ «матери-земли» стал внутренней основой для особого почитания крещеным русским народом Богородицы, небесной заступницы и охранительницы земли Русской. Именуемая в молитвенном обращении «Пресвятая Богородица», «Царица Небесная», «Матушка-Владычица», она приобрела в религиозном сознании народа, принявшего православие, значение материнской силы и материнской жертвы. И уже эти смыслы отражаются в лике «России-матушки», к которому, как писал Г. П. Федотов, возвращаемся мы, давая «обет жить для её воскресения, слить с её образом все самые священные для нас идеалы»².

Итак, проблема образа Росси проясняется, однако стремление слияния с ним определенных идеалов зачастую приводит к пониманию того, что смыслы, составляющие содержание русской идеи, далеко не однозначны, а порою прямо противоположны. Думается, что причины этого следует искать в традиционных интерпретациях самой русской идеи, точнее, в уровнях её интерпретации. В этом случае отчетливо просматривается различие между религиозно-философским, социально-политическим и социокультурным дискурсом русской идеи. Обратимся к истории вопроса.

Впервые русская идея рождается в лоне религиозного мировоззрения русского православия и представляется в исторически универсальной смысловой формуле «Москва – Третий Рим». В развитии православной богословской мысли её появление означало смещение акцентов в традиционных воплощениях христианского видения истории. Чтобы уяснить новизну идеи «Третьего Рима», необходимо обратиться к христианским корням исторических воззрений. Истоком их представляются эсхатологические ожидания: мысль о «конце света» и наступлении «Царства Божия» твердо держалась в христианском сознании, трансформируясь в различные варианты суждений об исторической действительности и перспективе. Из предсказания пророка Даниила в Ветхом Завете, возвещавшего воздвижение Богом Небесным в чреде четырех царств царства, «которое вовеки не разрушится <...> не будет передано другому народу», но «сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно», прорастала проповедуемая в христианском мире и на Востоке, и на Западе идея «христианского царства»³.

В византийской религиозно-философской интерпретации она превратилась в проповедь «странствующего царства», согласно которой на смену падшему Риму приходит православный Константинополь, олицетворяющий «право-

славное царство». Русская богословская мысль, наследуя эту традицию, трансформирует ее в идею «Москва – Третий Рим». В отечественных историко-литературных источниках изложение этого смысла русской идеи связывается с именем старца псковского Елеазарова монастыря Филофея. В своем «Послании» великому князю Василию III старец разъяснил смысл предлагаемой формулы: «Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианския царства снидошася в твое едино: яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инем не останется»⁴. В приведенном ключевом положении «теории Третьего Рима», по мнению известного русского богослова и историка Г. Флоровского, отразились апокалиптика и хилиазм как два смысла исторического ожидания⁵. И каждый из них стал основой для проявления производных смыслов русской идеи, но уже на разных уровнях национального сознания – *религиозном и политическом*. Думается, что подобная смысловая динамика была естественной для рассматриваемого периода отечественной истории.

После краха Византии мощным хранителем и распространителем православных ценностей могло стать только Русское царство. Русский дух, познавший истину спасения в единении, прочувствовавший свою силу в борьбе с более чем двухсотлетним иноземным вторжением, созрел для исторжения из своих глубин этих идей. Они полностью отвечали максималистским склонностям русской души. Историко-мистический подтекст данной формулы заключал для национального сознания провиденциалистский смысл «богоизбранности русского народа» и всемирно-исторической миссии России на пути к Царству Божию. В XVI столетии, по справедливому замечанию В. В. Зеньковского, эти положения найдут логическое завершение в учении о «Святой Руси», а в XIX в. воспроизведутся в отдельных концептуальных построениях, содержащих философему «всечеловеческого» призвания России⁶.

Но вместе с тем в исторической обстановке XV–XVI столетий не могли не возникнуть проблемы общественного устройства. Какова роль власти и властителя в движении мира к божественной истине? Каково соотношение светской и духовной власти? Подобные вопросы требовали от православного богословия духовно мотивированного ответа в ситуации утверждения централизованного Русского государства с явными потенциальными превращения в абсолютную монархию. И русская религиозно-философская мысль активно пытается разрешить их, связуя с идеей «Москвы – Третьего Рима» принцип цезарепапизма или царской власти как формы церковного служения. В этом богословском поиске становится возможным акцент на хилиастическом смысле «теории Третьего Рима», когда, по выражению Г. Флоровского, она «превращается в своеобразную теорию официального хилиазма». Логика такого превращения

заключается в том, что «сошествие» и совмещение всех царств в Москве истолковывается как подтверждение того, что «Московский Царь есть последний и единственный, а потому всемирный Царь»⁷. Впоследствии поиски смысла христианской теократии отразятся в расхождении иосифлян и нестяжателей. Но хотя в оценке противостояния двух отмеченных течений внутрицерковной мысли исследователями XIX–XX столетий отмечается социальный мотив, справедливо рассматривать его существо через духовно-ценностную призму православного религиозного мировоззрения. И в этом измерении нельзя не обратить внимания на мнение В. В. Зеньковского, характеризующего иосифлянство и нестяжательство как «два разных духовных стили, два разных понимания теократического принципа христианства»⁸. В самом деле, если интерпретировать идею «Москвы – Третьего Рима» и принцип цезарепапизма в русле панэтизма русского религиозного сознания, воспроизведя духовно-нравственный смысл их подтекста, то складывается вполне определенное концептуально выраженное построение исторического процесса.

В свете панморализма русского православного представления о сущности божественного абсолюта Бог есть Благодать, Добро, Любовь, Свет. Человек – существо, одухотворенное дыханием Божиим, но человеческая душа оказывается в антиномичном духовном пространстве, разделенном противоположными измерениями Добра и Зла, и, значит, она насыщена их борьбой. История человечества в свете подобного подхода представляет по своему имманентному содержанию сложное движение – результат противоборства сил Света и Тьмы. Исторической перспективой такого движения может быть Апокалипсис в случае моральной деградации человека, т. е. победы Зла. Но возможно и другое – торжество Добра, предполагающее духовно-нравственное восхождение человечества к единению в Божественной благодати Добра и Любви, т. е. к соборности.

В идее «Москвы – Третьего Рима», а еще более – «Святой Руси» для человечества обозначается именно этот исторический смысл, но его воплощение многотрудно. Оно требует «жертвенного горения» и исключительного духовного напряжения в противостоянии Злу, поэтому объявление русского народа богоизбранным символизировало его ориентацию на очистительное страдание в духовном противоборстве Добра и Зла, на драматические испытания в духовно-нравственном постижении Божественного человеколюбия и, тем самым, на инициирование всечеловеческого спасительного единения в Любви. Таков имманентный смысл русской идеи. Следовательно, уже в православно-религиозном истоке русской идеи, каким представляется концепт «Москва – Третий Рим», не только выявляется смысловая многозначность её содержания, но и обозначаются антиномии между апокалиптически-провиденциалистским

и хилиастическим, эндогенным религиозно-этическим и экзогенным политическим смыслом её толкования.

Переход к концептуально-теоретическим интерпретациям русской идеи на рационально-философском основании сопровождается дополнением её смысловых антиномий противоречиями дискурсивных уровней философской рефлексии социально-политических и социально-культурных смыслов – и это вполне объяснимо. В результате реформаторской деятельности Петра I в XVIII столетии возрастает взаимодействие русской и западно-европейской культуры. Впитывая поток просветительских идей Нового времени, русское образованное общество начинает осваивать и философские воззрения Запада, несущие рациональную ориентацию мышления. В итоге религиозные смыслы русской идеи в проповедовании «Москвы – Третьего Рима» и «Святой Руси» вытесняются политическими и имперскими смыслами концепта «великая Россия». Это со всей очевидностью отражается в политических воззрениях «ученой дружины Петра» – Ф. Прокоповича, В. Н. Татищева и А. Д. Кантемира, стремившихся связать российскую монархию не с традиционным для российского сознания религиозным смыслом православия, а с «естественным правом» и социальным критерием «общей пользы». Конечно, подобная переориентация происходит постепенно, в рамках признания оптимальности абсолютной монархии для России.

Все вышеизложенное показывает постепенное усиление в течение XVIII столетия философско-рационального подхода в изысканиях социально-политических смыслов русской идеи. Вполне понятно, что это означало переориентацию общественного сознания с внутренних духовно-религиозных смысловых значений русской идеи на внешние социальные смыслы в контексте политической, экономической и социально-культурной исторической динамики.

В XIX–XX столетиях эта переориентация усиливается, достигая к началу третьего тысячелетия логического апогея. Внешние приоритеты русской идеи отчетливо проявились в социально-культурных концепциях исторического процесса, в частности в идее всеславянского союза в форме славянской федерации Н. Я. Данилевского и в византизме К. Н. Леонтьева. В обоих случаях Российское государство представлялось как ядро предлагаемых цивилизационных образований. А на рубеже XIX–XX вв. мысль о необходимости внешних социальных преобразований утвердилась как смысловая доминанта в сознании представителей большей части русского «образованного класса» в виде идеи социализма.

Известный отечественный экономист, историк, общественный деятель М. И. Туган-Барановский отмечал «большую легкость <...> рецепции социализма интеллигентом-разночинцем», объясняя это тем, что вышедший из народа, испы-

тавший нужду и не обладавший наследственным имением и капиталом разночинец «становился социалистом без всякой внутренней борьбы с собой»⁹. Социальные преобразования в качестве исторической цели выдвигались и русскими либералами. И хотя содержание социальных преобразований и пути к ним виделись российским народникам, марксистам, социалистам, демократам и либералам по-разному, объединяло их одно – стремление к внешним относительно внутренне-го, духовного мира человека преобразованиям в экономике (собственность, производство, обмен), политике (государство, закон, право), социальной структуре (нации, классы, распределение), культуре (образование, наука, искусство).

К внутренним духовным смыслам русской идеи в свете православной традиции обращается лишь плеяда мыслителей, представляющих религиозную философию. Ядро их мировоззренческих позиций составляет метафизика всеединства, однако по отношению к принципам социально-экономического устройства достичь единомыслия не удалось и им. Такие философы, как С. Н. Булгаков, Л. П. Карсавин, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов, В. Ф. Эрн, отчасти Н. А. Бердяев, позиционировали себя как христианские социалисты. Резко критикуя существующий капитализм, они видели идеал в христианском социализме, основываемом на общественной собственности. При этом акцент делался, естественно, на духовно-религиозных смыслах и социализма, и общественной собственности.

Несколько иначе воспринимали социальный смысл русской идеи И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, Б. Н. Чичерин, полагавшие, что в основе социального устройства христианского общества должна быть сохранена частная собственность. Критикуя негативные стороны капитализма, они доказывали необходимость движения по этому пути в параметрах духовно-религиозного основания. Вопрос выдвигался лишь в том, каким образом можно выдержать обозначенный духовно-религиозный смысл капиталистической социально-экономической динамики. Возникшая дискуссия не получила однозначного завершения. Не был принят сознанием «образованного класса» и «теократический проект» В. С. Соловьёва, хотя в его подтексте явно отразилась ключевая идея мыслителя о пути духовного постижения человеком смысла исторического движения к истине любви через жертву эгоизма. «Казалось, были все основания тому, – размышлял Н. А. Бердяев, – чтобы Вл. Соловьёва признать национальным философом, чтобы около него создать национальную философскую традицию <...>. Но русская интеллигенция Вл. Соловьёва не читала и не знала, не признала своим. Философия Соловьёва глубока и оригинальна, но она не обосновывает социализма, она чужда и народничеству, и марксизму, не может быть удобно превращена в орудие борьбы с самодержавием

и потому не давала интеллигенции подходящего мировоззрения...»¹⁰.

Соглашаясь с констатацией Бердяевым социально-философских предпочтений русской интеллигенции в пользу, по его же меткому выражению, конгломерата идей Ницше и Маркса, нельзя не задаться вопросом о причинах подобного выбора. Ссылка на то, что философия Соловьёва не обосновывала социализма и не могла стать орудием борьбы с самодержавием, объясняет многое, дополняя объяснение «легкой рецепцией социализма» интеллигентом-разночинец, которое Туган-Барановский связывал с социально-экономическими условиями (нуждой) его профессионального становления. Да, это объясняет многое, но не все. И это вполне понятно, так как кроме исторических, социальных, политических и экономических факторов, влияющих на сознание человека в качестве социальной среды, т. е. извне, нельзя не учитывать и внутренней ориентации сознания. Если акцентировать внимание на этом аспекте проблемы, то правомерно воспроизвести следующее суждение.

Осваивая ресурс научных знаний высшего образовательного уровня, русская интеллигенция становится носителем теоретического, или когитального, сознания, особенность которого заключается в реализации абстрактно-логического познания в системе «субъект – объект». При таком построении мыслительного процесса сознание субъекта ориентировано на внешнюю среду и ее интеллектуальную реконструкцию путем логических операций – анализа, сравнения, синтеза, моделирования и т. п. Другая особенность когитального сознания проявляется в трансформации матрицы мыслительного процесса из системы «субъект – объект» в рецепцию «Я» – «Мир», «Я» – «Другой», «Я» – «не Я» и на основании последней ориентации – на диалектическую логику познания, направленную на мыслительные операции различения, разделения, раздвоения, противоположения, отрицания, а в целом на конституирование правомерности разрешения противоречий через борьбу. Именно эти особенности когитального мышления отражены в ленинском комментировании закона единства и борьбы противоположностей, который сводится к утверждению относительности единства и абсолютности борьбы.

Выделенные особенности когитального сознания раскрывают внутренние причины социальных и политических предпочтений русской интеллигенции. Ориентация на внешние революционные социальные преобразования дорого стоила русскому народу и его «образованному классу». Придав забвению смысл внутренне-человеческой жертвы – жертвы эгоизма, – русский этнос понес колоссальные физические и материальные жертвы, которыми стали люди, искавшие внешнего врага в ответе на вопрос, кто виноват. Массовые жертвы Гражданской войны, репрессий, Отече-

ственной и локальных войн, миллионные потери населения последних лет постиндустриальных преобразований – сколько еще нужно принести жертв, чтобы постичь истину? Жизнестворение в любви через жертву эгоизма – таков глубинный духовный смысл русской идеи. Заменяя этот смысл русской идеи на социально-политический в диалектической интерпретации, российский суперэтнос пожертвовал своей активной частью и тем самым подверг себя риску духовно-интеллектуальной деградации, самовыворждения и изменения «этнического лица».

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010)», проект № 2.1.3./12199 «Русская философия: единство в многообразии».

УДК 130.2

ТРАВМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ПСИХОАНАЛИЗ

Е. В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

Исследуя проблемы памяти, учёные обращают внимание на так называемые травмы (субъекта, личности, сознания, памяти). В русле этого исследования представляется чрезвычайно любопытным рассмотреть влияние психоанализа на «мемориальную» проблематику.

Ключевые слова: социальная память, травма, психоанализ, история.

Trauma of Social Memory and Psychoanalysis

E. V. Romanovskaya

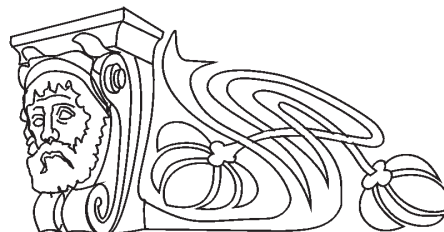
Focused on memory studies scientists pay attention to so-called «traumas» – personal, individual; «traumas» of consciousness and memory. We believe that it's important to consider the influence of psychoanalysis on «memory» problem within the framework of «memory studies» research.

Key words: social memory, trauma, psychoanalysis, history.

Востребованность темы памяти связана с фундаментальными проблемами в жизни общества: много говорится о «войнах памяти», под которыми понимают современные ненасильственные, но носящие агрессивный характер войны вокруг памяти об историческом прошлом – например, споры и столкновения мнений по поводу политики памяти о Второй мировой войне с течением времени не стихают, а становятся всё более интенсивными. В обществе идут ожесточённые споры о личности Сталина, голодоморе, холо-

Примечания

- 1 См.: Геродот. История : в 9 кн. Л., 1972. С. 188–189.
- 2 Федотов Г. П. Лицо России // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 42.
- 3 Библия. Дан. 2.24–2.48.
- 4 Кусков В. В. История древнерусской литературы. М., 1982. С.185.
- 5 См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С.14.
- 6 См.: Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 47.
- 7 Флоровский Г. Указ. соч. С. 15.
- 8 Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 51.
- 9 Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 242.
- 10 Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990. С. 21.

косте, которых ранее не могло быть в средствах массовой информации. Обилие травмирующих событий в современной истории и запаздывающее признание их значимости, разорванность истории в сознании современного человека, ускорение социального времени, распад традиционных сообществ и исчезновение целых классов заставляют гуманитариев обращаться к проблемам памяти (исторической, социальной, коллективной).

Существует многовековая, ещё с античных времён, традиция изучения проблем памяти. Древние греки почитали богиню памяти Мнемозину – сестру Кроноса и Океаноса, мать всех муз. По их представлениям, она обладает всеведением: согласно Гесиоду, она знает «все, что было, все, что есть, и все, что будет». Когда поэта посещает муза, он пьёт из источника знания Мнемозины и прикасается к познанию «истоков» и «начал». Платон предлагал соотносить проблему памяти с *eikon* – представлением в настоящем отсутствующей вещи. Проблема *eikon* увязывается с помощью метафоры о восковой дощечке с проблемой отпечатка – *typos*: заблуждение уподобляется либо стиранию следов, либо оплошности вроде той, которую совершает человек, идя по ложному следу. В «Теэтете» Сократ предполагает, что в наших душах находится кусок воска – у разных людей он отличается качеством – и что это дар Мнемозины¹. Когда мы видим, слышим или мыслим что-либо, мы используем этот воск и запечатлеваем на нём

чувства и мысли. Платон считает, что существует знание, не выводимое из чувственных впечатлений, что в нашей памяти хранятся формы, или шаблоны, идей, сущностей, которые душа знала до того как была низвергнута. Подлинное знание, по его представлению, заключается в приведении отпечатков, оставляемых чувствами, в соответствие с шаблоном, или отпечатком высшей реальности, который отображает вещи здесь.

Аристотелевская теория памяти и припоминания выводится из чувственных впечатлений². Чувственный опыт продуцирует некоторые образы, которые можно сравнить с отпечатком перстня на воске. Вспоминать означает созерцать запечатлевшиеся в душе образы, или фантазмы, и через них – то, слепком чего они предстают. В средневековой традиции память – это *memoria*, способность удерживать знание о пережитом, о людях давно умерших или отсутствующих³. Это память отдельных групп или людей о персонах, как-либо с ними связанных, – родственников, друзей, членах группы.

Современные теории памяти выделяются в группу *memory studies*, или *cultural studies*. Проблематика ряда областей современного гуманитарного знания стала переосмысливаться в свете *memory research* – научных исследований в области памяти. После работ М. Хальбвакса воспоминания и память рассматриваются как коллективный социальный феномен – коллективная память⁴. Появилось новое научное направление – социологическое исследование памяти. В русле исследований *memory studies* выделились не только социологические, но также и исторические, культурологические, герменевтические и психологические подходы к исследованию проблем памяти.

В контексте вышеизложенного представляется интересным рассмотреть влияние психоанализа на «мемориальную» проблематику. Нужно отметить, что психоанализ в целом оказал большое влияние на многие гуманитарные науки – социологию, литературоведение, этнографию, культурологию и, в общем, на всю интеллектуальную культуру XX в. Главная особенность психоанализа, привлéкшая к нему много сторонников вне зависимости от того, разделяли они или не разделяли все взгляды Фрейда, – это новое представление о личности как изменяющемся во времени сложноструктурированном развивающемся образовании.

Вопрос о том, вправе ли мы применять к коллективной памяти категории, выработанные в ходе психоанализа, интересовал ещё П. Рикёра⁵. Он считал, что философ может находиться среди психиатров и психоаналитиков только при том условии, если он сомневается в претензии сознания познать самоё себя. Его интересовал вопрос о подлинном субъекте работы памяти, так как историку важно знать, с чьей памятью он имеет дело – личности или коллектива. В «Конфликте

интерпретаций» учёный отмечает, что для современного философа Фрэйд является такой же величиной, как Ницше и Маркс, – все они мыслители, срывающие маски⁶. Интерпретация снов, мифов, символов, фантазий – то, чем занимается психоанализ, – это оспаривание роли сознания как источника смысла. Фрэйд предполагал, что умственное развитие индивида (онтогенез) повторяет умственное развитие вида (филогенез), его интересовало формирование психики в архаические времена, поэтому он обращался к древним мифам с надеждой разгадать их скрытый смысл и полагал возможным вернуть память о происхождении человечества.

Традиционная и психоаналитическая системы памяти различны. Первая существует в тех же трёх формах, которые представляли себе древние греки, – в виде мнэме, анамнезиса и Мнемозины. Мнэме – это способность хранить информацию, анамнезис – воспоминание, а Мнемозина – собственно память. Кроме того, свойством памяти является и забвение (Лета). Психоаналитическая система, по Фрэйду, основана на том, что человек не только забывает своё прошлое, но и вытесняет его с целью психологической защиты. Но негативное прошлое не исчезает из памяти, а продолжает влиять на поведение человека, обнаруживая себя в снах, оговорках, описках и различных психологических сбоях. Их постоянство свидетельствует об их особой роли в механизмах бессознательного⁷. Забывание, которое считалось нормой, Фрэйд объясняет тайным желанием забыть, обусловленным виной, стыдом, страхом. Он писал: «Ни одна психологическая теория не была ещё в состоянии дать отчёт об основном феномене припоминания и позабывания в его совокупности; более того, последовательное расчленение того фактического материала, который можно наблюдать, едва лишь начато. Быть может, теперь забывание стало для нас более загадочным, чем припоминание, с тех пор как изучение сна и патологических явлений показало, что в памяти может внезапно всплывать и то, что мы считали давно позабытым»⁸.

Исследователь предполагал, что знание механизмов забывания чрезвычайно важно для человека, так как чем больше он узнает о своей прошлой жизни, тем лучше будет подготовлен к будущей. Для многих людей без знания и понимания событий собственной личной жизни, жизни их близких, их народа не понятна и жизнь настоящая. Память, по представлению психоаналитиков, представляет собой некоего посредника между глубинами бессознательного и сознанием и способна восстановить разорванные связи между ними. Таким образом происходит «примирение» пациента с тем негативным, что было вытесненным. Но Фрэйд понимал, что если всё неприятное, негативное забывается, то нарушается контакт человека с окружающим миром, поэтому он выделил психические структуры, препятствующие забыванию, – «супер-эго», или «сверх-я», которые

удерживают любые события в памяти человека, в том числе и негативные. Модель психики, предложенная Фрэйдом, объясняет мотивы забывания и запоминания. Способностью удерживать в памяти неприятную или унижающую их информацию обладают люди, пользующиеся уважением у окружающих (праведники, писатели, философы).

Предположение Фрэйда, что все воспоминания сохраняются, привели его к мысли о том, что психоанализ может быть поставлен на службу исторической науке. Обращение историка к коллективной памяти позволило раскрыть истоки прошлого. Историк П. Хаттон писал, что Фрэйд описывает психологические расстройства так, как если бы они были деталями карты, обозначающими мнемонические места в бессознательном. Изобретённый им психоанализ как техника чтения такой «карты» является современным искусством памяти. Хаттон полагал, что образы памяти содержат в себе мнемонические коды к глубочайшим тайнам бессознательного⁹.

Память существует не только в личной сфере, но и в поле социальных сил, и индивидуальную память невозможно исследовать в отрыве от коллективной. Рикёр замечает, что Фрэйд всегда отрицал различие между психологической и социологической областями, и подчёркивает, что существует глубинная аналогия между индивидом и группой¹⁰. Социальную природу памяти впервые начали исследовать французские социологи: школа Дюркгейма суть всех психологических феноменов искала не в индивидуальном сознании, а в общественных явлениях. М. Хальбвакс, развивая идеи Дюркгейма, положил начало новому направлению – социологическому исследованию памяти, доказав её не только психофизиологическое, но и социальное происхождение. Он предложил коллективные воспоминания («коллективную память») рассматривать как социальный феномен, необходимый для выживания общества, так как «коллективная память» является залогом его идентичности.

Предлагая свою концепцию памяти, Хальбвакс исходит из того, что для индивида доступны два её вида – индивидуальная и коллективная¹¹. Индивидуальная обусловлена коллективной, которая воплощена в традициях, социальных институтах, коммеморациях, а совместные социальные действия и ритмы социальной жизни – важный момент запоминания. Он пишет, что человек «полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды»¹².

Исследуя проблемы памяти, учёные обращают внимание на так называемые травмы (субъекта, личности, сознания, памяти). Особенность их состоит в том, что некоторые люди предпочитают их не помнить, жертвы же этих событий страдают

от расщепления памяти, потери идентичности и в целом от того, что психоаналитики называют травмой. И для тех кто был свидетелем ужасных событий, и для тех кто родился позднее, травматический опыт не проходит бесследно. Психоаналитики доказали, что происходит передача травмы из поколения в поколение. А. Эткин пишет, что историческая травма продолжает жить, изживаться и переживаться выжившими¹³. Тяжесть травмы может ослабевать, но передается потомкам. Психоаналитики отмечают межпоколенную передачу травматического стресса и посттравматического синдрома, которые становятся особенностями массовой психики общества. Через механизмы социализации травмы передаются детям и внукам, отражаясь в их снах, фантазиях, показателях социального функционирования. Задача психоаналитика состоит в том, чтобы распознать вытесненные события по известным психоаналитическим симптомам (оговоркам, забываниям, неловким действиям), найти настоящую причину вытеснения, донести это до человека и примирить его с прошлым.

Немецкий историк Й. Рюзен, рассматривая проблему кризиса исторической памяти, описывает его как психологическую травму для человека, его пережившего. Он считает, что психоанализ может помочь исследователям преобразовать травматический опыт прошлого и придать ему исторический смысл, «если задаться поиском следов травмы в историографии и других формах исторической культуры, в рамках которой люди находят жизненную ориентацию в ходе времени. Эти следы скрыты памятью и историей, и иногда трудно обнаружить вызывающую тревогу реальность под этой сглаженной поверхностью коллективной памяти и интерпретации»¹⁴. О необходимости помнить прошлое пишет американский историк А. Мегилл: «Иногда говорят, что немцы в первом или втором поколении после Второй мировой войны, а японцы даже сегодня подавляют и продолжают вытеснять память о тех злодеяниях, которые их нации осуществляли в ходе той войны. Можно просто сказать, что то, в чём нуждались немцы, и в чём всё ещё нуждаются японцы, – это память; и чем её будет больше, тем лучше»¹⁵.

Тема «травмы», понятие «травмы» приобретают в современных исследованиях важнейшее значение. Учёные отмечают, что воспоминания о коллективных исторических травмах часто носят политизированный характер, так как многое зависит от того, какова оценка этих воспоминаний в настоящем. В такой ситуации знание и использование психоанализа является чрезвычайно актуальным. Т. Адорно считает, что точное знание психоанализа актуально как никогда прежде. Он пишет о том, что «нечто вроде массового анализа настолько же оказалось бы целебным, если бы строгий психоанализ обрёл своё институализированное место и стал оказывать влияние на духовный климат в Германии, даже если бы он

состоял единственно в том, чтобы сделать само собой разумеющейся привычку не выплёскивать недовольство вовне, но размышлять о самих себе и своём отношении к тем, на кого привыкло гневаться закостенелое сознание»¹⁶.

Нужно заметить, что отношение к проблемам психоанализа, истории, травмированной памяти неоднозначно. А. М. Руткевич в своей статье, которая так и называется «Психоанализ, история и “травмированная память”», сомневается в эффективности использования методов психоанализа в решении исторических проблем¹⁷. С ним можно согласиться, если речь идёт об историках, которые некритически используют в своих исследованиях идеи З. Фрейда. Но сам он признаёт, что даже далёкий от психоанализа учёный может признать эвристическую ценность тех или иных гипотез З. Фрейда, не принимая его учения в целом. Руткевич также согласен с тем, что знакомство с психоанализом полезно для историка, как для других мыслителей – с Марксом, Ницше, Парето; он отмечает, что психоанализ XX в. был и остаётся одной из наиболее плодотворных психологических теорий. В то же время Руткевич не согласен с тем, что психоанализ связан с «исторической памятью». «Коммерциализация исторических знаний сочетается с доведённым до крайности “презентизмом” – популярные статьи и фильмы почти всегда указывают нам на связь прошлого и настоящего. Житель мегаполиса должен знать, что его сегодняшнее благосостояние было целью всей предшествующей истории. Концепция “исторической памяти” возникла как отклик на эту “демократизацию” исторических знаний. Историю пишут не столько для коллег по научному цеху, сколько для жаждущих просвещения масс, а потому историк становится хранителем коллективной памяти»¹⁸. Именно после этого, с его точки зрения, следуют ссылки на психоанализ. Вытеснение связывается с травмой, нанесённой коллективному опыту. Негативно относятся учёный и к понятию «коллективная память». Естественно, что, отвергая такие понятия, как «историческая память» и «коллективная память», он отвергает и термин «травма» как ни к чему не обязывающую метафору.

Можно возразить, что тот «мемориальный» всплеск в гуманитарных науках, который происходит в последние десятилетия, неопровержимо доказывает, что сформировалась или формируется новая парадигма гуманитарных исследований, связанная с понятиями «память», «коллективная память», «социальная память», «историческая память» и «культурная память»¹⁹. Коллективная, историческая память – эти понятия были обоснованы в трудах М. Хальбвакса, изданных ещё в 1950-х гг., и на их основе сформировались все вышеописанные подходы. С идеями Хальбвакса спорят, их дополняют и развивают. Это лучшее свидетельство того, что наследие французского исследователя живо и современно. Понятие

«память» становится инструментом исторической науки. В результате «антропологического, культурного поворота в историографии» наука перестаёт рассматриваться как исключительная форма репрезентации прошлого.

Психоаналитический подход помогает учёным в решении сложной проблемы памяти, связанной с таким явлением как достоверность воспоминаний. Считается, что одна из задач истории как науки состоит в том, чтобы навести мосты между прошлым, настоящим и будущим и восстановить прерванную связь. Эта же задача стоит перед памятью. Разрешая эту проблему, Хальбвакс обращается к оппозиции «память – история» и подчёркивает различие между типами прошлого, которое они восстанавливают: память за сходство между прошлым и настоящим, история – за различия, так как у неё критическая позиция по отношению к прошлому. Она отмечает эмоции, с которыми связана и на которые воздействует память. События и образы, восстанавливаемые памятью, зыбки, а исторические свидетельства достоверны. Хальбвакс показывает, как в передаче реальности прошлого ненадёжна память и как объективна история. Коллективная память, с его точки зрения, не совпадает с историей: она творит связь прошлого и настоящего, а история разрывает эту связь. В то же время ни одно историческое исследование не может претендовать на исчерпывающую полноту. Историк ограничен собственными взглядами, теми представлениями о прошлом, которые господствуют в данном обществе в данное время, он также зависит от того, какой полнотой фактических данных о прошлом располагает. Парадокс состоит в том, что историки не только зависят от представлений, которые популярны в данном обществе, но и формируют эти представления. Я. Зерубавель пишет: «Конечно, историки могут стремиться соответствовать идеалу беспристрастного анализа событий прошлого, но они также принадлежат своему обществу и, будучи его членами, часто откликаются на господствующие в этом обществе представления о прошлом. Действительно, историки могут не только разделять те исходные посылки, на которых зиждется коллективная память, – своими работами они также могут способствовать формированию самих этих посылок, что хорошо видно на истории самих этих движений»²⁰.

Современная история травматична, следствием этих травм являются искажение, сбой социальной памяти. Общество вытесняет из памяти болезненные события и социальные потрясения: страдают от расщепления памяти не только индивиды, но и общество в целом. Разрывы в памяти приводят к тому, что люди теряют связь с прошлым и свою идентичность. Здесь на помощь может прийти психоанализ, который возвращает из бессознательного вытесненное прошлое. Психоаналитический метод способен восстановить социальную память и примирить

общество с его прошлым. В заключение можно сказать, что психоанализ как метод используют для того, чтобы напомнить о тех проблемах бессознательного, которые ещё не решены сознанием. Техника психоанализа показывает нам значение памяти в жизни человеческой личности.

Примечания

- ¹ См.: Платон. Тезет // Собр. соч. : в 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 251.
- ² См.: Аристотель. О душе. О памяти и припоминании // Вопр. философии. 2004. № 7.
- ³ См.: Арнаутова Ю. Е. От «тмотогія» к истории памяти // Одиссей. М., 2003. С. 171–198.
- ⁴ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007 ; Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- ⁵ См.: Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
- ⁶ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 152–186.
- ⁷ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990. С. 202–309.
- ⁸ Цит. по: Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1980. С. 106.
- ⁹ См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. 420 с.

- ¹⁰ См.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. С. 189.
- ¹¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.
- ¹² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. С. 8.
- ¹³ См.: Эткинд А. Время сравнивать камни. Постреволюционная культура политической скорби в современной России // Ab imperio. 2004. № 2. С. 35.
- ¹⁴ Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // «Цепь времён». Проблема исторического сознания. М., 2005. С. 59–60.
- ¹⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 93.
- ¹⁶ Адорно Т. В. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 44.
- ¹⁷ Руткевич А. М. Психоанализ, история, травмированная «память» // Феномен прошлого. М., 2005. С. 221–251.
- ¹⁸ Там же. С. 238.
- ¹⁹ См.: Социальная память российской цивилизации. Саратов, 2001. 93 с. С 1989 года в Израиле издаётся журнал («History and Memory: Studies in Representation of the Past») «История и память. Исследования в области репрезентации прошлого».
- ²⁰ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Ab imperio. 2004. № 3. С. 75.

УДК 1:316

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕРРОРИЗМА ПОД ЗНАКОМ ТРАДИЦИИ/МОДЕРНА/ПОСТМОДЕРНА

И. М. Семашко

Волгоградский государственный университет
E-mail: vse-v-shokolade@ya.ru

В статье дан обзорный анализ интерпретаций феномена «глобальный терроризм», существующих в научном и политическом сообществах. Выявленные интеллектуальные и идеологические позиции структурированы в соответствии с принятой периодизацией европейской концепции всемирной истории, т. е. под знаком традиции, модерна и постмодерна. Каждое из этих направлений вырабатывает свое концептуальное видение терроризма, называет причины этого явления и предлагает способы решения проблемы.

Ключевые слова: глобальный терроризм, традиция, модерн, постмодерн.

Global Terrorism Ideology under the Sign of Tradition/Modern/Postmodern

I. M. Semashko

This article presents an analytical review of the existing in academic and political areas interpretations of the phenomenon of «global terrorism». Exposed intellectual and ideological positions are structured according to acknowledged periodization of the European Universal history conception, i.e. under the sign of tradition, modern and

postmodern. Each of these directions produces one's conceptual vision of the phenomenon of terrorism, names its reasons and gives recommendations to solve the problem.

Key words: global terrorism, tradition, modern, postmodern.

Глобальный терроризм является одним из основных вызовов современности, влияющих на перспективы развития мира в целом. Одной из особенностей проблемы терроризма, по мнению исследователей, является ускользание сущности этого феномена. Речь здесь идет не столько о научной дефиниции, вокруг которой можно спорить бесконечно, сколько «об очень простой и в то же время исключительно важной вещи: в обществе нет однозначности относительно идентификации тех или иных явлений в качестве террористических» (А. А. Гусейнов)¹. Обращает на себя внимание отсутствие принятых международным сообществом дефиниций, свободных как от субъективного фактора («Террористы – это наши враги, люди, которые ненавидят то, что мы любим»²), так и от мировоззренческой или идеологической

окрашенности («Террорист – это тот, кого мы сегодня считаем террористом <...> завтра он может быть назван защитником свободы, и наоборот»)³.

Наличие противоположных оценок действий террористов, провозглашение их преступниками или героями-освободителями объясняются идеологической позицией, занимаемой исследователем в рамках интеллектуально-мировоззренческих и философских направлений мысли, совпадающих с принятой периодизацией всемирной истории, – традиционализмом, модернизмом или постмодернизмом. Каждое из этих направлений вырабатывает свое концептуальное видение терроризма, называет причины этого явления и предлагает способы решения проблемы.

В рамках *традиционалистского взгляда* терроризм определяется как «использование нелегитимного, антисистемного насилия»⁴. Основной причиной, его порождающей, становится сакрально-символический кризис (т. е. десакрализация, прекращение действия механизмов мифа, дара и символического обмена), предстающий одновременно как кризис культурно-цивилизационный и религиозный. Вследствие «потрясенной веры» происходит перекодировка легитимных механизмов насилия. Основные аспекты терроризма, рассматриваемого сквозь традиционалистскую призму, таковы: во-первых, делигитимизируется существующая власть, обладающая монополией на применение механизма насилия; во-вторых, актуализируются мифологемы религиозной войны, жертвоприношения, героя, врага; в-третьих, сосредоточенный в руках героя, обязательно для традиционного общества наделенный сакральной властью, терроризм обретает металегитимность, становится оправданным в чрезвычайных ситуациях.

Важную роль в реализации террористических актов играет выбор врага (жертвы). В полном соответствии с культурантропологическими концепциями М. Мосса и Р. Жирара жертва должна быть заместительной и очищающей, солидаризирующей «больное» общество. Таким образом, ею становится маргинал, – или посторонний, чужой, неверующий, неверный, или же террорист-смертник, выводимый из общественного устройства. Действия террористов изымаются из профанного мира и помещаются в сакральный, позволяя объявлять священные войны против неверных, крестовые походы в защиту Гроба Господня, войну против терроризма и т. д. Следовательно, религиозные террористы, а также традиционалисты настроенные политики, журналисты и исследователи реанимируют древние архетипы мифологии войны и архаические нормы и правила поведения, ориентированные на защиту собственного сакрально санкционированного мироустройства от посягательств врагов, олицетворяющих зло⁵. Традиционалистская оценка терроризма обязательно строится на концепции сакрализации насилия и архетипической бинарной оппозиции

«Я – Другой», где «Другой» трактуется как иной, чужой, «чудовишный двойник».

На традиционалистском подходе основываются экспертные оценки С. Хантингтона, Б. Тибби, Дж. Гатлунга, Э. В. Саида и других, объясняющих глобальный терроризм через ситуацию войны различных культур, столкновения цивилизаций. Данная концепция связана с переосмыслением бинарного противостояния «цивилизация – варварство», развитого французскими философами в XVII в. и послужившего онтологической основой для европейской экспансии. После «холодной войны» традиция противопоставления богатых (современных, развитых) стран бедным (традиционным, неразвитым или развивающимся) трансформировалась в разделение мира на «зоны мира» и «зоны беспорядка».

Следующая позиция отражает понимание и объяснение феномена терроризма, исходя из современности как *модернизма*. Апологет идеологии модерна в качестве «незавершенного проекта» Ю. Хабермас в своих последних выступлениях переосмысливает «традиционный» набор характеристик проекта «модерн» и дополняет его еще двумя аспектами – «фундаментализмом» и «глобальным терроризмом»⁶. Согласно этой позиции, терроризм является органичным продуктом эпохи Просвещения, порождением отторгаемой модернизации, реакцией общества на влияние идеологии модерна и социальную дезинтеграцию. Секуляризация приводит к появлению когнитивных диссонансов, тесно связанных с утратой ясной эпистемической ситуации соотношения веры и знания, эмансипацией человека от комплексов сакрально-традиционного сознания, а также изменением места религии в структуре общества и государства, что, в свою очередь, приводит к росту фундаментализма.

В мире модерна, реализующем политику глобализации, терроризм приобретает глобалистские черты. Глобальный терроризм, с одной стороны, характеризуется анархичностью, отсутствием реалистических целей, с другой – он современен и модернизирован в соответствии с развитием научно-технического прогресса, что позволяет ему, прилагая минимальные усилия, вызывать серьезные деструктивные последствия, цинично используя уязвимость сложных систем. При этом, по мнению Хабермаса, данный вид терроризма отличает специфическая непрагматичность (с точки зрения западного мышления) – он направлен против врага, которого нельзя победить. Поэтому единственно возможным эффектом террористических атак Хабермас считает рост уровня растерянности и тревоги правительства и населения, что может вести как к панике и разрушению социальных и государственных связей, так и, наоборот, к росту солидарности внутри общества и усилению государственного влияния и контроля⁷.

Оставаясь в рамках «гегельянского модернизма», философ описывает феномен терро-

ризма через основные принципы модерна. Это, во-первых, отрицание и преодоление традиции – волна насилия во многом связана с так называемой ловушкой «асимметричного ответа», когда государство компрометирует себя использованием неадекватных средств в борьбе с терроризмом, – а во-вторых, попытка решить проблему, используя средства и инструменты, уже содержащиеся в ней, – философию объединения и рациональность. Исходя из диалогического подхода и кросскультурной коммуникативистики, Хабермас возводит причины возникновения и перерождения терроризма к ситуации «культуркампа», т. е. того же, что Хантингтон определил как «столкновение цивилизаций»⁸. Выход из сложившейся ситуации видится в разработке и внедрении диалогического (коммуникативного) сознания и особой переводческой практики – с языка религиозного на язык секулярный и наоборот⁹.

Модернистской оценке феномена терроризма противоположны концепции французских, американских и отечественных исследователей-постмодернистов. Так, французский философ-постструктуралист Ж. Бодрийяр интерпретирует терроризм как средство противодействия тоталитарному и террористическому миру симулякров, воплощенному в Западе (и прежде всего в США, в «American way of life»), через символический дар-вызов средствами самоубийства и жертвоприношения¹⁰. При этом Бодрийяр подчеркивает непрагматический характер террористического противодействия, отмечая именно включение механизма «дара» в качестве альтернативного языка прагматическому, рационально расчетливому гуманизму Запада.

При описании «глобального терроризма» философы постмодерна отмечают такие качества, как анонимность и бессубъектность террористов, сетевую, ризоматическую структуру организации, активное использование технологий и технонауки, интенсивное взаимодействие со СМИ и виртуальную сторону акций и политических действий, экономическую востребованность и продаваемость и т. д. Особенностью постмодернистского взгляда является также оценивание терроризма как одной из новых форм ведения войны. Так, например, Х. Хофмайстер предлагает рассматривать феномен терроризма через призму теории террористической войны, когда бессилие политиков и военных сталкивается с иллюзорной силой террористов, возникающей за счет медийного эффекта устрашения¹¹. Х. Мюнклер вспоминает опустошительные войны древности, когда «кочующие орды врываются в процветающие очаги цивилизации», и придает новое звучание номадистской теории французских постмодернистов, стремящихся объяснить проблемы миграции¹². Причем в обеих упомянутых интерпретациях используется асимметричная конфронтация как своеобразный ключ к успеху.

Постмодернизм вновь возвращает нас к традиционному видению мира в рамках бинарных оппозиций и «символического обмена», т. е. теории кросскультурной коммуникации. Однако, в отличие от модернизма, легитимирующего Запад с его воинствующим гуманизмом или тоталитарной рациональностью, постмодернизм объясняет и легитимирует поступки террористов, в которых человек пытается прорваться к реальности (сакральной) через вызовы глобализации, симулякры и гиперреальность. Тем не менее рекомендаций по решению указанных проблем постмодернизм не дает.

Примечания

- 1 Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа : материалы «круглого стола» // *Вопр. философии*. 2005. № 6. С. 5.
- 2 *Бжезинский З.* Обращение к конференции «Новые стратегии США для мира и безопасности» // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2004. № 1 (28). С. 37.
- 3 *Карачолло Л.* Геополитика после 11 сентября // Там же. 2002. № 4 (23). С. 55 ; *Гатри Ч.* Современный терроризм // Там же. 2005. №3 (34). С. 43.
- 4 См.: *Борисов С. Н.* Философско-культурологический анализ феномена терроризма в мире традиционализма и современности : дис. ... канд. философ. наук. Белгород, 2005. С. 9–10, 29.
- 5 См.: *Борисов С. Н.* Указ. соч. С. 43–51 ; *Кэмбелл Дж.* Мифы, в которых нам жить. Киев ; М., 2002. С. 165.
- 6 См.: *Хабермас Ю.* Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой религии. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 117–131 ; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 9–29, 77–101.
- 7 См.: *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. С. 9–10, 19, 49–50, 87.
- 8 См.: «Война против терроризма» – взгляд экспертов // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2002. № 1 (20). С. 44–48 ; *Луис Б.* Ислам и Запад. М., 2003. С. 84–85 ; *Хабермас Ю.* Вера и знание. С. 117–119 ; *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. С. 20–24, 176 ; *Штудниц фон Э.-Й.* Диалог культур в мире завтрашнего дня // *Вестн. Московской школы политических исследований*. 2002. № 1 (20). С. 23, 28–29.
- 9 См.: *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 9–16, 27, 31–33, 47 ; *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: 12 лекций. М., 2008. С. 17.
- 10 См.: *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 97–99, 100–101, 288.
- 11 См.: *Хофмайстер Х.* Теория террористической войны // *Ното philosophans* : сборник к 60-летию проф. К. А. Сергеева. СПб., 2002. Вып. 12. С. 439–452.
- 12 Приводится по: *Кокорин С. А., Болдырев Ю. Ф.* Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современность. Волгоград, 2007. С. 148–149.

УДК 130.2:004.946:176.7

ПРОБЛЕМА ТРАГИЧЕСКОГО В ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. Д. Стерледева

Пермский государственный технический университет
E-mail: cenzia@rambler.ru

В статье анализируются возможности трагического как мощного фактора воздействия на духовно-нравственный мир человека в сфере электронно-виртуальной (компьютерной) реальности (ЭВР). ЭВР рассматривается как особый вид «мягкой» реальности, характеризующейся экзистенциально-конструкторской функцией, дающей человеку возможность реализовать свои потенции.

Ключевые слова: ЭВР, «жесткий» мир, «мягкий» мир, трагедия, свобода, нравственность.

Problem of Tragic in Electronic Virtual Reality: Futurologic Aspect

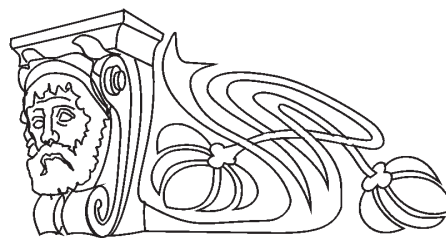
T. D. Sterledeva

In the article the potential of tragic as strong factor of influence upon moral spirit of man in the sphere of electronic virtual (computer) reality (EVR) are analyzed. EVR is considered as a special type of «soft» reality, characterized by particular existential-constructive function, which gives one an opportunity to realize his resources.

Key words: EVR, «hard» world, «soft» world, tragedy, freedom, morality.

Электронно-виртуальная (компьютерная) реальность (ЭВР) – феномен, все более широко входящий в жизнь человечества XXI в. и оказывающий на него все большее влияние. Анализ природы ЭВР, ее влиянию на общество посвящено огромное количество исследований. На наш взгляд, эту природу и весь объем влияния такой реальности на общество, включая и процессы воспитания человека, можно понять только с позиций её рассмотрения в будущем, когда максимально полно выявятся все заложенные в ней потенции. Мы полагаем, что такое исследование ЭВР может быть осуществлено только на основе метода идеализации¹.

XXI в. дал человечеству такие возможности для развития и совершенствования как в физическом, так и духовно-нравственном плане, о которых в предыдущие столетия люди не могли и мечтать. В первую очередь это относится к ЭВР, появившейся сравнительно недавно, в конце XX в., и не получившей пока своего полного развития. Но уже сейчас можно задуматься как о плюсах, так и минусах ЭВР применительно к развитию человека и общества в целом, так как она представляет собой принципиально новый вид изобретения. Для понимания специфики её

анализа необходимо ввести и уточнить такое методологическое понятие как «горизонт». Буквальное значение этого слова – наблюдаемая грань мира, до которой глаз может его видеть. В более широком смысле это понятие включает в себя границу возможностей – временных, производственных, научных и т. п. Эти возможности находятся в пределах естественно-научных знаний и потребностей своего времени.

Исходя из такого понимания понятия «горизонт», можно выделить три варианта исследовательского подхода с соответствующим каждому варианту типом методологии анализа какого-либо вида изобретения – догоризонтальный, горизонтальный, загоризонтальный. В основе каждого типа анализа лежит определенный способ видения объекта исследования. Естественное использование догоризонтальный и горизонтальный типы анализа. Специфика первого заключается в том, что изучение ЭВР происходит в пределах имеющихся сегодня возможностей и в перспективе 15–20 лет. Отличительные особенности горизонтального варианта заключаются в том, что исследование осуществляется исходя из имеющихся возможностей совершенствования ЭВР, т. е. на пределе развития ее современного состояния, иначе говоря, «горизонта», измеряемого 30–50 годами. Специфика загоризонтального видения в том, что изобретение рассматривается на стадии его максимально полного развития и выявления всех возможностей его зрелого состояния, во много раз превосходящего технические возможности сегодняшнего дня (догоризонтальное видение) и ограниченного завтрашнего (горизонтальное).

Догоризонтальное видение обуславливает и соответствующую концепцию сущности ЭВР, рассматривающую её прежде всего как инструмент, устройство, которое позволяет человеку познавать мир, тренироваться, отрабатывать определенные состояния или ситуации, использовать как средство развлечения, общения и т. п. Соответствие этому и влияние на общество ЭВР, рассматриваемой в контексте познания, обучения, досуга и т. п., понимается как локальное. На такие сущностные свойства человека как, например, свобода эта реальность не оказывает существенного позитивного влияния либо влияет слабо или негативно.

При горизонтальном видении функции и сущность ЭВР трактуются в целом так же, как и при

догоризонтальном, аналогична и трактовка её влияния на общество. Философский анализ изобретения может базироваться как на догоризонтальном и горизонтальном, так и на принципиально новом типе – загоризонтальном видении – в зависимости от задачи, которую философ ставит перед собой².

Однако, как уже было сказано, чтобы понять наиболее глубинную сущность ЭВР как специфического типа изобретения, ее функции и влияние на развитие общества, надо рассматривать её с позиций будущего максимально полного развития, т. е. на основе загоризонтального видения. В его основе лежит процедура теоретического допущения, идеализации, при которой философ отдает себе отчет в том, что достижение максимальных параметров невозможно как сегодня, так и в обозримом будущем. Преимущество такого допущения в том, что оно позволяет выявить сущность изобретения, а также его функции и влияние на общество наиболее ясно и отчетливо. В рамках данной теоретической процедуры мы отвлекаемся от физических характеристик материала, из которого сделана ЭВР, от конкретных программ, на основе которых она функционирует, характеристик электронной базы и т. п., а рассматриваем её как достижимую максимального развития в предельно больших промежутках времени (точнее, не указывая конкретных временных, пространственных, субстратных и других характеристик ее зрелого состояния). Пока же современная нам ЭВР находится в «зародышевом» состоянии, что серьезно затрудняет ее изучение.

Сегодня большинством исследователей основополагающими функциями ЭВР считаются помощь человеку в познании и моделировании мира, тренировке способностей и умений в различных областях деятельности, коммуникативная функция, отдых и развлечения и др. Однако признание первоочередности указанных функций обусловлено догоризонтальным и горизонтальным видением. И лишь с применением загоризонтального видения, на основе которого формируется новый методологический подход, начинает проявляться определяющая функция ЭВР – создание мира-тренажера, который максимально подходит для воспитания человека. Для развертывания и обоснования этого положения мы используем понятие свободы человека, а для его конкретизации вводим новые понятия – «жесткий» и «мягкий» мир³.

Рассмотрим понятие «жесткая реальность». Человек живет в условиях такого мира, который оказывает сопротивление воздействию на него. Специфика общества как социального уровня организации материи, в отличие от биологического, в том, что человек не только приспосабливается к окружающей среде, но и приспосабливает мир к себе, создавая вторую природу – мир человеческого существования, мир культуры. Ему необходимо в ряде случаев прилагать достаточно значительные усилия, чтобы преобразовать мир. Таким образом, «жесткость» мира означает его

сопротивление воздействию человека. В связи с этим осуществление желаний человека в большинстве случаев требует: во-первых, времени, и в ряде случаев весьма значительного; во-вторых, разного рода усилий, также достаточно значительных; в-третьих, знаний, и иногда весьма специфических.

К «жесткому» миру можно отнести три основные сферы – природу, общество и самого человека. Мир природы для своего преобразования требует знания его законов, наличия средств производства, определенных умственных и физических усилий. Общество как разновидность «жесткого» мира опирается на систему предписаний и запретов: человек признается нормальным членом общества только при условии его подчинения таким запретам и предписаниям. Однако подобное подчинение индивидуума не дает ему возможности действовать максимально свободно, т. е. так, как он хотел бы в данный момент своего существования, здесь и сейчас.

Сам человек также является элементом «жесткого» мира: ему трудно изменить свой пол, возраст, внешность и т. п. И хотя наука XXI в. предоставляет такие возможности, тем не менее не каждый может себе это позволить. Препятствия могут быть связаны либо со значительными финансовыми затратами, либо с рядом довольно мучительных физических процедур, психическим состоянием, отторжением социумом и т. п. Человеческое сознание также включается в систему «жесткого» мира, поскольку человек не может по своему желанию изменить своих умственных возможностей, симпатий и антипатий (как известно, «сердцу не прикажешь») и т. п.

Рассмотрим понятие «мягкий мир». К нему можно отнести такую сферу человеческого сознания как мечты. В этом мире человек является демиургом, в силу чего может осуществлять любые свои желания мгновенно. В «жестком» мире имеется очень много вещей, которые невозможно получить, ситуаций, которые невозможно осуществить вообще либо в данный момент. В «мягком» же мире человек, будучи сам проектировщиком и исполнителем, может быстро менять свои ментальные конструкции, вносить в них любые изменения, осуществляя тем самым задуманное, получая желаемое. И в этом одна из особенностей человеческого существования: будучи в большинстве своем несвободным в «жестком» мире, он может быть свободен в «мягком» мире своей мечты.

ЭВР, рассматриваемая с позиций метода идеализации, может быть представлена как вариант «мягкого» мира, существующего, в определенном смысле, объективно. Это такой вариант объективного мира, в котором человек, спроецировав туда свое сознание, начинает существовать как «мягкое» существо в «мягком» мире. Это значит, что он сможет менять мир и себя в этом мире гораздо более свободно, чем в «жестком».

Виртуальная реальность может оказать революционное воздействие на различные сферы человеческой деятельности, в том числе и на педагогику, искусство, науку и т. д. Рассмотрим это на примере трагического как важного элемента в процессе формирования духовно-ментального мира человека. Трагическое мы будем рассматривать в аспекте проекции человеческого сознания на ЭВР, взятую в максимально возможном варианте ее развития.

Трагедия в любом смысле есть гибель героя или каких-либо значимых для него связей, ситуаций, гибель же есть переход в «свое иное», причем переход окончательный, туда, откуда в большинстве случаев нет возврата. Гибель героя можно рассматривать в двух аспектах: первый связан с его гибелью как биологического объекта, иначе говоря, с гибелью человеческой телесности. Второй аспект – это гибель человека в духовном плане как разрушение его внутреннего мира, включающего моральные ценности, принципы, установки, симпатии, антипатии, как трансформация личности.

В связи с этим выделяются три основных типа трагедии. Первый – когда герой гибнет физически, но нравственно побеждает, т. е. сохраняет свою нравственно-духовную идентичность, например Иван Сусанин, Александр Матросов, генерал Карбышев и многие другие. Второй тип – человек гибнет нравственно, его нравственный мир частично или значительно трансформируется в негативном плане, но он сохраняет себя как живой биологический объект. К такому типу можно отнести феномен предательства (например, генерал Власов, В. Резун и др.). Третий тип – человек гибнет как нравственно, так и физически, но вначале происходит нравственная гибель (классический пример – Иуда, предавший Христа).

Трагедию можно рассматривать не только как определенный тип художественного произведения, но и гораздо шире – как одну из важнейших экзистенциальных ситуаций человеческой жизни, наиболее сильно влияющую на формирование и трансформацию нравственного облика человека. Такая трансформация может быть названа катарсисом, очищением и духовно-нравственным перерождением через сопереживание трагическому герою или переживание личностью собственных коллизий как трагических. Интересно отметить, что различия в понимании и переживании трагического людьми во многом зависят от самых разных характеристик – образования, интеллектуального развития, возраста и т. п. Катарсис может происходить с помощью искусства, когда человек сопереживает разыгрываемой актерами трагедии, а может и в условиях реальной жизни, когда он непосредственно наблюдает или участвует в происходящей на его глазах трагедии либо слышит о ней в чьем-то пересказе.

Анализ и моделирование различных сценариев поведения человека, безусловно, зависят от его возраста и жизненного опыта. Среди психо-

логических состояний людей старшего возраста нередко можно выявить такое, к которому применимо выражение «неспетая песня»: какое-либо желаемое человеком событие в его жизни так и не осуществилось. В ряде случаев эти переживания вызывают тревогу, в сознании возникают теоретические конструкции типа «вот если бы я тогда сделал бы то-то и то-то, могло бы наступить то-то и то-то». ЭВР в будущем, достигшая своего максимального развития, даст возможность в первую очередь именно представителям старшего поколения проанализировать и построить различные варианты, модели своей жизни, являясь авторами, актерами, режиссерами и критиками. На наш взгляд, анализ функций ЭВР на методологической основе загоризонтального видения приводит к выводу, что такая реальность в ее максимально развитом состоянии станет экзистенциально-аналитической формой конструирования человеком различных вариантов его жизни. Эта синтетическая форма ментальной деятельности сейчас только начинает формироваться.

Сталкиваясь с разнообразными трагическими ситуациями, наблюдая и сопереживая, человек приобретает разнообразный духовно-нравственный опыт – например, это может быть опыт, основанный на сопереживании оптимистической трагедии. Сопереживая гибели героя, человек становится в ряде случаев духовно сильнее, так как «оптимистическая трагедия» может оказать позитивное воздействие на души сопереживающих, морально возвысить.

Второй тип можно назвать пессимистической трагедией. Он основан на том, что человек, сопереживая гибели героя, тем не менее делает выводы, связанные с установкой не на героизм, а на личное самосохранение. Например, в повести В. Быкова «Сотников» герой по фамилии Рыбак, видя гибель своего товарища Сотникова, сопереживает этой трагедии, но с негативным для своего нравственного мира знаком: он укрепляется в своем предательстве. Этот тип трагедии можно назвать пессимистическим, поскольку, сохранив свое биологическое существование, Рыбак трансформировался в другую личность: он начинает служить врагам своей Родины. Негативные, низменные черты, которые были у него до предательства, в результате усилились, и Рыбак в этом плане, т. е. в сфере низменного, стал сильнее, чем был прежде, что, естественно, трансформировало его как личность.

Искусство в самых разных его формах (кино, театр, литература и т. д.) имеет важнейшую воспитательно-педагогическую функцию именно потому, что зритель, сопереживая герою, неявно участвует в ряде драматических ситуаций, в которых в реальной жизни он зачастую принимать участия не может. Многие исследователи указывали на то, что человек, сопереживающий произведению искусства, забывает о себе, своих невзгодах и проблемах и начинает жить жизнью художественного образа. Тем самым, с одной стороны, человек отвлекается

от своих забот и проблем, а с другой стороны, переживает иную, в ряде случаев более сложную и драматическую ситуацию, поэтому многие художественные произведения можно рассматривать как своего рода духовно-нравственные тренинги.

Однако искусство не является идеальным средством воспитания человека в силу ряда обстоятельств: например, в таких видах искусства, как кино или театр, зритель отделен от актера. Он наблюдает за действиями актера со стороны, поэтому может отвлекаться от хода пьесы, сосредоточиваться на чем-то своем, испытывать, а может, и не испытывать переживаний. Кроме того, человек испытывает различные внешние воздействия: в школе ребенку внушают, что он должен быть честным, правдивым, справедливым, благородным, но дома и на улице он может получать совсем другие уроки. В романе Г. Гессе «Игра в бисер» красной нитью проходит мысль о том, что истина должна быть не только преподаана, но и пережита человеком. Причем чтобы истина осталась в сознании, ее в ряде случаев недостаточно пережить один раз, поэтому большое значение имеет фактор повторения и закрепления получаемых духовно-нравственных уроков.

ЭВР как искусственный тип «мягкого» мира дает возможность моделировать любые ситуации, в том числе и трагические. Отсюда следует, что каждый индивид, используя эту реальность, может выбрать свой тип трагедии и рассматривать её либо как развлечение, либо как духовно-нравственную тренировку. При этом содержание трагического может варьироваться в таких направлениях, как выбор ситуации, героя, предполагаемых обстоятельств, собственного субъективного состояния, т. е. готовности воспринять и пережить трагическую ситуацию. Последний фактор является немаловажным в возникновении и формировании катарсиса, поскольку соответствует подвижности психических процессов: например, сегодня я как

зритель способен испытать катарсис, поскольку у меня соответствующий психологический настрой, а завтра у меня может быть другое настроение и трагедия будет восприниматься иначе. То же самое можно сказать об актере, который играет трагическую роль: сегодня он вошел в образ, «в ударе», он живет этой ролью и зритель это чувствует, а завтра по какой-то причине это у него не получается. Проецируя эти процессы на ЭВР, пользователь может быть одновременно актером, режиссером и критиком, в силу чего трагедия как один из наиболее мощных видов человеческих переживаний в условиях ЭВР может быть использована в воспитательно-педагогических процессах с гораздо большей духовно-нравственной отдачей. Кроме того, такая реальность позволяет пережить катарсис несколько раз и закрепить духовно-нравственный урок.

На Востоке говорят, что к мудрости ведут три пути: первый, и самый легкий, – это подражание; второй, самый благородный, – размышление; и третий, самый тяжелый, – опыт. ЭВР дает возможность соединить три пути приобретения и накопления мудрости. Такие возможности, впервые возникающие в истории человечества, требуют теоретического обоснования, которое позволит оптимально реализовать их в практике воспитания. Мы допускаем, учитывая возрастающую скорость внедрения в практику научных изобретений, открытий, что раскрытие возможностей электронно-виртуальной реальности, кажущейся сегодня преждевременной, вполне может потребоваться в обозримом будущем.

Примечания

- ¹ *Стерледева Т. Д.* Мир человека в виртуальной реальности. Пермь, 2003. С. 36–42.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 42–44.

УДК 1 (430) + 929 Гумбольдт

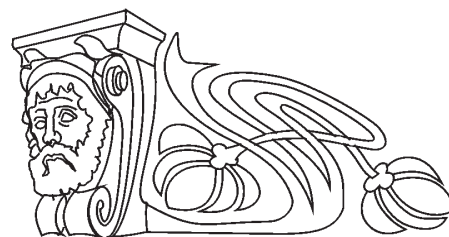
МЕСТО ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА В ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСТОРИЗМА

В. В. Феллер

Саратовский государственный университет
E-mail: feller-vv@mail.ru

Сравнительная антропология В. фон Гумбольдта стала важной составляющей процесса формирования принципа немецкого историзма. Параллельно с Ф. Шлегелем он обосновал онтологическое основание историзма и конкретизировал фихтевскую идею развития. Его учение стало мостом между спекулятивными исследованиями ранней романтики и историческим методом немецкой исторической школы.

Ключевые слова: Гумбольдт, немецкий историзм, ранний романтизм.

Wilhelm Von Humboldt in the History of Historicism

V. V. Feller

The comparative anthropology of Wilhelm Von Humboldt was an important element of the German Historicism formation. At the same time with Friedrich Schlegel, Humboldt substantiated the ontological basis of Historicism. He concretized the Fichte's concept

of development. His doctrine linked metaphysical researches of Early Romanticism and historical method of German historical school.

Key words: Humboldt, German Historicism, Early Romanticism.

В. фон Гумбольдт несомненно принадлежит к узкому кругу выдающихся мыслителей, чье творчество в наибольшей степени повлияло на процесс возникновения немецкого идеализма и историзма в конце XVIII – начале XIX в. В статье проясняется сущность и содержание его основополагающих идей, оказавших непосредственное воздействие на формирование принципа и основания историзма, а также сравнительного метода немецкой исторической школы.

Особое значение для последующего формирования идеи «реально-духовного» как онтологического основания немецкого историзма имело сформулированное Гумбольдтом в 1803 г. «правильное понятие Единства». Отталкиваясь от «абсолютного “Я” Фихте и примыкая к пантеизму Шеллинга», он сформулировал романтическую идею единства всего человечества. Человечество это «не что иное как собственное Я»¹. В гумбольдтовской идее «Я-Человечества», по нашему мнению, следует видеть мировоззренческую «смену гештальта», в соответствии с которой изменилась сама перспектива рассмотрения времени. Вместо стремления к «вечному» (тому, что находится «за временем» или «вне времени») устремились к охвату «всех времен» и к постижению закона смены эпох и времен. Это изменение онтологической перспективы и стало событием полного пробуждения исторического самосознания в «естественном разуме» Нового времени и событием «рождения историзма».

Разработав в 1795 г. план сравнительной антропологии, Гумбольдт определяет, что цель последней состоит в том, чтобы «измерить возможное разнообразие человеческой природы в ее идеальности», для чего «сравнительная антропология исследует характеры целых классов людей, в первую очередь – характеры наций и эпох». Своеобразие сравнительно-исторической антропологии состоит для него в том, что она «обращается с эмпирическим материалом спекулятивно, с историческими объектами по-философски, с реальными свойствами человека – в перспективе его возможного развития».

Он формулирует девять основных правил сравнительного метода в антропологии, следует 1) максимально широко охватывать материал, что дает возможность выделить наиболее яркие черты характера индивидуальности. При этом необходимо 2) предпочитать внутреннюю специфику «пригодности» для внешних целей, 3) производить генетическое описание характера, 4) двигаться от фактов к внутренней сущности, 5) упорядочивать признаки «по степени случайности», 6) сводить характер к наивысшему единству «всеобщих устремлений человека». Производя

данные действия, мы должны 7) особое внимание уделять чертам, с трудом сочетающимся «друг с другом в пределах одного характера», 8) выводить характер сообществ из их целей, 9) не ограничивать свободу сообществ «слишком жесткой и узкой общественной идеей»².

Для В. Гумбольдта только энергичная природа духа способна привести к пониманию глубин индивидуального и связать индивидуальность человека (личности) с индивидуальностями наций, эпох и самой всеобщей истории. Именно духовное индивидуализирует понятие развития и открывает возможности для понимания развития эпох и национальных сообществ, внутреннего развития человека и, в частности, языка. Дух – это высшая индивидуальность субъекта и индивидуальность высших субъектов, принимающих формы общечеловеческой и национальных – языковых, религиозно-мифологических, эстетических и научно-философских – общностей.

В. Гумбольдт определяет понятие духа через 1) его принадлежность к таким фиксируемым в наших ощущениях и вместе с тем мобилизующим наше эмоциональное состояние феноменам как «крепость спирта», 2) отрицание, что дух имеет какое-либо отношение к внечувственному (не дух и тело, а душа и тело), 3) подобие духа привидению как «телесно-внечувственному». Он настаивает на том, что 4) дух более реален, чем привидение. Дух проясняется также через 5) отрицание какой-либо связи с чем-то механическим, 6) неизменное указание на характеристику вещи во всем ее целом, 7) выделение действий, в которых «глубина чистой интеллектуальной силы сочетается с живостью чувственной силы воображения», 8) указание на дух как противоположность букве (дух указывает на подлинную сущность), 9) понимание духа как силы (дуновения, ветра)³.

В гумбольдтовском понятии «я» мы обнаруживаем не суверенную критическую инстанцию, а лишь посредника между природой и духом. Историческое познание для него возможно лишь через растворение «я» историка, через медиатизацию субъекта в живом понятии «Я-Человечества». Здесь он очень близок к романтикам, в частности к Ф. Шлегелю. В лекциях 1800 – 1801 гг. тот предлагал отыскать понятие, которое «определил одновременно форму и материю истории». Шлегель находит таковое в понятии «реально-духовного», т. е. духовной силы, которая «может быть вечной реальностью, следовательно, существовать не только в индивидуе, но и в универсуме»⁴.

Ключевую для понимания немецкого историзма статью «О задачах историка» (1821) Гумбольдт начинает с того, что декларирует основную цель историка. Она заключается всего лишь в *изображении происшедшего* – казалось бы, просто, даже банально. Однако кажущаяся надуманность проблемы изображения «как это было на самом деле» является лишь оборотной стороной

мнимой «беспроблемности» философского вопроса о бытии, того, что такое «есть» или «быть». Если в истории истина достигается в постижении *только действительности*, то в художественном изображении – через стремление *полностью освободиться от действительности*. Художник ищет *истину образа*, а историк – *истинное сцепление событий*. Поэтому нельзя смешивать их задачи. Ученый утверждает также, имея в виду учение Гегеля, что «философская история» еще более опасна, чем «художественная история», ведь поиски «конечных причин, пусть даже их выводят из сущности человека и самой природы, служат препятствием и искажают всякое свободное воззрение на своеобразное действие сил»⁵.

Как достигается это соединение свободы и тонкости воззрения на «своеобразное действие сил» в истории? Гумбольдт отвечает: стремление к воссозданию образа целого, каковым может быть только целое некоего события, всегда имеющего отношение к целому всеобщей истории, может быть плодотворным только на пути такого раскрытия способности воображения, которое было бы подчинено «опытным данным и исследованию действительности». Эту способность надо определить «как способность предугадывать и правильно устанавливать связь». Историк в этом действии должен стремиться к охвату «всех нитей земной деятельности и всех отпечатков неземных идей»; «предметом его изучения служит вся сумма бытия в более близкой или более отдаленной степени и потому он должен следовать всем направлениям духа. Умозрение, опыт и художественное творчество являются не обособленными, противоположными друг другу и взаимно ограничивающими сферами деятельности духа, а различными аспектами его излучения»⁶. Здесь и востребовано такое понятие духа, которое имеет аспекты сильного, захватывающего чувства и, наоборот, «нечувственного телесного», воспроизводящего саму реальность и ее сущность как не вполне доступную чувственному постижению. Дух – это формообразующее действие. В нем глубина понимания соединяется с сильным чувством реальности. В этом и проявляется себя сама сущность идеи «реально-духовного»⁷.

Согласно В. Гумбольдту, «историк, достойный этого имени, должен описывать каждое событие как часть целого». «Следовательно, – завершает он обоснование метода, – историк должен обратиться к действующим и творящим силам. Здесь он находится в своей собственной стихии. *Привнести* форму в лабиринт событий всемирной истории, отпечатавшийся в его душе, – форму, в которой только и проявляется подлинная связь событий, он может только в том случае, если *выведет* эту форму из самих событий. Противоречие, которое как будто в этом заключается, при ближайшем рассмотрении исчезает. Понимание каждой вещи уже предполагает в качестве условия своей возможности наличие в познающем

субъекте некоего аналога того, что впоследствии действительно будет понято, требует изначального совпадения между объектом и субъектом, предшествующего этому акту».

Гумбольдт утверждает, что «всемирная история не может быть понята вне управления миром», но историку не дано органа, посредством которого тот мог бы «непосредственно проникнуть в замыслы управления миром»; ему остается только возможность духовного перенесения в ту сферу, из которой явления берут свое начало. В исследовании начальной причины – «последнее условие задачи историка». Это условие можно открыть через исследование идей, во-первых, как «незаметно возрастающих направлений» и, во-вторых, как «силы, которая по своим размерам и своему величию не может быть выведена из сопутствующих ей обстоятельств». В конечном счете «дело историка заключается в решении его последней, но самой простой задачи – изобразить стремление идеи обрести бытие в действительности...»⁸.

В. Дильтей, критически рассмотрев учение В. Гумбольдта, пришел к выводу, что тому следовало бы сделать шаги к прояснению гносеологических предпосылок немецкого идеализма и исторической школы. Сравнив их, он якобы увидел бы их полную несовместимость⁹. По нашему мнению, ничто так не показывает ограниченности «критического» историзма и самого В. Дильтея, как недооценка им учения Гумбольдта. Вопреки его утверждению немецкий идеализм и немецкий историзм в их романтической завершенности как раз и обнаруживают общее онтологическое основание в шлегелевской и гумбольдтовской, а затем и ранкеанской идее «реально-духовного», которая фундирует *гносеологический принцип развития* и, в свою очередь, произрастает из почвы *теологической идеи спасения*. Последняя есть позитивная идея восстановления утраченного человеком подобия Богу. *Это не призыв к очищению образа*, на который ориентирована идея гуманности, а *призыв к восстановлению подобия*, т. е. инвариантности истории-судьбы человечества истории-творения Бога.

В самый канун Первой мировой войны К. Бурдах вдохновенно рассказывает о периодическом возрождении культа Адама, в котором и «проявляется романтический элемент Ренессанса», об «общности душевной настроенности» немецких романтиков, Данте, Риенцо и римских мыслителей эпохи императора Августа. Эта общность выражена в программных словах, которыми Ф. Шлегель «открыл свое предисловие к лекциям, прочитанным в Вене по “философии истории” (в 1828 г.) <...> ”Ближайший предмет и первая задача философии – *восстановление утраченного подобия Бога в человеке*”. Это и есть *reformatio* или *возрождение!*»¹⁰.

Подводя общий итог рассмотрению учения В. Гумбольдта в его непосредственном отношении к процессу возникновения немецкого исто-

ризма, обратим внимание на замечание известных российских историков И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. Они утверждают, что «романтическая историография в целом больше соответствовала духу йенской школы», а то, что «романтическая конструкция истории вообще состоялась», имеет особое значение для становления немецкого и общеевропейского историзма¹¹.

По нашему мнению, заслуга В. Гумбольдта в создании «романтической конструкции истории» особенно велика. Его учение стало мостом между спекулятивным исследованием ранней романтики и историческим сравнительным методом, с начала двадцатых годов XIX в. взятым на вооружение куновской «нормальной наукой» немецкой исторической школы.

Примечания

¹ См.: *Рамшивили Г. В.* От сравнительной антропологии к сравнительной лингвистике // Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 310 – 311. Особое место В. Гумбольдта в становлении немецкого идеализма и историзма отмечал авторитетный биограф Гумбольдта Р. Гайм (см.: *Гайм Р.* Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика. М., 1898. С. 91, 130–131, 519– 520). И. Г. Дройзен даже назвал его «Бэконом исторических наук» (см.: *Дройзен И. Г.* Очерк истории. СПб., 2004. С. 457–458).

² *Гумбольдт В.* План сравнительной антропологии // Гумбольдт. Язык и философия культуры. С. 324–330.
³ См.: *Гумбольдт В.* О духе, присущем человеческому роду // Там же. С. 343–345.
⁴ См.: *Шлегель Ф.* Трансцендентальная философия // Ф. Шлегель. Соч.: в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 440.
⁵ *Гумбольдт В.* О задаче историка // Гумбольдт. Язык и философия культуры. С. 292–293, 296–299.
⁶ Там же. С. 293–294.
⁷ Обнаружить в себе «гармоничное изначальное» – вот то, что несет в самом своем средоточии понятие духа. Но именно в истории *post factum* гармонизируется человеческая деятельность, обнаруживая в воспоминании гармоничное духовное начало, т. е. действительность как таковую, как форму всеобщей истории или то, что «человек как бы творит мир, не зная об этом» (см.: *Шлегель Ф.* Указ. соч. С. 440).
⁸ См.: *Гумбольдт В.* О задаче историка. С. 295–306.
⁹ Дильтей утверждает, что В. Гумбольдт и следовавшие за ним мыслители «не смогли осознать взаимосвязь между недавно сформировавшимися науками о духе, проблемой критики исторического разума и построением исторического мира в науках о духе» (см.: *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. М., 2004. Т. 3. С. 159).
¹⁰ *Бурдах К.* Ренессанс. Реформация. Гуманизм М., 2004. С. 198–199.
¹¹ См.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* История и интуиция: наследие романтиков. М., 2003. С. 13–15, 18–19.

УДК 159.964.22

ГЕНЕАЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Басова

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: salutnadia@gmail.com

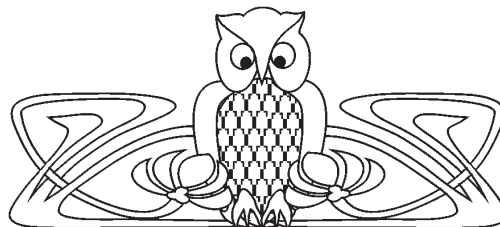
Статья посвящена рассмотрению психоанализа философским методом генеалогии, который, сближаясь с герменевтикой, позволяет определить отношения пола и возраста как исток социального бытия. Раскрывая взаимосвязь психоанализа и детства – как человека, так и человечества в целом, – генеалогический подход устанавливает зависимость современного мышления от мифа и символа, что определяет диалектическую область сознательного и бессознательного.

Ключевые слова: генеалогия, психоанализ, социальная философия, герменевтика, детство, миф, символ.

Genealogy of Psychoanalysis: Socio-Philosophical Aspect

N. A. Basova

The article considers psychoanalysis by philosophical method of genealogy. This method dealing with hermeneutics makes it possible to determine the relations of age and sex as sources of

social existence. Revealing the links between psychoanalysis and childhood, both human and humanity in general, the genealogical approach establishes the dependence of modern thinking on myth and symbol that defines the dialectical area of conscious and unconscious.

Key words: genealogy, psychoanalysis, social philosophy, hermeneutics, childhood, myth, symbol.

Психоанализ, возникший в результате исследования индивидуальной психики, уже на этапе своего формирования обратился к изучению аффективных основ отношений индивида с обществом, заявив о своем социально-философском значении. Формируя свою систему знаний о человеке, он не просто основал иное направление научного мышления, а образовал кардинально новую его форму.

Обращаясь к истокам психоанализа как философского направления, исследуя его генеалогию и

родство с другими философскими течениями, мы руководствуемся его изначальным методом – толкования и интерпретации. Как известно, первый фундаментальный психоаналитический труд был посвящен толкованию сновидений. До З. Фрёйда рассмотрение сновидений было возможно только с точки зрения ненаучного подхода, в котором с первобытных времен не произошло никаких существенных изменений.

Вместе с учением о роли бессознательного, неразрывно связанным с революционной психоаналитической техникой интерпретации сновидений, появилась потребность в кардинально новом научном стиле мышления. В лекциях по введению в психоанализ Фрёйд пишет о необходимости развития особого, психоаналитического стиля мышления для понимания психоанализа, подчеркивая важную роль философских знаний¹. Уникальность такого мышления отражает сам процесс формирования теории психоанализа: Фрёйд, разрабатывая свою теорию, становится не только клиницистом, но социологом и философом; он подчеркивает необходимость изучения самого понимания первобытными людьми сновидений. Разработанный им метод толкования сновидений заложил основу дальнейшего формирования психоаналитического мышления.

Один из ведущих представителей философской герменевтики П. Рикёр, рассуждая о кризисе понятия «сознание», сложившегося в свете психоаналитического учения, отводит З. Фрёйду, К. Марксу и Ф. Ницше роль «философов подозрения, мыслителей, срывающих маски»². Раскрывая на примере трагедии царя Эдипа дуализм герменевтики, разделяя герменевтику сознания и бессознательного, Рикёр демонстрирует герменевтику бессознательного как интерпретацию перевоплощения архаических символов, формирующую новые типы мышления.

Бессознательное в суждениях Рикёра выступает как принцип любого движения назад и всех застойных явлений, вследствие чего он называет человека единственным существом, являющимся жертвой своего детства: «...человек – это существо, которое детство постоянно тянет назад»³. «Дуализм герменевтики выявляет дуализм самих символов: символы имеют как бы два вектора: с одной стороны, они повторяют наше детство со всеми его смыслами – временными и вневременными, с другой – они исследуют наше взрослое состояние»⁴.

Современный психоанализ прочно основывается на таком представлении о человеке, которое немисливо без решения коренных вопросов, напрямую затрагивающих отношения «человек – мир», являющиеся базовым философским вопросом. Переживание и осмысление исходного смысла человеческого бытия является социально-философской основой мироотношения, а концепция связи индивида и рода – ее исходным пунктом. Миф дает ценный материал для исследования этой

связи, представляя собой родовое учение, устно передаваемое от поколения к поколению. Социально-философский смысл мифа заключается в распространении свойств родовых отношений на понимание мира в целом.

К. Г. Юнг раскрывает мифологические мотивы как структурные элементы психики – архетипы, присутствующие в сказках, сновидениях и психотических продуктах фантазии. На Юнга оказал большое влияние подход к исследованию психики первобытного человека, предпринятый Л. Леви-Брюлем, который в своем исследовании мышления других цивилизаций руководствуется принципом, выражающим новую модель понимания – априорно исключить любую попытку интерпретировать с помощью собственных идей те, которые исповедуют другие цивилизации⁵.

В. Дильтей расширил область применения метода понимания, ставшего отличительным признаком гуманитарных наук, особенно антропологии и психологии. Он включил в него герменевтику как теорию, предназначенную для понимания и объяснения действий человека в истории и обществе, и как «совершенно смягченный вариант исторического сознания Канта»⁶. Понимание покидает сферу слов и их смысла: ему необходимо найти не значение знаков, а глубочайшую суть жизненного проявления. Дильтей ищет нечто не выводимое из логических предпосылок: «Мы же должны понять такую связь, которая никогда не будет доступна познанию целиком»⁷.

Трактуя жизнь в постоянном приближении, не довольствуясь абстрактными моделями, философия понимания стремится установить не познаваемые в полной мере связи. Психоанализ для той же цели использует своё специфическое мышление, природа которого обращена к истокам мышления первобытного. Юнг сравнивает мифологическое выражение мысли с музыкальным и подчеркивает, что специфика содержащегося в мифологемах смысла такова, что она может быть выражена в единственно возможной их форме и труднопереводима на научный язык⁸.

Социально-философский аспект рассмотрения генеалогии психоанализа раскрывает проблематику детства и его места в обществе. Э. Эриксон в одной из своих психоаналитических работ («Детство и общество») рассматривает отношение *эго* к обществу и пишет о смещении акцента в психоанализе на изучение корней *эго* в социальной организации⁹. В начале жизненного пути все люди – дети, и Эриксон отмечает: «Человеку свойственно долгое детство, а цивилизованному человеку – еще более долгое»¹⁰. В продолжительности детства он видит причину эмоциональной незрелости человека. Кроме того, учёный пишет о несостоятельности клинического подхода в решении психоаналитических задач, считая сам психоаналитический метод по существу историческим. По его словам, «психо-

анализ позволяет увидеть в истории человечества гигантский метаболизм индивидуальных и жизненных циклов»¹¹.

Психоанализ, рассматриваемый в социально-историческом аспекте, – явление, порожденное столкновением двух образований всемирного исторического процесса – начального (первобытного) и современного (цивилизационного). Генеалогия этого метода, возникшего в результате исследования внутрилличностных конфликтов и раскрывающего их биопсихологический и биосоциальный характер, демонстрирует основополагающий психоаналитический конфликт – природы и цивилизации.

Аспект сексуальности, введенный Фрейдом в рассмотрение психических и социальных явлений, впервые позволил обозначить проблему пола для личности. Н. Бердяев, размышляя об эрозе, писал: «Только наша эпоха допустила разоблачение жизни пола. И человек оказался разложенным на части. Таков Фрейд и психоанализ, таков современный роман»¹². С точки зрения Бердяева, жизнь пола – безлика родовая стихия, сам человек – её игральница, а сексуальный акт лишен индивидуальности и объединяет человека со всем животным миром. Бердяев, рассуждая о вопросах пола, отмечает, что человек всегда чувствует в этом что-то стыдное, что-то унижающее человеческое достоинство: «Он никогда не скрывает любви-жалости, но склонен скрывать любовь сексуальную. Меня всегда поражало это сокрытие пола в человеке»¹³.

Немецкий социолог Н. Элиас, используя обширный исторический и литературный материал, охватывающий период от Средневековья до нашего времени, исследовал трансформацию психологических структур, манер и привычек представителей западноевропейского общества. На примере трудов Эразма Роттердамского и Иоанна Морисотуса он раскрывает роль цивилизации в формировании чувства стыда, связанного с сексуальными отношениями, и приходит к выводу о том, что в процессе цивилизации чувство стыда, связанное с сексуальностью, усилилось. Также изменились отношения между полами и восприятие обществом сексуальных отношений, а в результате произошло увеличение психической дистанции между взрослыми и детьми¹⁴. Элиас считает, что для исследования психической конституции представителей разных исторических эпох необходимо наблюдать за ростом этой дистанции и само понимание процесса формирования особой зоны в психике, который протекает постепенно, занимает двенадцать – пятнадцать лет, и, как он пишет, «сегодня чуть ли не двадцать первых лет жизни человека»¹⁵. По мнению Элиаса, исследование социальных изменений в сфере сексуальных отношений и дистанции между жизнью взрослых и детей даст ценный материал для решения многих

вопросов в области психоаналитической проблематики и взросления.

По мнению Фрейда, воспитание и пример взрослых накладывают на ребенка определенные культурные ограничения, поэтому истоки невротических расстройств необходимо искать в детстве, поскольку они связаны с особенностями психосексуального развития ребенка. Основатель психоанализа уделял пристальное внимание проблеме эдипова комплекса, который связывал с инфантильной сексуальностью и считал «ядром невротозов». Этот комплекс, в основе которого лежит миф об Эдипе, стал одним из ключевых в психоаналитической теории. Структура человеческой личности, по Фрейдю, представлена составляющими – Эго (Я), Ид (оно), Супер-Эго¹⁶. Э. Берн три составляющих психической структуры человека называл Взрослым, Ребенком и Родителем¹⁷.

Психоанализ возникает в ходе общецивилизационного процесса, когда происходят переоценка ценностей и изменения во взаимоотношении полов, и в этом процессе ребенок представляется ключевой фигурой. Пол – природная, «родовая стихия», ребенок – природное существо. Можно выделить три ипостаси, в которых взрослый человек предстает перед ребенком: родитель, носитель пола и представитель цивилизации. Для ребенка взрослый в первом случае – посредник между ним и природой, во втором – воспитатель, вводящий его в жизнь и помогающий взрослеть, а в третьем – препятствие для его взросления. Генеалогия психоанализа репрезентирует конфликт природы и цивилизации как конфликт ребенка и цивилизации. Цивилизация вытесняет «родовую стихию», а вместе с ней и ребенка, в сферу бессознательного, порождая новый вид научного мышления, оперирующий сексуальной символикой и относящийся к пралогическому, мистическому и мифологическому.

Идея неразрывной связи индивида и рода на протяжении человеческой жизни и истории – исходный путь социальной философии. В социально-философском аспекте рассмотрения генеалогии психоанализа психоаналитическое мышление является наиболее характерной его чертой, возникшей в результате конфликта природы и цивилизации. На фоне общей хронологии учения о бессознательном психоаналитическое мышление репрезентирует взаимосвязь с такими древними мыслительными формами как первобытное пралогическое мышление (Л. Леви-Брюль), коллективные представления (Э. Дюркгейм), мифологическое выражение мысли (К. Г. Юнг). Таким образом, осмысление психоанализа философским методом генеалогии раскрывает отношения пола и возраста как исток социального бытия, обуславливая взаимосвязь психоанализа детства человека и человечества, устанавливает зависимость современного мышления от мифа и символа, что определяет единство психоанализа и герменевтики.

Примечания

- ¹ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 2007. С. 16.
- ² Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2002. С. 142.
- ³ Там же. С. 159.
- ⁴ Там же. С. 164.
- ⁵ См.: Валлон А. От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии. М., 1956. С. 100.
- ⁶ Ломако О. М. Генеалогия воспитания: философско-педагогическая антропология. СПб., 2003. С. 85–86.
- ⁷ Там же. С. 88–89.
- ⁸ См.: Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. С. 14.

- ⁹ См.: Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб., 2000. С. 7.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Бердяев Н. А. Эрос и личность: философия пола и любви. СПб., 2007. С. 199.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб., 2001. Т. 1. С. 244–261.
- ¹⁵ Там же. С. 250.
- ¹⁶ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 2007. С. 500.
- ¹⁷ См.: Берн Э. Люди, которые играют в игры. М., 2003. С. 17.

УДК 123.1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ КАТЕГОРИИ «СВОБОДА»

С. Ю. Горшков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
E-mail: Renigat-84@list.ru

Статья посвящена основным аспектам трудности понимания и исследования философской категории «свобода». Особое внимание уделено языковой особенности формирования этого отвлечённого понятия. Кратко представлен анализ основных подходов к этому понятию. Несмотря на существующее многообразие научной литературы и исследований этого понятия, делается вывод о необходимости тщательного исследования данной категории из-за недостатка целостного представления о феномене и во избежание заблуждений в понимании.

Ключевые слова: свобода, исследование, понятие, возможность, закономерность.

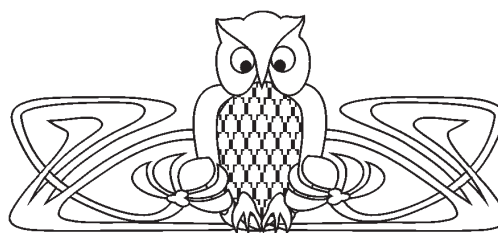
Theoretic-Methodical Researches on «Freedom»

S. Yu. Gorshkov

This article deals with the main aspects of studies of «freedom» as philosophical category. Special attention is paid to the linguistic peculiarity of this term and the formation of the definition. It is given a short analysis of main approaches to the definition of «freedom». In spite of great variety of scientific references and a number of researches it is extremely important to proceed studying this theme because of lack of understanding of this phenomenon as a whole and in order to avoid misunderstanding.

Key words: freedom, research, concept, possibility, law.

С древнейших времён человеку свойственно желание исследовать окружающий мир и самого себя. Для реализации процесса познания он с помощью разума осуществляет целый ряд операций, среди которых следует выделить *опредмечивание* окружающего мира – наполнение его понятиями и смыслами, – а также *распредмечивание* – нахож-

дение и расшифровывание для себя тех значений и символов, которые были заложены в мире еще до его рождения или его современниками. Таким образом, человеческое бытие реализуется в мире смыслов и символов; одна из задач человеческого существования – научиться ориентироваться в окружающем его мире и в существующем смысле-многообразии.

Существующее многообразие понятий и философских категорий заставляет задуматься о верности их значений и возможности применения в современных условиях. При исследовании понятия мы наталкиваемся на отвлечённое содержание, существующее само по себе, вне человека и независимо от его отношения к миру. Таким образом, мы сталкиваемся со словесной оболочкой, формальными знаками или символами, которые сами по себе ничего не выражают. Исходя из этого разумно затронуть некоторые особенности языка и употребления в нём слов и понятий.

Одна из особенностей языка состоит в том, что эмпирические или отвлечённые понятия не только относительно по своей природе как знаки чего-то, что они выражают, но и сами всегда выражают отношения либо вещей, либо самих понятий. Таким образом, не существует понятий, которые были бы выразителями некоего абсолюта и не имели соотносящихся с ними других понятий.

Следующая особенность языка – многозначность. Она неотделима от первой, состоящей в том, что слова и понятия выражают не абсолют, а

только отношения. Человек мыслит посредством слов и понятий, и о чём бы мы ни мыслили, это всегда будет иметь относительный характер. На самых ранних ступенях развития цивилизации связь знака и соответствующего ему предмета воспринималась прямо и непосредственно. По мере развития сознания и, соответственно, языка прямая связь «имя – вещь» ослаблялась, обрстая в то же время новыми значениями. Это привело к тому, что изначальный смысл слова-знака может быть одним, а на деле означать оно может во многих случаях совершенно иное. Но проблему понимания категории «свобода» нельзя свести только к лингвистическим особенностям – свобода не обуславливается только языковой формой, она имеет и практическое воплощение, например в творческой деятельности.

Человек через категорию «свобода» способен оценивать огромное число явлений, фактов и процессов, с которыми сталкивается в своей практике и которые помогают или препятствуют его активной творческой деятельности. Философия, исходящая из понимания слова или понятия как чего-то стабильного, имеющего неизменный, фиксированный смысл, невольно их абсолютизировала. Таким образом, возникли «ножницы» между фиксированным («абсолютным») смыслом слова и его многозначностью в живой речи и, как показывает история философии, далеко не всем удавалось справиться с этим противоречием. Отсюда возникает неизбежная в таких случаях путаница, непонимание не только других, но и себя¹.

Проблема свободы неразрывно связана с человеческим бытием. Можно сказать, что это – традиционная тема, интересующая человечество. Имея своеобразную таинственную энергию, свобода притягивает к себе человека на протяжении всей своей истории. На сам феномен свободы исследователи смотрят по-разному, поэтому нет однозначного ответа на вопрос, что это такое. В то же время нельзя принимать то или иное представление о свободе догматически, необходим комплексный подход, нужно искать истину о свободе в диалоге представителей разных, подчас противоположных взглядов на неё. Анализ существующих подходов позволит выделить и систематизировать эффективные методы, с помощью которых проводилось исследование этой категории, что, вероятно, позволит качественно повысить изучение рассматриваемой темы. В настоящее время данная проблема особенно актуальна: XX в. показал, что, несмотря на величайшие достижения человечества, конкретный человек не только не освобождается, а наоборот, закрепощается в современном мире. Обычный человек не обретает свободы, но, пользуясь выражением Э. Фромма, бежит от нее: он не способен реализовать ее в собственной жизни. Данное состояние присуще современному западному человеку и – отчасти – восточному.

Обширная разноязычная литература по проблеме свободы полна неясностей и противоречий, вызывает множество вопросов и возражений. Для чистоты анализа и соблюдения строгости исследования проблемы необходимо вслед за Б. А. Грушиным вооружиться следующими принципами:

1) вести разговор исключительно на философском уровне рассмотрения предмета, не сбиваясь на позиции политиков, идеологов, юристов, журналистов;

2) отказаться от аморфных, расплывчатых рассуждений о свободе как «не разобранном целом», перейдя к детальному рассмотрению её составляющих;

3) выбрать из обнаруженных элементов наиболее существенные;

4) при анализе сторон предмета применять строго научную методологию².

Основные затруднения в изучении феномена свободы обусловлены его изначальной сложностью и инвариантностью. Возникает вопрос о выборе научного подхода исследования, который позволит ограничить круг его методов и приёмов. Исходя из структурной сложности следует определить направление исследования, не сводя его в теоретическую плоскость, так как свобода требует проявления в действии – нельзя отвергать возможности и чувственного познания свободы. В перспективе можно проследить два варианта начала исследования: традиционный подход отправляет нас к истокам понятия, а точнее, к его сущности, Б. А. Грушин предлагает начать с типов социальных субъектов, к которым данный термин будет применён³.

Первый подход требует рассмотрения содержания феномена: необходимо разобраться в самой философской категории – что она в себе содержит или не содержит ничего, так как содержание уже говорит об ограничении. Исходя из вероятностного содержания, можно попытаться объективно понять смысловое содержание самой категории. Понятие свободы употребляется нами очень широко, экстраполируется на явления и процессы действительности. Но выявить свободу в окружающем нас мире может только человек, и в этом смысле она является сугубо человеческим понятием. Также это понятие может применяться для характеристики определённых действий человека. Человеческая свобода по своей сущности вытекает из отношения человека к окружающему миру, к силам природы, к обществу, к другим людям, наконец, к самому себе, своей собственной организации – в остальных случаях слово «свобода» употребляется в переносном смысле. Истоки свободы заложены в особенности человеческой организации, в том, что человек является биосоциальным существом. Как биологический вид он есть часть природы, но принадлежность к природе не выступает условием, определяющим его жизнь и деятельность. Человек наделён

свойствами, позволяющими ему стать в определённой степени независимым от её влияния. Он способен не только приспособиться к природным условиям, но и преобразовать их в процессе своей деятельности.

Свобода выступает специфическим человеческим явлением потому, что человек обладает «набором» компонентов, благодаря которым может быть свободным при определённых условиях и обстоятельствах. К этим компонентам мы можем отнести:

1) познание как предпосылку свободы, её теоретическое выражение;

2) деятельность как основу свободы, её реальность и наличное бытие;

3) общение как условие реализации личной свободы;

4) самосознание как отношение человека к своему образу жизни, к своей свободе, степень его ответственности за неё.

Познание есть предпосылка свободы, оно даёт индивиду выбор определения её степени, а также возможность постоянно открывать и исследовать новые процессы, явления, законы. Не деятельность вообще, а лишь определённая общественная деятельность, протекающая при некоторых общественных условиях, выступает реальным проявлением свободы, фактором положительного, а затем и всестороннего развития сил и способностей человека. Таким образом, одной из основ свободы можно назвать преобразовательную деятельность. Другим условием её существования выступает человеческое общение. Благодаря ему свобода становится реальностью, приобретает определённый уровень или степень. Свобода выступает не только как элемент знания, но и как форма социальной практики, регулирующая отношение людей друг к другу, к коллективу и обществу. Благодаря общению, взаимному обмену опытом и информацией возникают различные формы и направления действий, а также та согласованность в поступках, которая позволяет человеку делать себя и свой способ действий понятными другому. Одним из важных условий свободы является самосознание – благодаря ему свобода приобретает своё лицо, свою индивидуальность и силу⁴. Таким образом, свобода есть продукт и проявление всех отмеченных атрибутов: познания, деятельности, общения и самосознания. Качество названных атрибутов, их сочетание и определяют уровень свободы.

Определив основные составляющие свободы, можно перейти к анализу типов социальных субъектов. По традиции особое внимание уделяется свободе личности и индивида, но это не единственный тип социального субъекта, действующий на историческом поприще. Наряду с ним Б. А. Грушин выделяет широко представленные разнообразные множества, совокупности, объединения индивидов: социальные общности, группы, массы, слои, классы, глобальную общность. Рас-

смотрение социальных общностей в качестве субъектов свободы получило широкое развитие в социальной философии и политэкономии К. Маркса, открывшего глубинную связь между свободой индивида и свободой общества. Этот феномен представляет собой не просто сложное, но «многофигурное» образование, допускающее различные его измерения с точки зрения: 1) числа и характера входящих в его состав элементов; 2) связей между ними; 3) внешних условий, определяющих не только форму, но и саму природу явления; 4) исторических модусов его практического осуществления.

В случае анализа феномена свободы речь должна идти не об одном, «окончательном» определении, как того требовал Гегель, а о целой серии определений, сменяющих друг друга и поочередно включающих в поле зрения исследования всё новые и новые аспекты проблемы. Одно из существующих определений свободы предложено Б. А. Грушиным: «Свобода – способность человека действовать в соответствии с его интересами (желаниями, стремлениями, целями и т.д.), а также с познанными законами природы и общества (объективными обстоятельствами, закономерностями необходимостью и т. д.)»⁵.

Свобода действия составляет органическую базу свободы, но не исчерпывает её. Быть свободным – значит иметь возможность не просто действовать, но и добиваться желаемых результатов, приходиться к поставленным целям. Говоря о свободе индивида, мы могли бы определить её как возможность человека действовать в соответствии с его интересами, осуществляя свои желания, намерения, свои интересы. Но к такому определению следует отнести ряд замечаний: речь должна идти не о способности, а о возможности человека действовать: последняя указывает на субъективные свойства человека и на объективные обстоятельства; в определении отсутствует «познанная необходимость»; свобода индивида может реализовываться и вне её.

Действие индивида на основе осознанной необходимости может быть не свободным, вынужденным, продиктованным, тогда она может оказаться для личности осознанием его собственной беспомощности⁶.

В свою очередь П. И. Пернацкий определяет свободу как «осознанную возможность». По мнению исследователя, возможность, в отличие от необходимости, плюралистична, альтернативна и инвариантна. Такое понимание имеет особое значение для немеханической трактовки исторических закономерностей. Возможность свободного выбора, являясь экзистенциальной чертой человеческого разума, не может быть неограниченной свободой, т. е. произволом. Она существует реально и не сводится к осознанию необходимости. Также предлагается применять при исследовании свободы не понятие «необходимость», а понятие «закономерность», соотно-

сящееся в диалектической паре со случайностью. Закономерная обусловленность человеческого бытия не исключает свободы принятия решений в достаточно широких пределах, обеспечиваемых возможностью. Отсюда же проистекает и ответственность за принятие решения⁷.

Существующие определения свободы многообразны, ни одно из них нельзя считать объективным или удобным в применении. Это объясняется многообразием имеющихся подходов и многоаспектностью применения категории. Также сложность понимания объясняется тем, что свобода имеет относительный или отвлечённый характер, который не способствует конкретности понимания и, следовательно, ведёт к сложности в области определения и применения данной категории.

Примечания

- ¹ См.: Поздняков Э. А. Философия свободы. М., 2004. С. 9–24.
- ² См.: Грушин Б. А. Возможность и перспективы свободы // *Вопр. философии*. 1988. № 5. С. 3.
- ³ Там же. С. 3–5.
- ⁴ См.: Свобода и её содержание / под ред. К. М. Никонова. Волгоград, 1972. С. 12–18.
- ⁵ Грушин Б. А. Указ. соч. С. 7.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Пернацкий В. И. К определению понятия «свобода» // *Свобода и Справедливость. Диалог мировоззрений* : сб. ст. Нижний Новгород, 1993. С. 42–43.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ В СООТНЕСЕНИИ С ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. Е. Бочарова

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: bocharova-e@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования готовности к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности.

Ключевые слова: готовность к риску, саморегуляция, субъективное благополучие, личность.

Readiness for Risk in Correlation with Characteristics of the Realized Self-Control and Subjective Well-Being of the Person

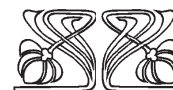
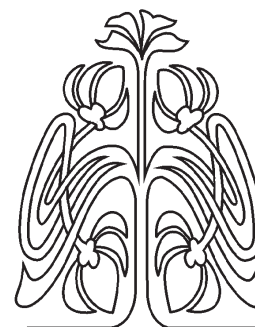
Е. Е. Bocharova

In article results of empirical research of readiness for risk in correlation with characteristics of the realized self-control and subjective well-being of the person.

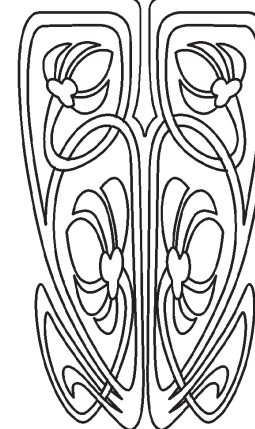
Key words: readiness for risk, self-control, subjective well-being, person.

Высокий темп социальных изменений в различных областях общественной практики, нарастание количества ранее не возникавших, неопределенных социальных ситуаций – иными словами, та новая социальная реальность, которая сегодня уже традиционно определяется как социальная нестабильность, – неминуемо предъявляют повышенные требования к ее субъекту. Особую значимость в этих условиях приобретает способность человека оперативно реагировать на внешние изменения социальной среды и гибко регулировать свою активность соответственно значимости этих изменений, принимать решения о том, как действовать в ситуациях неопределенности и риска. Именно поэтому фокус интереса исследователей в последнее время сосредоточен на изучении вопросов психологии риска, в частности тех внутренних факторов, которые обуславливают «рискованность» личности, её готовность к риску как активному противостоянию жизненным обстоятельствам.

В современных психологических исследованиях риска отмечается признание статуса готовности к риску как разноуровневой характеристики. Так, готовность к риску понимается как позитивная характерологическая составляющая «храбрости» (П. Вайнцвайг), личностное свойство, склонность к поиску острых ощущений (Г. Айзенк), симптомокомплекс личностных черт (Ю. Козелецкий), проактивная форма поведения субъекта и активность интеллектуального опосредования принятия решений, характеристика когнитивного стиля человека (О. В. Тихомиров, М. Петцольд, Г. Никель и др.)¹. В работах В. А. Петровского показано, что готовность к риску в мышлении и готовность к риску на уровне надситуативной активности предполагает разные проявления функциональной активности субъекта в развертывании предвосхищения и процессов опережающего «метаконтроля»². Мышление выступает в качестве процессов,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

подчиненных личностной саморегуляции. Вместе с тем, как отмечает Т. В. Корнилова, риск в мышлении можно рассматривать как основание для риска в действии³.

Готовность, согласно концепции В. А. Петровского, предстает как динамическое образование, определяемое активностью самого субъекта, связанное с самодвижением деятельности, актуальной причинностью в системе побудительных факторов⁴. Именно «надситуативная активность» фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности. Но преодолевая препятствия, ограничения на пути движения деятельности, субъект преодолевает себя, реализуя свои субъектные возможности и потребность преодоления себя в стремлении к общественно задаваемым «мотивам», целям, средствам, реализуя необходимость состояться и утвердиться в своей самости. И в этом плане надситуативная активность личности выступает как самоосуществление ее в отношении к предметному миру, миру людей, своему внутреннему миру. Весьма существенным является и то, что представленность личностной активности связывается с механизмами принятия риска на разных уровнях регуляции – от преодоления реактивного до уровня сознательного и ценностного отношения к принятию риска.

Отметим, что накопленная в психологических исследованиях эмпирическая база подготовила достаточные основания для теоретических обобщений, трактующих готовность к риску как проявление субъектом потенциальных возможностей в управлении им ситуацией в сочетании с неопределенной оценкой самого потенциала этих возможностей. Тогда склонность к риску может означать не отказ от развертывания ориентирования в ситуации, а готовность к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также стремление полагаться на свой потенциал. В связи с этим готовность к риску достаточно тесно связана с представлением человека о себе как источнике дальнейшего преобразования ситуации неопределенности, его подконтрольности в субъективной интерпретации причинности развития событий⁵. При высокой оценке собственных возможностей и усилий человек может субъективно оценивать для себя ситуацию как менее рискованную, чем она представляется внешнему наблюдателю. Сознание меры собственных возможностей во многом определяется системой эмоционально-оценочного отношения индивида к различным сторонам своей жизни, деятельности и самому себе, рассматриваемой нами как субъективное благополучие, регулирующее объем и меру активности личности, отражающее потенциальную готовность принятия или избегания риска. При этом оценка своего возможного складывается на основе уже достигнутого. Вместе с тем оценка

своих возможностей и готовность к их реализации проявляются в характеристиках функциональной взаимосвязи регуляторных образований личности.

В работах Т. В. Корниловой было предложено рассматривать готовность к риску как свойство личностной саморегуляции, проявляемое человеком при принятии решений и выборе стратегий поведения в условиях неопределенности⁶. Состоявшийся выбор, по сути, связывается со способностью выдвигать цели своей активности, представлять и выявлять условия их достижения, намечать и использовать различные программы действий, оценивать и корректировать свою активность в зависимости от отношения к достигнутому. Следует подчеркнуть, что выбор одного из возможных вариантов и сам процесс окончательного принятия решения осуществляется намеренно самой личностью, что и определяет психологическую сущность произвольного регулирования как психологически свободного выбора в рамках возможных решений⁷. Таким образом, состоявшийся выбор, решение связывается с проявлением личностью возможностей саморегуляции.

Вместе с тем понимание готовности к риску как реализуемой человеком способности к самоконтролю и саморегуляции при заведомой неполноте информации или недоступности развернутой ориентировки начинает включаться в психологическое понимание рациональности. Как отмечают исследователи, действия человека могут одновременно характеризоваться и как рациональные, и как содержащие фактор риска, поскольку между целедостижением и целеобразованием всегда существует некоторое несоответствие⁸.

Необходимо отметить тот факт, что в современных подходах изначальное толкование риска как свойства необдуманных действий, действий наобум или наудачу (т. е. не подкрепленных рациональной оценкой) претерпевает изменение в сторону отказа от противопоставления рискованных, нерациональных решений и осторожных, осмысленных – опосредствованных рассуждением. Современный контекст понимания риска в целедостижении ориентирован на тезис об ограниченной рациональности человека или мере рациональности в принятии решений. Не менее важным является в данном контексте и то, что сознательные ориентации на конечный результат и сознательный выбор средства его достижения признаются рациональными⁹.

При обращении к рассмотрению готовности к риску как динамическому образованию, определяемому активностью самого субъекта, весьма существенным является то, что осознанная саморегуляция активности субъекта не является исключительно рациональным процессом, реализуемым когнитивными средствами. Будучи не только рационально отражающим действительность, в которую он включен множеством связей и отношений, но и эмоционально относящимся к отражаемому, субъект учитывает свое

отношение ко всему отражаемому в сознании в связи с принятием решения, в том числе и в ситуациях риска. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о регуляторной роли субъективного благополучия как интегральной формы эмоционально-оценочного отношения человека к самому себе, различным сторонам своей жизни, определяющего характер переживаний, объединяющих чувства и эмоции, особенности восприятия окружающего мира, характер поведенческих реакций на внешние воздействия, стратегий поведения. Непосредственная функция этих переживаний – оценка деятельности как удовлетворительной или неудовлетворительной с точки зрения достижения поставленных целей. Вместе с тем они представляют собой «обратную афферентацию», которая информирует субъекта об успешности достижения «акцептора действия» (согласно концепции П. К. Анохина), а в случае неуспеха сигнализируют о необходимости «перепрограммирования» своей деятельности. Иначе говоря, эмоциональные переживания личности по поводу деятельности выступают как функция обратной афферентации. Они афферентируют активность личности как субъекта, направленную на изменение и оптимизацию деятельности. Неудовлетворенность личности результатами собственной деятельности и собой как главным ее условием есть тенденция к самоизменению, импульс к развитию субъекта деятельности. В этой связи переживание субъективного благополучия (неблагополучия) обеспечивает побудительную регуляцию субъектной активности личности относительно себя и своей деятельности.

Отметим, что результаты ранее выполненного нами исследования свидетельствуют о включенности субъективного благополучия в систему регуляторного процесса, выступающего в качестве одного из механизмов саморегуляции активности личности, проявляющегося в специфике организации субъектом своей активности¹⁰. В этой связи вполне правомочным является изучение готовности к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности.

В качестве диагностического инструментария нами использованы следующие методики: для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия шкала субъективного благополучия М. В. Соколовой (ШСБ); для диагностики готовности к риску и рациональности опросник ЛФР (личностные факторы принятия решений) Т. В. Корниловой; опросник ССП В. И. Моросановой (стиль саморегуляции поведения) позволяет измерить представленность в активности человека различных процессов саморегуляции и специфических регуляторных свойств – планирования, моделирования, программирования, оценки результата, общего уровня саморегуляции – и регуляторно-личностных свойств – гибкости, самостоятельности.

Эмпирическое исследование проводилось на пропорционально подобранной выборке по 70 человек (учащиеся 11-х классов общеобразовательных школ г. Саратова), отличающихся уровнем переживания субъективного благополучия (на достоверно значимом уровне).

Результаты сравнительного анализа (по t-критерию Стьюдента) средних значений свидетельствуют о межгрупповых различиях выраженности готовности к риску и рациональности в зависимости от уровня субъективного благополучия. Так, в выборке «благополучных» рациональность представлена более высоким показателем, нежели в выборке «неблагополучных», отличающейся наибольшей выраженностью готовности к риску ($p \leq 0,05$).

Сопоставительный анализ показателей выраженности компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия позволил выявить существенные различия в исследуемых выборках (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность компонентов саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия

Компоненты саморегуляции	Низкий уровень	Высокий уровень	t-критерий Стьюдента
Планирование	5,35	7,02	2,68**
Моделирование	6,72	6,88	0,82
Программирование	7,97	6,06	2,2*
Оценивание результатов	4,81	7,61	2,64**
Гибкость	6	6,72	0,82
Самостоятельность	5	6,97	2,2*
Общий уровень саморегуляции	35,76	25,46	2,82*

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Наибольшая выраженность компонентов «планирование», «оценка результатов», «самостоятельность» наблюдается в выборке «благополучных» ($p \leq 0,01$). Общий уровень саморегуляции в этой выборке отличается наименьшей выраженностью по сравнению с выборкой «неблагополучных» ($p \leq 0,05$). Эти данные можно интерпретировать как свидетельство относительной автономности, независимости в выдвижении и удержании целей, способности адекватно оценивать результаты своей деятельности и степень рассогласования промежуточных результатов. В выборке «неблагополучных» наиболее выраженную представленность имеют показатели «программирование» и общий уровень саморегуляции, наименьшую – «планирование», «оценивание результатов», «самостоятельность» ($p \leq 0,01$). Иначе говоря, «неблагополучным» свойственно проявление тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей. Вместе с тем

самостоятельное выдвижение целей, адекватная оценка достигнутых результатов и степени рассогласования промежуточных результатов вызывают затруднение. Важное значение имеет и то, что общий уровень саморегуляции отличается наибольшей выраженностью в выборке с низким уровнем благополучия. Очевидно, переживание

неблагополучия, неудовлетворенность собой и результатами своих достижений выступают одним из компенсаторных механизмов саморегуляции активности.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязь изучаемых параметров в исследуемых выборках (табл. 2, 3).

Таблица 2

Взаимосвязь параметров готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «благополучных»

Параметры	НЧ	УПД	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г
Готовность к риску	403	–	–	–	320	332	–	432
Рациональность	–	432	234	532	–	–	336	–

Примечание. В таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; условные обозначения: НЧ – напряжённость и чувствительность; УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; СЭБ – индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование; ПР – программирование; ОЦР – контроль и оценка результатов; М – моделирование; Г – гибкость.

В выборке «благополучных» готовность к риску взаимосвязана с показателями субъективного благополучия – напряжённостью и чувствительностью ($r = 0,403$, при $p < 0,001$) – и показателями саморегуляции – программированием ($r = -0,320$ при $p < 0,05$), оценением результатов ($r = 0,332$ при $p < 0,05$), гибкостью ($r = 0,432$ при $p < 0,05$). Вместе с тем выявлена взаимосвязь готовности к риску и рациональности ($r = 0,227$ при $p < 0,05$). Рациональность коррелирует с показателем удовлетворённости повседневной деятельностью ($r = 0,432$ при $p < 0,001$), индексом эмоционального благополучия ($r = 0,234$ при $p < 0,05$) и такими компонентами саморегуляции, как планирование ($r = 0,532$ при $p < 0,001$) и моделирование ($r = 0,336$ при $p < 0,01$). Иначе говоря, в выборке «благополучных» со свойственным им проявлением рациональности принятие риска сопряжено с проявлением напряжённости и чувствительности, тщательным продумыванием программ способов своих действий для достижения намеченных целей в соотношении с оценением результатов своей деятельности. Вместе с тем обращает на себя

внимание факт наличия взаимосвязи рациональности и готовности к риску, что свидетельствует о предпочтении «благополучными» разумного риска или ограниченной рациональности. Кроме того, переживание благополучия выступает как некоторый «сдерживающий» фактор проявления стремления к риску.

В выборке «неблагополучных» готовность к риску взаимосвязана с показателями субъективного благополучия – значимостью социального окружения ($r = 0,452$ при $p < 0,001$), удовлетворённостью повседневной деятельностью ($r = -0,322$ при $p < 0,01$), индексом эмоционального благополучия ($r = -0,462$ при $p < 0,001$) – и показателями саморегуляции – планированием ($r = 0,326$ при $p < 0,01$), программированием ($r = 0,315$ при $p < 0,01$), моделированием ($r = 0,342$ при $p < 0,01$), гибкостью ($r = 0,232$ при $p < 0,05$), самостоятельностью ($r = 0,199$ при $p < 0,05$), общим уровнем саморегуляции ($r = 0,236$ при $p < 0,05$). Рациональность взаимосвязана с таким компонентом саморегуляции как оценка результата ($r = 0,234$ при $p < 0,05$).

Таблица 3

Взаимосвязи между параметрами готовности к риску/рациональности, субъективного благополучия и осознанной саморегуляции в выборке «неблагополучных»

Параметры	УПД	ЗСО	СЭБ	ПЛ	ПР	ОЦР	М	Г	С	ОУС
Готовность к риску	-322	452	-462	326	315	–	342	232	199	236
Рациональность	–	–	–	–	–	234	–	–	–	–

Примечание. В таблице представлены достоверно значимые коэффициенты, нули перед коэффициентом корреляции опущены; условные обозначения: УПД – удовлетворённость повседневной деятельностью; ЗСО – значимость социального окружения; СЭБ – индекс субъективного эмоционального благополучия; ПЛ – планирование; ПР – программирование; ОЦР – контроль и оценка результатов; М – моделирование; Г – гибкость; С – самостоятельность; ОУС – общий уровень саморегуляции.

В этой выборке отмечается повышенная активность в целеполагании на фоне проявления тщательной детализации и развернутости разрабатываемых программ способов своих действий для достижения намеченных целей, поиска источника информации об условиях, учет которых необходим для определения программы реализации деятельности на фоне проявления критичности, взвешенности в оценивании результатов своей деятельности. Однако проявляя гибкость и самостоятельность, личность с низким уровнем благополучия не исключает поддержки окружающих.

Необходимо отметить различия в количестве связей между готовностью к риску, рациональностью и компонентами саморегуляции в зависимости от уровня переживания субъективного благополучия. Так, обнаружено большее количество взаимосвязей показателей готовности к риску и компонентов саморегуляции в выборке «неблагополучных» (6 связей), нежели «благополучных» (3 связи). Иначе говоря, система саморегуляции неблагополучных, проявляющих готовность к риску, отличается большим количеством значимых межкомпонентных связей, что свидетельствует о взаимодействии всех функциональных компонентов системы саморегуляции. Очевидно, что готовность к риску определяется в большей степени не абсолютными значениями (выраженностью) тех или иных показателей саморегуляции, а изменением структуры взаимосвязи её компонентов. Между тем переживание субъективного благополучия, неудовлетворенности собой выступает внутренним условием, активизирующим процесс саморегуляции в ситуациях принятия риска. Иначе говоря, переживание субъективного благополучия актуализирует специфическую активность в ситуации выбора, отражающую возможности саморегуляции и в целом личностный потенциал в реализации человеком рискованных решений или действий.

Необходимо подчеркнуть, что полученные данные не могут рассматриваться как полное решение проблемы детерминации «рискованных» проявлений активности личности – они представляют собой определенные ориентиры для дальнейшего изучения проблемы готовности личности к риску.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а).

Примечания

- 1 См.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. 262 с.; Тихомиров О. В. Принятие решения как психологическая проблема // Проблемы принятия решения. М., 1976. С. 77–81; Petzold M. Kognitive Stile: Definitionen, Klassifikationen und Relevanz eines psychologischen Konstrukts aus wissenschaftshistorischer Sicht // Psychologie, Erziehung, Unterricht. 1985. Bd. 32. S. 161–177.
- 2 См.: Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 326 с.
- 3 См.: Кулагина Е. И., Корнилова Т. В. Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риэлторов // Вопр. психологии. 1995. № 2. С. 105–112; Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопр. психологии. 1994. № 6. С. 99–109.
- 4 См.: Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 326 с.; Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д., 1996. 268 с.
- 5 См.: Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений.
- 6 Там же.
- 7 См.: Прыгин Г. С. Психология самостоятельности. Ижевск; Набережные Челны, 2009. 408 с.
- 8 См.: Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений.
- 9 См.: Петровский В. А. Личность: феномен субъектности. Ростов-н/Д., 1993. 67 с.
- 10 См.: Бочарова Е. Е. Структурная организация саморегуляции в зависимости от уровня субъективного благополучия личности // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 64–69.

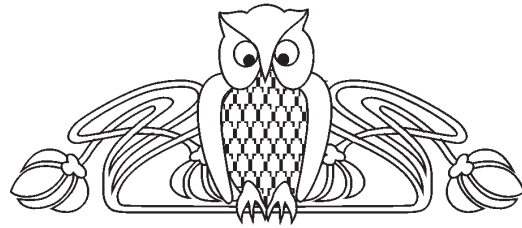

УДК 159.9 : 316.023.4

САМООЦЕНКА ГРУППОВОГО СУБЪЕКТА

К. М. Гайдар

Воронежский государственный университет
E-mail: marlen_lora@mail.ru

В статье излагаются некоторые итоги теоретического и эмпирического анализа проблемы самооценки группового субъекта. На материале студенческих групп обсуждаются особенности групповой самооценки в динамике изменений от 1-го к 5-му курсу, а также ее возможное соотношение с индивидуальными самооценками.

Ключевые слова: групповой субъект, самооценка, групповая самооценка, студенческая группа.

Group Subject's Self-Appraisal

К. М. Gaidar

Some resumes of theoretical and empirical analyses of the problem of group subject's self-appraisal are expounded. On the material of students' groups the peculiarities of the group self-appraisal in dynamics of changes from 1 to 5 courses are discussed as well as its possible ratio with the individual self-appraisal.

Key words: group subject, self-appraisal, group self-appraisal, students' group.

Групповой субъект мы понимаем как системное и динамическое качество группы взаимосвязанных и взаимодействующих людей, проявляющееся, когда она не только действует как единое целое в значимых социальных ситуациях, осуществляя разные виды активности (деятельность, общение, познание и др.), но и преобразует их (ситуации) и саму себя, осознавая при этом, что именно она является источником этих действий и преобразований¹. Трактую малую группу как субъект, мы должны признать наличие у нее сознания и высшей формы его развития – самосознания. Важнейшим и неотъемлемым компонентом группового самосознания является самооценка группового субъекта, презентующая эмоционально-ценностную подструктуру его самосознания. Следует подчеркнуть, что она до сих пор не стала предметом специального исследования и является «белым пятном» в психологии группы как субъекта.

Актуальность исследования проблемы групповой самооценки обусловлена как необходимостью ее теоретической разработки, так и прикладным значением. Изучение групповой самооценки будет способствовать расширению теоретических представлений современной психологии о групповом субъекте; одновременно это поможет решить прикладные вопросы, связанные с изучением эффективности групповой деятельности, так как необходимая для нее согласованность действий возможна лишь на основе учета само-

оценки самого группового субъекта. Изучение тех или иных характеристик групповой самооценки и использование психологами этих знаний на практике позволит оптимизировать жизнедеятельность и развитие реальных групп, повысить их продуктивность.

Приступая к изучению групповой самооценки, следует прежде всего уточнить само это понятие, а для этого, на наш взгляд, полезно обратиться к общепсихологической трактовке самооценки. С точки зрения И. И. Чесноковой, самооценка личности – это знание о себе, соединенное с определенным самоотношением². А. В. Петровский определяет самооценку как оценку личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей³. В современных психологических словарях самооценка понимается как ценность, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения; как оценка, даваемая личностью себе, своим возможностям, качествам и месту среди других людей; как суждение человека о наличии, отсутствии или слабости тех или иных качеств в сравнении их с некими эталонами. Нам импонирует определение Л. В. Бороздиной, которая обращает внимание на то, что самооценка отвечает не на вопрос, что Я имею, а на вопрос, чего это стоит, что это значит, означает. Она понимает самооценку как «наличие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он обладает, но это не констатация имеющегося потенциала, а именно его оценка с точки зрения определенной системы ценностей»⁴.

Единственное определение групповой самооценки мы нашли в работе В. Г. Асафова – он определяет ее как одну из форм сознательной рефлексии коллективом своих успехов и неудач, достижений и недостатков, возможностей и перспектив развития⁵. Мы предлагаем следующее определение групповой самооценки – это *результат оценивания групповым субъектом своих возможностей, особенностей, качеств, проявлений в разных формах активности, основанный на разделяемой им системе ценностей и воплощающий критическую позицию по отношению к самому себе*. Групповая самооценка представляет собой системное образование самосознания группы – сложное, структурированное и многоуровневое. Ее сложность выражается в многообразии видов, выделяемых по критериям «критичность», «обобщенность», «связь с временной реальностью».

В психологии традиционно различают адекватную и неадекватную самооценку, эта же классификация может быть использована и при анализе самооценки группового субъекта. Группа с адекватной самооценкой относится к себе критически, с оптимальной требовательностью, правильно соотносит собственные возможности и особенности с задачами разной трудности, объективно воспринимает свои сильные и слабые стороны. Неадекватная самооценка может быть завышенной или заниженной. Первая влечет за собой самоуверенность группового субъекта, некритическое к себе отношение, игнорирование неудач, склонность браться за непосильные задачи. Во втором случае имеет место неуверенность группы в своих силах, чрезмерная самокритичность.

С другой стороны, возможно выделение общей и частных групповых самооценок. Последние – это самооценки, даваемые группой отдельным своим качествам и психологическим новообразованиям, проявлениям в конкретных сферах групповой активности, тем или иным своим достижениям и неудачам; они носят чаще всего ситуативный характер. Совокупность частных образует общую групповую самооценку, имеющую генерализованный характер и отражающую удовлетворенность или неудовлетворенность группы собой в целом.

Виды групповой самооценки могут быть выделены также с акцентом на временной параметр:

1) идеальная самооценка группы, или групповой самоэталон – касается идеального образца группы, т.е. такого уровня, к которому можно стремиться и более или менее приблизиться, но которого нельзя достичь;

2) реальная групповая самооценка – отражает достигнутый в настоящее время уровень развития группы, действительное положение дел в той или иной сфере ее жизнедеятельности;

3) прогностическая групповая самооценка – представляет уровень, который может быть достигнут группой в будущем, перспективы ее развития;

4) ретроспективная групповая самооценка – дает представление о достигнутом в прошлом уровне развития группы, результатах прошлой деятельности.

Таким образом, групповую самооценку можно трактовать как разницу между образом реальной группы, складывающимся в сознании ее членов, и их представлениями об идеальной группе. Чем больше эта разница, тем ниже групповая самооценка, и наоборот, чем разница меньше, тем выше самооценка группы.

В структуре групповой самооценки различаются когнитивный и эмоциональный компоненты. Первый, с нашей точки зрения, образуется благодаря интеллектуально-рефлексивным действиям группового субъекта, а именно: операции сравнения себя, с одной стороны, с групповыми

самоэталонами и, с другой стороны, с образами иных групп; установлению степени согласованности / рассогласованности упомянутых образов; операции антиципации и прогнозирования группой своих возможностей и будущих результатов; сведению частных самооценок в обобщенную. Второй – эмоциональный – компонент представляет собой палитру «Мы-чувств»: от неведения себя до уверенности в себе, от удовлетворенности собой до неудовлетворенности, от негативного отношения к себе до позитивного.

Многоуровневость групповой самооценки может быть раскрыта посредством обозначения различных ее уровней как количественной меры выраженности определенных характеристик – содержательной полноты, сформированности, стабильности и др. В этом смысле ожидаемы, как минимум, три уровня групповой самооценки – высокий, средний, низкий.

Кроме многообразия, структуры и уровней групповой самооценки можно назвать и другие ее особенности – устойчивость или неустойчивость, стабильность или динамичность, когнитивная сложность или простота, большая или меньшая осознаваемость.

Поскольку феномен групповой самооценки не был предметом специального изучения в последние 20–25 лет, считаем перспективным его исследование на материале современных молодежных, в частности студенческих, групп, способных служить моделью группового субъекта.

Проведя теоретический анализ, мы выдвинули следующие гипотезы:

самооценке студенческих групп как целостных субъектов свойственна нелинейная динамика от младших курсов к старшим;

имеется связь уровней самооценки группового субъекта и самооценки личностей, его составляющих, а именно в группах, характеризующихся более высокой самооценкой, у индивидов, включенных в них, наблюдается более высокая самооценка и позитивная модальность; в группах с заниженной самооценкой можно ожидать падения уровня индивидуальных самооценок и преобладания их негативной модальности.

Базой эмпирического исследования служили факультеты Воронежского государственного университета: два гуманитарного и один – естественно-научного профиля. Объектом этого исследования выступили 17 студенческих групп 1–5-го курсов, общий объем выборки составил 238 человек.

В нашем исследовании использовались следующие методики: во-первых, семантический дифференциал (модификация Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда) для определения уровня групповой самооценки: испытуемым предлагалось оценить два стимула – «моя реальная студенческая группа» (а) и «идеальная студенческая группа» (б) – по степени выраженности

тех или иных качеств. Об уровне групповой самооценки мы судили по семантическому расстоянию между ними (*D*). Во-вторых, была использована модифицированная нами методика С. А. Будасси для диагностики уровня групповой самооценки – испытуемые оценивали свою учебную группу путем ранжирования 20 качеств. Их содержание было модифицировано применительно к групповому субъекту. Обе методики применялись как индивидуально, так и в групповом варианте. Последний требовал, чтобы при выполнении задания в ходе общей дискуссии группа выработала единое мнение.

Первый этап исследования был направлен на проверку первой гипотезы. Анализ данных начнем с семантического дифференциала (табл. 1).

Таблица 1

Усредненные результаты изучения групповой самооценки по методике семантического дифференциала

Курс	O_a	C_a	A_a	O_b	C_b	A_b	D_{ab}
I	11,2	8,6	8,2	16,7	10,7	9,4	6,0
II	6,3	7,2	6,5	17,2	9,5	9,3	11,5
III	8,4	7,2	7,3	15,2	12,6	10,8	9,4
IV	9,0	6,1	8,2	15,9	11,5	9,6	8,9
V	8,0	6,3	7,6	15,1	13,1	8,8	9,9

Примечание. *a* – стимул «Моя реальная студенческая группа»; *b* – стимул «Идеальная студенческая группа»; *O* – фактор оценки; *C* – фактор силы; *A* – фактор активности, *D* – семантическое расстояние между стимулами *a* и *b*.

Результаты показали, что наиболее высоко оценивают себя групповые субъекты на 1-м курсе: они продемонстрировали наивысшие значения по всем факторам методики и наименьшее семантическое расстояние. Эти группы считают себя активными, инициативными, способными справиться с трудностями, открытыми для контактов – все это может указывать на удовлетворенность первокурсников своими учебными группами.

Эти выводы подтверждены результатами методики С. А. Будасси. Группы 1-го курса считают, что в наибольшей мере у идеальной группы должны быть выражены следующие качества: сплоченность, взаимопонимание, жизнерадостность, взаимопомощь, согласованность действий, доброжелательность; наименее выражены – пассивность, конфликтность, беспечность, нерешительность. При самооценке эти группы указали, что больше всего у них выражены взаимопомощь, доброжелательность, жизнерадостность, взаимопонимание, терпимость друг к другу, энергичность; меньше всего проявляются дисциплинированность, настойчивость, согласованность действий, ответственность, организованность, т. е. группы первокурсников обнаруживают у себя целый ряд положительных качеств, свойственных, по их мнению, идеальной группе.

Группы 2-го курса показали наибольшее снижение самооценки (до уровня ниже среднего) и довольно самокритичное отношение. Скорее всего, второкурсники не удовлетворены групповыми достижениями и поведением своих групп как целостных субъектов. Такое отношение, по-видимому, связано с прошедшей после начала обучения в вузе эйфорией, столкновением с первыми трудностями, которые групповые субъекты не всегда могут преодолеть самостоятельно (вспомним, что, несмотря на высокую самооценку, группы первокурсников признали, что им больше всего не хватает организованности, ответственности, согласованности действий), лучшим узнаванием членами групп друг друга.

По методике С. А. Будасси выяснилось, что группы 2-го курса полагают, что идеальной группе более всего свойственны сплоченность, взаимопомощь, организованность, доброжелательность; менее всего – пассивность, конфликтность, беспечность, нерешительность. Давая оценку самим себе, эти группы считают, что в большей мере у них развиты такие качества, как увлекаемость, взаимопомощь, энергичность, жизнерадостность (с положительными качествами идеальной группы совпало лишь одно – взаимопомощь); в наименьшей степени присущими себе они считают конфликтность, единство мнений, согласованность действий, сплоченность (с отрицательными качествами идеальной группы также совпало одно качество – конфликтность). Эти данные подтверждают, что группам второкурсников свойственна в большей части случаев заниженная самооценка.

Итак, можно заключить, что самооценка групп 1-го и 2-го курса недостаточно адекватна и устойчива, причем от 1-го ко 2-му курсу наблюдается падение ее уровня. Это можно объяснить тем, что самосознание групповых субъектов в первые годы обучения только формируется, поэтому их самооценка может быть подвержена значительным колебаниям.

Самооценка групп 3-го курса, судя по вычисленному семантическому расстоянию, оптимально близка к оценке идеальной группы, что может свидетельствовать о большей зрелости их группового самосознания в целом и более адекватной самооценке в частности.

Согласно данным методики С. А. Будасси, группы 3-го курса наиболее высоко оценивают такие качества идеальной группы, как взаимопонимание, сплоченность, взаимопомощь, доброжелательность, организованность, жизнерадостность; наименее присущими ей они считают пассивность, нерешительность, беспечность, конфликтность. Одновременно они полагают, что им самим наиболее свойственны взаимопонимание, дисциплинированность, увлекаемость, терпимость друг к другу, организованность, взаимопомощь, ответственность, доброжелательность; меньше всего характерны такие качества, как настойчивость, конфликтность, энтузиазм,

нерешительность, единство мнений, согласованность действий, беспечность, сплоченность.

На 4-м курсе показатель семантического расстояния между предъявленными студентам для оценки стимулами несколько сокращается, что указывает на повышение уровня групповой самооценки (в основном за счет показателей факторов оценки и активности при оценке стимула «моя реальная студенческая группа»).

По методике С. А. Будасси идеальную группу четверокурсники представляют как обладающую прежде всего организованностью, ответственностью, взаимопомощью, сплоченностью; в наименьшей степени идеальной группе должны быть свойственны такие качества, как конфликтность, беспечность, пассивность, увлекаемость. При самооценке эти группы подчеркивают, что наиболее выражены у них следующие качества: энергичность, жизнерадостность, ответственность,

доброжелательность, согласованность действий, сплоченность, взаимопомощь; наименее развиты конфликтность, беспечность, энтузиазм.

И, наконец, на 5-м курсе групповые субъекты снова демонстрируют некоторое снижение уровня самооценки до среднего, а у некоторых из них он может быть квалифицирован как средний с тенденцией к занижению. Вероятно, накопленный за годы совместной жизнедеятельности опыт приводит к большей взвешенности и умеренной критичности групповых субъектов. При этом важно отметить, что эти самооценки отражают в целом позитивный образ студенческих общностей. Эти выводы подтверждаются результатами методики С. А. Будасси. Вычисленные по этой методике коэффициенты ранговой корреляции Спирмена показали некоторый разброс значений независимо от курса обучения (табл. 2), но в целом подтвердили результаты представленного выше качественного анализа.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа по модифицированной методике С. А. Будасси

Курс	I	II	III	IV	V
Коэффициент корреляции	0,75–0,87	0,29–0,38	0,45–0,70	0,68–0,79	0,39–0,50
Уровень групповой самооценки	Завышенный	Заниженный	Средний	Завышенный	Средний

На основании корреляционного анализа можно утверждать, что высокий уровень самооценки не обнаружен ни у одной из изученных нами групп. Оптимальный ее уровень (средний и выше среднего) свойствен группам 3-го и 4-го курса.

Итак, первая гипотеза подтвердилась: с 1-го по 5-й курс самооценка групп меняется сначала от завышенного уровня к заниженному, а затем – к среднему и выше среднего как оптимальному для развития группового самосознания. Мы считаем, что выявленная нелинейная динамика обусловлена специфической для каждого курса обучения социальной ситуацией жизнедеятельности групповых субъектов, при этом развитие их самооценки идет в направлении достижения адекватности и оптимального уровня.

Далее проверялась гипотеза о том, что имеется связь уровня самооценки группового субъекта и самооценки составляющих его индивидов: для ее подтверждения анализировались эмпирические данные, полученные по всей выборке в целом, независимо от курса обучения. Все изученные группы были разделены на две категории: имеющие заниженную самооценку и имеющие самооценку среднего и выше среднего уровня.

С помощью корреляционного анализа удалось подтвердить и вторую гипотезу. В 69,7% случаев уровень групповой и индивидуальной самооценки совпадает. Между самооценкой учебной группы и самооценкой ее членов имеет-

ся статистически значимая связь (при $\alpha \leq 0,01$), а именно в группах, имеющих более высокую самооценку, учатся в основном студенты с высоким и средним уровнем индивидуальной самооценки, характеризующиеся преимущественно позитивной модальностью. Группы же с более низким уровнем общей самооценки состоят чаще всего из тех, кому присущ заниженный уровень индивидуальной самооценки с нейтральной или негативной модальностью. Мы считаем, что совпадение уровня индивидуальной и групповой самооценки может указывать на идентификацию студентов со своими группами в силу референтности последних для своих членов.

Отдельные случаи расхождения между групповой и индивидуальной самооценки представлены двумя вариантами: а) более высокий уровень групповой самооценки по сравнению с индивидуальным, а именно – группа имеет средний уровень самооценки, в то время как у ее членов преобладает низкая самооценка; б) более низкий уровень групповой самооценки по сравнению с индивидуальной, когда высокий уровень самооценки студентов сочетается со средним уровнем групповой самооценки или же средний уровень индивидуальной самооценки сочетается с заниженной групповой. Ситуацию более высокого уровня групповой самооценки по сравнению с индивидуальной мы объясняем действием защитно-компенсаторных механизмов, когда личность

за счет повышения позитивности образа группы стремится повысить собственную оценку, преодолеть неуверенность в себе за счет ориентации на свою группу, которая, вероятно, является для нее референтной (назовем это компенсаторной референтностью группового субъекта). Сочетание низкого уровня самооценки группы и более высокого уровня индивидуальной самооценки, скорее всего, есть следствие нереперентности группы для ее участников, которые более заняты собой, чем членством в группе.

В заключение подчеркнем, что знание уровня самооценки группового субъекта может служить для психолога ориентиром, позволяющим прояснить не только особенности функционирования самой группы, но и некоторые характеристики отдельных ее членов. Ведь, являясь целостным субъектом, группа оказывает значимое влияние на входящих в нее индивидов, способствуя росту

их субъектности, а одним из индикаторов субъектности – как индивидуальной, так и групповой – служит самооценка.

Примечания

- 1 См.: *Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж, 2006. 160 с.
- 2 См.: *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 144 с.
- 3 См.: *Петровский А. В.* Что мы знаем и чего не знаем о себе? М., 1988. С. 138–158.
- 4 *Бороздина Л. В.* Что такое самооценка? // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 4. С. 99.
- 5 См.: *Асафов В. Г.* Динамика групповой самооценки в процессе коллективообразования // Социально-психологические проблемы коллектива. Кострома, 1982. С. 36–39.

УДК 316.6

ТИП ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЛИДЕРА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЛИДЕРСТВА

А. К. Кравцова

Саратовский государственный университет
E-mail: kravtsova87@gmail.com

В статье рассматриваются существующие концепции эмоционального интеллекта, выдвигается гипотеза о связи его и ордерных типов лидерства, описываются его различные типы, ставятся задачи по изменению организационной культуры посредством работы с компонентами эмоционального интеллекта лидера.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, типология эмоционального интеллекта, ордерный (функциональный) тип лидерства, социопсихологический ордер.

Type of the Leaders Emotional Intelligence as the Determinate Factor of the Functional Type of Leadership

А. К. Kravtsova

This paper discusses different concepts of emotional intelligence (EI), put forward a hypothesis on the connection between EI and organizational type of leadership, assumes the existence of different types of EI, places further tasks to improve organizational culture, through work with the components of leader's emotional intelligence.

Keywords: emotional intelligence, typology of emotional intelligence, orders (functional) type of leadership, sociopsychological order.

Рыночная экономика оказывает огромное влияние на способ организации и управления компанией. В условиях сильнейшей конкуренции необходимо ставить высокую планку не только для качества и количества продукта (услуги) и делать главный акцент не столько на эффективную

маркетинговую компанию, а в первую очередь на непосредственных участников рабочего процесса: сотрудников, менеджеров и лидеров организаций.

Часто ведутся споры о том, что же является критерием успешности сотрудника. Мы сталкиваемся с рядом исследований, противоречащих друг другу, говорящих о том, что важнее – интеллект (как наличие академических навыков, прикладных знаний) или умение работать в команде, способность к самопрезентации или мотивация. Действительно, социальный интеллект как «способность понимать людей, действовать или поступать мудро в отношении других»¹ охватывает достаточно широкую область социального взаимодействия и мы можем говорить об определённом благополучии индивида при обладании высоким уровнем развития социального интеллекта. Но определяет ли данный конструкт его успешность как сотрудника или менеджера? Мы считаем, что наиболее направленно определяет успешность менеджера уровень развития его эмоционального интеллекта. Помимо непосредственно эмоциональной составляющей это понятие включает в себя множество компонентов, влияющих на продуктивность рабочей деятельности: это мотивация, самоуважение, возможно, даже настроение и оптимизм².

Существует множество концепций, пытающихся определить эмоциональный интеллект (ЭИ), однако научное сообщество ещё не пришло

к единому пониманию данного конструкта. За рубежом основной концепцией эмоционального интеллекта является модель Дж. Мейера, П. Сэловея, Д. Карузо: они определяют *эмоциональный интеллект* как группу ментальных способностей, которые позволяют осознавать и понимать эмоции собственные и окружающих³. Ранее была разработана модель Бар-Она, которую он сейчас называет «эмоциональный и социальный интеллект»⁴. Пять основных компонентов этой модели – межличностные навыки, внутриличностные навыки, адаптируемость, стрессоустойчивость (stress management) и настроение в общем⁵. Многие учёные считают подход Д. Гоулмена и Р. Боятиза⁶ ненаучным и не до конца обоснованным, но он наиболее широко раскрывает проявление ЭИ в личностных характеристиках индивида, что даёт нам более полное представление, как характеризуется именно этот вид интеллекта. Согласно их концепции этот вид интеллекта включает в себя компоненты, объединённые в четыре большие группы: самосознание, самоуправление, социальное осознание и управление отношениями. Существует и отечественная концепция, принадлежащая Д. В. Люсину – он трактует ЭИ как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими⁷. Одна из последних моделей разработана К. Петридесом, Р. Питом и Ф. Коккинаки⁸, которая основывается на всех предыдущих и отражает все личностные аспекты ЭИ, сгруппированные в четыре компонента: успешность (благополучие), коммуникабельность, самоконтроль и эмоциональность. Интересным представляется и подход М. Зайднера, определяющего этот вид интеллекта как смешанный конструкт, включающий многие факторы – социальные, внутриличностные, а также генетические. Кроме того, он рассматривает его с точки зрения алекситимии, особенно при изучении в кросскультурном контексте.

Ввиду отсутствия единого определения и единой концепции нам представляется возможным изучать только внешние проявления ЭИ, т. е. как человек осознаёт свои эмоции, регулирует их, как понимает эмоции других людей и может на них воздействовать.

Для изучения проявления ЭИ нами использовался ряд классических тестов для его измерения (ЭМИн⁹, диагностика эмоционального интеллекта Холла¹⁰), опросник MSCEIT-2¹¹ и популярный британский опросник для измерения ЭИ, взятый на широко посещаемом сайте¹² и адаптированный для русского населения. Тестирование проводилось в режиме непосредственного взаимодействия, т. е. использовались методы наблюдения и беседы, в ходе которых выявлялись дополнительные особенности эмоциональной регуляции человека.

В качестве испытуемых мы выбрали лидеров организаций (N = 30), способом определения наличия у них лидерских качеств явились показатели эффективности деятельности организации

(высокий денежный оборот) и большое количество людей в подчинении (>100). В ходе наших исследований была выявлена закономерность: успешные руководители, лидеры имеют высокий уровень ЭИ (такие же результаты получились и в исследовании Д. Гоулмена для американской выборки¹³). Во время предварительных исследований мы обратили внимание на то, что даже при наличии высоких показателей ЭИ у лидеров по тестам наблюдаются различия в эмоциональном проявлении и эмоциональной регуляции, различный подход к решению проблем (рабочих ситуаций) с точки зрения эмоционального воздействия.

Выбор лидеров с заведомо высоким ЭИ обусловлен гипотезой нашего исследования, которая состоит в том, что разным типам лидерства соответствуют разные типы эмоционального интеллекта. За основу берутся организационные типы лидерства – «родитель», «пастырь», «командир», – которые, соответственно, определяют тип социальной организации – «семья», «церковь», «армия»¹⁴. Был разработан опросник, определяющий тип лидера-руководителя (соотношение различных типов управленческого взаимодействия), основанный на методике Л. Н. Аксеновской (рис. 1).

Испытуемый 1

■ Родитель ■ Пастырь ■ Командир

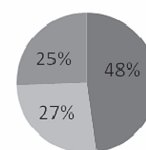

Рис. 1. Пример результата, полученного с помощью опросника, определяющего тип управленческого взаимодействия по методике Л. Н. Аксеновской

Наше предположение заключалось в том, что разные лидеры используют разные стратегии внесения изменений в организацию, что во многом определяется именно типом их эмоционального интеллекта. Построив типологию управленческого взаимодействия и выделив соответствующие ей компоненты ЭИ (характерные для каждого типа лидеров), можно предложить ряд методик по развитию каждого из этих компонентов для изменения организационной культуры. В основе такого подхода лежит точка зрения, что изменение личности лидера организации ведёт к изменению организационной культуры в целом: «...лидер является важной частью социопсихологического механизма формирования и развития культуры общности, обеспечивающий ее интеграцию и демонстрирующий модели поведения, подражая которым члены общности успешно решают возникающие задачи и проблемы»¹⁵.

Из 30 испытуемых у 7 был определён преобладающий тип лидерства – «родитель», у 13 – «командир», у 8 – «пастырь» и у 2 синтетический тип. Несмотря на то что практически ни у одного

из исследованных лидеров не был выражен тот или иной тип лидерства на 100% (результат опросника, выявляющий тип управленческого взаимодействия, выдаёт процентное соотношение всех типов лидерства личности), нами были выявлены определённые закономерности сочетания типа управленческого взаимодействия с показателями эмоционального интеллекта лидеров.

Как уже упоминалось ранее, для получения максимально объективных результатов относительно степени развития эмоционального интеллекта лидеров, помимо беседы и наблюдения, использовался ряд опросников: они включали те, которые основаны на самоотчёте, ситуативные, разработанные специально для измерения ЭИ. Для удобства шкалы, по которым выдавались результаты опросников, были объединены в группы, которые, по нашему мнению, наиболее достоверно определяют эмоциональный интеллект.

1. Понимание (осознание) своих и чужих эмоций:

а) понимание и осознание своих эмоций: а1) идентификация эмоций – способность к восприятию, оценке и выражению эмоций (MSCEIT-2); а2) понимание и анализ эмоций – способность к пониманию и анализу эмоциональной информации (MSCEIT-2); а3) эмоциональная осведомленность (Холл); а4) шкала «внутриличностное понимание эмоций» – понимание своих эмоций; способность к осознанию своих эмоций: их распознавание и идентификация, понимание причин, возможность их вербально описать (Люсин);

б) понимание и осознание чужих эмоций: б1) эмпатия (Холл); б2) шкала «межличностное понимание эмоций» – понимание чужих эмоций.

Способность понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикация, звучание голоса) и/или интуитивно; чуткость к внутреннему состоянию других людей (Люсин).

2. Управление эмоциями:

а) управление своими эмоциями: а1) использование эмоций в решении проблем для повышения эффективности мышления и деятельности (эмоциональная фасилитация) (MSCEIT-2); а2) управление своими эмоциями (эмоциональная отходчивость, эмоциональная неригидность) (Холл); а3) самомотивация (произвольное управление своими эмоциями) (Холл); а4) сознательное управление эмоциями, их регуляция для личностного роста и улучшения межличностных отношений (MSCEIT-2); а5) шкала «внутриличностное управление эмоциями» – управление своими эмоциями, чтобы вызывать и поддерживать желательные и держать под контролем нежелательные (Люсин); а6) шкала «внешняя экспрессия» – контроль экспрессии – способность контролировать внешние проявления своих эмоций (Люсин);

б) управление чужими эмоциями: б1) распознавание эмоций других людей (умение воздействовать на эмоциональное состояние других) (Холл); б2) шкала «межличностное управление эмоциями» – управление чужими эмоциями – способность вызывать у других те или иные эмоции, снижать их интенсивность; возможно, склонность к манипулированию людьми (Люсин).

Рассмотрим усреднённые показатели по имеющимся шкалам (рис. 2.) для различных типов управленческого взаимодействия (методика Холла и Люсина).

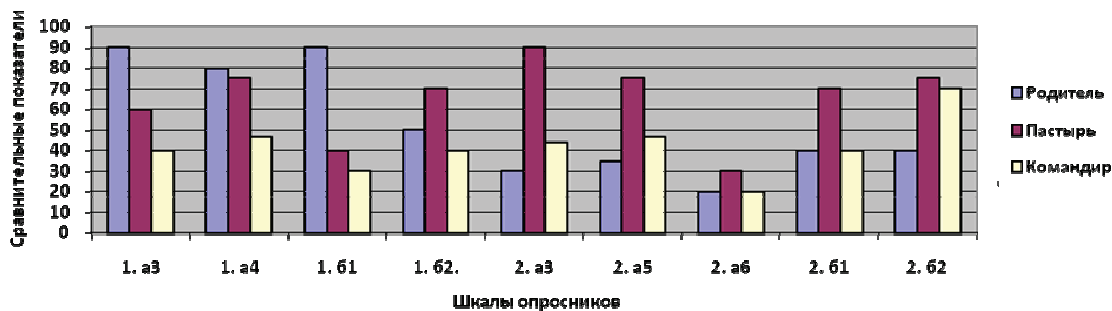

Рис. 2. Сравнение показателей ЭИ лидеров, имеющих различные типы управленческого взаимодействия

Если исходить из полученных диаграмм, становится понятно, что, даже учитывая изначальный уровень эмоционального интеллекта, который выше среднего у всех испытуемых, при сравнении отдельных шкал в условиях преобладания того или иного функционального типа, существуют некоторые закономерности.

У «родителя» наиболее высокие показатели по шкалам «эмоциональная осведомленность», «понимание своих эмоций» и «эмпатия»; «пастырь» имеет самый высокий уровень эмоционального интеллекта по сравнению с лидерами, имеющими

другой функциональный тип, здесь наиболее высокие шкалы – «самомотивация», «управление своими эмоциями» (способность вызывать и поддерживать свои эмоции) и «управление чужими эмоциями». «Командир», имея самые низкие среди остальных показатели эмоционального интеллекта, имеет достаточно высокие показатели по шкалам «самомотивация» и «управление чужими эмоциями». Интересно отметить, что практически у всех лидеров, включая и «синтетов», достаточно низкие показатели по шкале «контроль экспрессии», хотя многие признают необходимость

выработать этот навык, тем не менее если лидер является не владельцем и не «главным лицом» организации, а, например, топ-менеджером, занимающим должность руководителя, показатель «контроль экспрессии» выше.

Показатели «синтетов» крайне высоки практически по всем шкалам опросников («контроль экспрессии» находится на низком уровне); в ходе беседы и наблюдения за лидерами данного типа в процессе управленческого взаимодействия с подчинёнными мы также обнаружили высокое развитие компонентов эмоционального интеллекта.

При явном доминировании одного из субордеров становится очевидным тот факт, что лидер не является «синтетом», т. е. все три функциональные способности не находятся в балансе и не развиты в одинаковой степени. И, соответственно, так как «...личность лидера рассматривается как ключ к решению задачи изменения организационной культуры»¹⁶, социопсихологический ордер не достиг синтетического этапа развития, который представляется идеалом для организационной культуры.

Таким образом, гипотеза о том, что разным типам лидеров присущ разный тип эмоционального интеллекта, т. е. разная степень развития его компонентов, подтвердилась. Мы получили достаточно чёткую картину комплекса качеств и способностей, определяющих тот или иной тип руководителя с точки зрения эмоциональной осведомлённости, связали это с этапом функционирования организационной культуры, другими словами, сопоставили доминирование или явное подавление определённых компонентов ЭИ с определённой моделью лидера, обозначив его функциональный тип («родитель», «пастырь», «командир») и определив степень развитости данного функционального аспекта.

Дальнейшая задача состоит в том, чтобы посредством развития (или, соответственно, уменьшения влияния) того или иного компонента ЭИ достичь баланса функциональных способностей лидера, что приведёт к синтетическому этапу развития социопсихологического ордера, а это, в свою очередь, будет определять успешность деятельности организации в целом.

Примечания

- 1 Thorndike E. L. A constant error in psychological ratings // J. of Applied Psychology. 1920. № 4. P. 472.
- 2 См.: Bar-On R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): a Test of Emotional Intelligence. Toronto, 1997. P. 356.
- 3 См.: Mayer J. D., Caruso D., & Salovey P. Emotional intelligence meets traditional standards for an intelligence // Intelligence. 2000. № 27 (4). P. 267–298.
- 4 Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema, 2006. № 18, supl. P. 13–25.
- 5 См.: Bar-On R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory...
- 6 См.: Boyatzis R.E., Sala F. Assessing emotional intelligence competencies / ed. G. Geher // The Measurement of Emotional Intelligence, Hauppauge. N.Y., 2004. P. 97–128.
- 7 См.: Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 4.
- 8 См.: Petrides K. V., Pita R., Kokkinaki F. The location of trait emotional intelligence in personality factor space // British J. of Psychology. 2007. № 98. P. 273–289.
- 9 См.: Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М., 2009. С. 264–278.
- 10 См.: Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 57–59.
- 11 См.: Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера – Сэловея – Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 6(8) [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.09.2011).
- 12 См.: Британский электронный каталог тестов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.queendom.com> (дата обращения: 15.09.2011).
- 13 См.: Goleman D. Working with emotional intelligence. N.Y., 1998. 400 p.
- 14 См.: Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007. 303 с.
- 15 Там же. С. 58.
- 16 Там же. С. 82.

УДК 159.9

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ В ПРОЦЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Т. Ю. Миронова

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: tasya141@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования представлений подростков и юношества о социальном неравенстве. На основе эмпирического исследования выявляются ядерные компоненты представлений подростков и юношей о различных аспектах социального неравенства, а также изменения, происходящие в данных представлениях в зависимости от возраста подростков. Существующие в обществе противоречивые представления и отношение к социальному неравенству не копируются подростками в «чистом виде» в процессе экономической социализации и не являются продуктом данного процесса, а преломляются через разного рода внутренние и внешние факторы.

Ключевые слова: личность, социальное неравенство, экономические представления.

The Economic View of Teenagers and Youths of Social Inequality, which is Formed During the Process of Economic Socialization in Russia

T. Yu. Mironova

The article presents the results of the study of the ideas of adolescents and young adults of social inequality. The empirical research has revealed nuclear components of ideas of adolescents and youths about various aspects of social inequality, as well as changes in their ideas, depending on the age of adolescents. The results of the research indicate that teenagers don't adopt in its pure form existing in the society conflicting views and attitudes towards social inequality in the process of economic socialization, and it's not the result of this process, but these views and attitudes towards social inequality are refracted through various internal and external factors.

Key words: personality, social inequality, economic views.

Переход к рыночному типу экономики, смена общественно-экономических и социально-культурных норм, трансформация общественного сознания повлекли за собой изменения во всех структурах общества – в частности, на фоне разрушения господствующей идеологии претерпевали сильное изменение, существовавшие в обществе представления людей об экономической сфере, своём поведении и роли в этой сфере. Эти процессы отразились на условиях протекания экономической социализации подрастающего поколения и до сих пор оказывают неоднозначное влияние на формирование у подростков экономических представлений и отношений¹. В нашем исследовании процесса формирования экономических представлений у подростков особое внимание

уделяется проблеме осмысления социального неравенства, которая остается в современной России достаточно актуальной. Присвоение явлению социального неравенства особого статуса в изучении экономической социализации объясняется тем, что представление людей о богатстве и бедности, о собственном материальном положении не только влияет на их повседневное экономическое поведение, но и затрагивает всю систему макроэкономических отношений.

Ещё до перехода к рыночному типу экономики общество нуждалось в подобных исследованиях, но в нашей стране их не проводили, в отличие от других стран, где изучение данной проблемы продолжается уже несколько десятилетий. В большинстве зарубежных исследований детских экономических представлений более или менее детально описывается последовательность их развития в сопоставлении с теорией когнитивного развития Ж. Пиаже. Согласно этому подходу, ребенок проходит через квазиуниверсальный набор качественно разных стадий социоэкономического понимания, двигаясь от понятий простых и конкретных к сложным и абстрактным. Однако Л. Ферби в своем исследовании развития детских понятий о личной собственности обнаружил, что подростки оправдывают неравенство скорее индивидуальными различиями, нежели социально-структурными или политическими факторами. Из этого он делает вывод, что в оправдание неравенства функционалистическая социализация вносит настолько значительный вклад, что он перевешивает формальные операции, которые отметил Пиаже². Тем самым устанавливается связь с социально-конструктивистским подходом к экономической социализации, который основан на том, что детские представления постепенно приводятся в соответствие с доминирующими в обществе. Эти представления усваиваются от родителей, друзей, в школе и из средств массовой информации, а сам процесс социализации направлен на принятие существующего социального порядка. Таким образом, разница в подходах моделей когнитивного развития и социального конструктивизма по отношению к экономической социализации частично снимается: на сложность информации и процессов, доступных для детского понимания, влияют когнитивные и лингвисти-

ческие факторы, а содержание экономических представлений и ценностей формируется доминирующими в культуре и социально разделяемыми системами значений. Собственно исследование восприятия детьми экономических отношений началось в 1950-е гг., и лишь в 1980-е гг. получило существенное развитие. Первоначально почти все работы в данной области выполнялись в русле ранних работ Пиаже. К ним можно отнести исследования, проведенные А. Страусе, К. Данзигером, Р. Саттоном, Г. Фертом, В. Баррисом и др. Основным их результатом явилось выявление стадий развития представлений детей в области экономики.

Наибольший интерес современных отечественных ученых-исследователей сконцентрирован на изучении отношения детей разного возраста к деньгам (Л. Б. Салихова, А. Б. Фенько, Т. В. Бабицкая), исследовании семейного экономического воспитания как фактора экономической социализации (Т. В. Дробышева), формировании экономического мышления школьников (Л. Н. Галкина), влиянии экономического образования на ценностные ориентации личности младшего школьника (А. Л. Журавлёв, Т. В. Дробышева). Представления о социальном неравенстве изучались в рамках исследования психологических детерминант формирования экономической идентичности личности (В. А. Хашченко). По мнению автора, экономические представления являются базовым компонентом экономического сознания личности, образующим субъективную модель экономического благосостояния человека, которая характеризуется единством материальных (атрибуты), финансовых (граница бедности и богатства) и психологических (цели, средства, причины достижения, личные качества) признаков³. Таким образом, экономические представления о социальном неравенстве в работах отечественных психологов затрагивались лишь косвенно и редко выступали как самостоятельный предмет исследований. В связи с этим нам кажется необходимым более глубокое изучение представлений о социальном неравенстве, а также процесса формирования и трансформации структуры данных представлений с учетом возрастных изменений у испытуемых.

Цель исследования заключается в анализе представлений подростков и юношей о социальном неравенстве, в нем приняло участие 230 учащихся из 8–11-х классов средней муниципальной общеобразовательной школы № 4 города Саратова и средней муниципальной общеобразовательной школы № 1 поселка Котово Волгоградской области. Чтобы проследить изменения в ядерной структуре экономических представлений, испытуемые были поделены на три группы: младшие подростки 13–14 лет, подростки 15–16 лет, юноши и девушки 17–18 лет. Выбор данной возрастной группы обусловлен особыми психологическими свойствами этого возраста, которые существенно

определяют как личную жизненную перспективу подростка, так и будущее общества.

Для решения поставленной задачи нами использованы следующие методы и методики: опрос, инструментом которого была разработанная нами анкета, включающая вопросы, касающиеся различных аспектов данного явления, в частности о причинах возникновения и существования социального неравенства в обществе, отношении подростков к категориям богатых и бедных людей; 16-факторный личностный опросник Р. Кеттела; форма С; анкета «Индекс воспитанности школьников» Столяренко.

Анализ результатов исследования позволил проследить изменения, происходящие в структуре представлений подростков о социальном неравенстве, причинах его возникновения и существовании в обществе, а также собственное отношение подростков к данному явлению – например, ряд характеристик, которые, по мнению подростков и юношей, отличают личность богатого и бедного человека. По представлению испытуемых из всех трех групп, основными отличительными чертами личности богатого человека являются высокомерие и жадность. С точки зрения подростков из первой и второй групп, богатому человеку присущи уверенность в себе, привлекательная внешность и злоба. В отличие от младших подростков испытуемые из третьей возрастной группы предполагают, что богатые люди трудолюбивы, умны, образованны, независимы.

Испытуемые из всех возрастных групп отличительными чертами личности бедного человека считают доброту и низкий уровень самооценки, при этом в ядерную структуру представлений подростков из второй группы входят такие качества, как скромность и непривлекательный внешний вид. По представлению молодых людей из третьей группы, бедным людям свойственна, наряду с указанными выше, лень, у подростков из первой и второй возрастных групп подобный ответ отсутствует.

В результате факторного анализа представлений подростков и юношей об особенностях личностных качеств богатых людей мы выделили четыре типа личности: 1) щедрый, расточительный, добрый и уверенный в себе; 2) «простой», трудолюбивый, хорошо образованный, организованный; 3) лидер, внешне привлекательный, добрый; 4) зависимый, алчный, необщительный. Анализ представлений подростков и юношей об особенностях личности бедного человека также позволил выделить четыре типа: 1) злой, зависимый, закрытый, внешне непривлекательный; 2) экономный, скромный, одинокий, необщительный; 3) трудолюбивый, выносливый, открытый, честный; 4) испытывающий страх, зависть, безразличный к окружающим, с низкой самооценкой.

Таким образом, представления об особенностях личности богатых и бедных людей у подростков 13–16 лет и юношей 17–18 лет имеют

значительные различия. В структуре представлений испытуемых юношеского возраста появляются элементы, противоречащие общепринятым представлениям, существовавшим в обществе и до сих пор оказывающим влияние на процесс самоопределения подрастающего поколения в экономической сфере.

Все представления подростков о том, какие возможности предоставляются богатому человеку, сводятся в четыре группы: 1) карьера, и в том числе образование как ее часть; 2) собственный бизнес, обладание дорогими вещами, путешествия; 3) отсутствие нужды, возможность избегать наказаний и помогать другим; 4) семья, счастье и здоровье.

При этом на первом месте у подростков 13–14 лет дорогие вещи, затем свобода и власть, а у испытуемых 15–18 лет на первом месте образование и карьера и только затем обладание дорогими вещами (табл. 1).

Таблица 1

Различия в представлениях подростков и юношей о социальном неравенстве, %

Богатые Особенности личности	Группы		
	1	2	3
Высокомерие	56	45	40
Жадность	39	27	33
Уверенность в себе	19	10	
Привлекательный внешний вид	18	23	
Злоба	15		
Трудолюбие			19
Ум		12	14
Независимость		10	12
Возможности			
Наличие дорогих вещей	25	22	
Свобода	21		21
Власть	21		
Образование	15	29	37
Карьера	15	23	26
Бедные Особенности личности			
Доброта	59	32	40
Низкий уровень самооценки	12	11	22
Скромность	31	22	5
Непривлекательный внешний вид	16	16	
Лень			20
Проблемы			
Неудовлетворение базовых потребностей	73	89	15
Проблемы с жильем	10	10	8
Презрение окружающих	19	13	8
Безработица	13	11	
Невозможность реализации способностей			62

Примечание. Представлены данные, входящие в ядерную структуру представлений; у каждого испытуемого была возможность дать несколько вариантов ответа.

Возраст испытуемых оказывает значительное влияние на формирование экономических представлений: мнение школьников 15–18 лет о том, что большое состояние в первую очередь способствует получению образования и успешной карьере, говорит о влиянии актуального для данного возраста процесса самоопределения в профессиональной сфере. Младшие подростки выделяют свободу, которая возможна, как им кажется, при обладании большим капиталом. Кроме того, для них важен факт владения дорогими вещами, так как это, по их мнению, оказывает влияние на статус обладателя, а такой статус актуален для этой возрастной группы.

Представления подростков о собственности богатого человека можно разбить на три группы: 1) обладание движимым и недвижимым имуществом; 2) карьера, наличие жены или мужа, денег; 3) бизнес и собственное предприятие.

Основными проблемами, с которыми сталкиваются богатые люди, подростки считают конкуренцию, потерю денег и положения (банкротство, кризис), проблемы, связанные с необходимостью незаконно, с помощью денег, что-либо решать (мафия, коррупция), сохранение здоровья.

Основными трудностями, с которыми приходится сталкиваться бедным людям, по представлению подростков и юношей, являются удовлетворение базовых потребностей, проблемы с жильем, презрение окружающих, безработица и невозможность реализовать свои способности. Однако в содержании данных представлений у подростков разного возраста существуют различия: испытуемые из первой и второй возрастных групп основной проблемой бедных людей считают невозможность удовлетворения базовых потребностей, а юноши 17–18 лет на первое место ставят невозможность проявить свои способности.

По представлению подростков и юношей о том, что мешает бедным повысить уровень своего материального благополучия, основными причинами выступили лень, страх, профессия, экономическая обстановка в стране (табл. 2). В отличие от

Таблица 2

Различия в представлениях подростков и юношей о причинах, мешающих повышению уровня материального благополучия, %

Причины	Группы		
	1	2	3
У бедных			
Лень	97	95	
Страх	11	10	25
Профессия			
Экономическая обстановка в стране			37
У испытуемых			
Экономическая обстановка в стране	48	49	52
Высокая конкуренция	43	18	7
Личностные качества	28	37	35

младших подростков, которые считают, что основной причиной, препятствующей повышению материального благополучия, является сам человек, особенности его личности, испытываемые из второй и третьей возрастных групп называют причины внешнего локуса – профессию и экономическую обстановку в стране. Данные результаты интересно сравнить с представлениями подростков о том, что может им помешать повысить уровень своего благосостояния. А в этом случае на первом месте в представлениях испытуемых из первой группы оказывается экономическая обстановка в стране, затем высокая конкуренция и только потом особенности личности. Любопытен тот факт, что подростки 13–14 лет, не указав лень как качество, отличающее личность бедного человека, ставят его на первое место при анализе причин, мешающих повысить уровень материального благосостояния. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что представленная этими подростками причина социального неравенства входит в противоречие с разницей в их отношении к категориям богатых и бедных людей (шкала «отношение к богатым»: $\bar{X} = 4,32$; шкала «отношение к бедным»: $\bar{X} = 4,91$; $t = 2,1$, $p < 0,05$). Другими словами, считая, что причиной положения бедных людей выступают их личностные особенности, а именно лень, младшие подростки относятся к ним значительно лучше, чем к богатым. В то же время у подростков из всех возрастных групп положительное отношение к бедным не предполагает отрицательного отношения к богатым и наоборот, так как между этими показателями существует положительная корреляционная связь ($r = 0,33$, $p < 0,001$).

Таким образом, существующие в обществе противоречивые представления и отношение к социальному неравенству не копируются подростками в процессе экономической социализации в «чистом виде» и не являются продуктом данного процесса. Возможно, воздействуя в совокупности, общественные представления преломляются через большое количество внешних и внутренних факторов, влияющих не только на ход социализации, но и на собственное экономическое поведение подростков.

Представляется интересным дальнейшее изучение формирования у подростков экономических представлений с целью выявления факторов, влияющих на этот процесс, и влияния данных представлений на экономическое поведение подростков и юношей.

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Основными подходами, в рамках которых проводится исследование социального неравенства, являются теория когни-

тивного развития Пиаже и социально-конструктивистский подход Ферби, основанные на том, что в ходе экономической социализации в понимании экономических понятий подростками играет главную роль уровень развития когнитивных структур, а не формирование содержания данных понятий, доминирующие представления в обществе. В отечественных исследованиях экономических представлений изучение социального неравенства осуществлялось косвенно, в контексте исследования экономического сознания, экономической идентичности, усвоения дошкольниками понятий о собственности.

Отсутствие доминирующей идеологии, противоречия в представлениях и отношении общества к социальному неравенству прослеживаются в представлениях подростков о категориях богатых и бедных людей.

Анализ результатов исследования позволил выделить ядерные структуры в представлениях подростков и юношей о различных аспектах социального неравенства, а также изменения, происходящие в данных представлениях в зависимости от возраста подростков. На трансформацию структуры представлений испытуемых оказывают значительное влияние переоценка полученных ранее ценностей и установок, перестройка мотивационной и интеллектуальной сфер. В результате этого изменяется смысл, вкладываемый в экономические понятия, развивается критическое отношение к стереотипам, происходит ориентация на выбор будущего социального положения и способов его достижения.

На формирование экономических представлений значительное влияние оказывает каузальная атрибуция⁴. Например, при анализе причин успеха и неуспеха в экономической сфере подростки чаще используют обстоятельственную атрибуцию в объяснении причин возможного собственного неуспешного экономического поведения и личностную – при объяснении неудач других людей.

Примечания

- ¹ См.: Шамионов Р. М., Тугушева А. Р. Представления о социальной успешности и самоопределении молодежи [Электронный ресурс]. URL: <http://psyedu.ru/2009/3.htm> (дата обращения: 15.02.2011).
- ² Приводится по: Щедрина Е. В. Исследования экономических представлений у детей // *Вопр. психологии*. 1991. № 2. С. 157–164.
- ³ См.: Хащенко В. А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // *Психологический журн*. 2004. Т. 25, №5. С. 32–49.
- ⁴ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2010. 363 с.

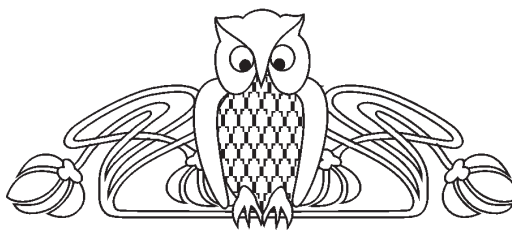

УДК 316.37

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА УНИВЕРСИТЕТА

А. А. Понукалин

Саратовский государственный университет
E-mail: ponukalin@yandex.ru

В статье рассматривается инновационная политика государства, которая должна включать систему мер по стимулированию, управлению, планированию и контролю инновационной деятельности в сфере науки, техники и производства. Представлены принципиальные особенности модели инновационного университета и определены приоритетные направления инновационной политики в вузе.

Ключевые слова: инновационная политика, национальная инновационная система, инновационный человек, стратегия развития, формирование коллектива.

University of Innovative Policies

A. A. Ponukalin

This article discusses an innovative policy of the state, which should include a system of measures to stimulate, control, planning and control of innovation in science, technology and production. Presents the principal features of the model innovative university and priority directions of innovation policy at the university.

Key words: innovation policy, national innovation systems, innovative people development strategy, formation of the team.

Политика в широком смысле определяется как общественная деятельность, в переводе с греческого (politike) это – искусство управления государством¹. В узком смысле традиционно различается, в частности, культурная, социальная, экономическая, научно-техническая и актуальная сегодня инновационная политика как фактор управления инновационной деятельностью (ИД). Показатели масштабов и направленности такой деятельности, её системного характера служат важнейшим индикатором темпа развития общества и его долгосрочных перспектив. Качественно-количественные признаки таких показателей обусловлены сущностью инновационной политики как составляющей государственной социально-экономической политики в целом.

Политика как реализация системы управленческих решений и проектов основывается на адекватной методологии её инновационного развития, принципы которой позволяют построить научную теорию, обосновывающую также и принятую в стране идеологию. Следовательно, политика осуществляется в соответствии с тем, что необходимо объективно, и с тем, что желательно. Соответствующая политика предписывает способ выполнения последовательно связанных действий. Методологические принципы представ-

ляют собой основу определения соответствующей политики и способов ее осуществления².

Государственное управление системными процессами инновационного развития страны предполагает необходимость разработки научных оснований для создания сферы управления жизнедеятельностью государства на уровне политических решений и их реализации. В современных российских условиях управление инновационными процессами со стороны государства должно осуществляться не только в экономической, но также и в технологической, культурной, национальной, военной, социальной и других сферах, что обеспечит их системное развитие. Однако научное осмысление и нормативно-правовое обеспечение инновационной политики (ее структуры, принципов и направлений) существенно отстают от потребностей политического регулирования³. Я. И. Никонов утверждает, что и структура, и принципы политики не раскрываются вообще либо в разных публикациях и документах трактуются произвольно. Подмена предмета политики в условиях вялотекущего псевдоинновационного процесса умножает число невостребованных научно-технических разработок.

Как заявила Э. С. Набиуллина, расходы на науку постоянно увеличивали, а расходы на поддержку внедрения новшеств в реальные сектора экономики оставались на очень низком уровне, поэтому, видимо, и нет закона об инновациях, который должен был дать научно обоснованную трактовку инновационной политики⁴. При этом доля предприятий в России, занимающихся технологическими инновациями, составляет всего около 10% и постоянно уменьшается⁵. Существенно важно, что инновационная политика промышленно развитых стран выступает в качестве специфического элемента системы государственного регулирования при всем многообразии форм и приемов стимулирования инновационной деятельности со стороны государственных органов. Инновационная политика государства должна включать систему мер по стимулированию, управлению, планированию и контролю инновационной деятельности в сфере науки, техники и производства.

Речь идёт о совокупности правовых, политических, экономических, социальных, информационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами

государственной власти её субъектов и органами местного самоуправления для реализации целей и принципов в области инновационного развития. При этом имеются в виду цели обеспечения долгосрочного устойчивого развития государства, формирование экономики знаний в нашей стране, развитие и эффективное использование инновационного потенциала, а также материальных и финансовых ресурсов, направляемых на создание наукоемких технологий, товаров (работ, услуг), выпуск наукоемкой конкурентоспособной продукции. Достижение этих целей связывается с возможностью построения инновационного общества. Минэкономразвития разработало проект стратегии инновационного развития РФ до 2020 г. «Инновационная Россия», в котором сформулированы ключевые задачи, в частности наращивания человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций⁶. Предполагается адаптация всех ступеней системы образования в целях формирования у населения с детства необходимых для инновационного общества и инновационной экономики знаний, компетенций, навыков и моделей поведения. Инновационному обществу нужен «инновационный человек», способный в полной мере использовать достижения науки и техники и ориентированный на создание инноваций и внедрение их во все сферы общественной жизни.

Государство берёт на себя обязанность создавать условия для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности. Формирование компетенций «инновационного человека» как субъекта всех инновационных преобразований представляет ключевую задачу инновационного развития, сопоставимую, как отмечается в «Стратегии», по важности и масштабности с суммой всех остальных. При этом «инновационный человек» – не синоним «инновационного предпринимателя», поскольку предпринимательством во всех странах готово и может заниматься меньшинство населения. В представлении разработчиков «Стратегии» «инновационный человек» – более широкая категория, означающая, что каждый гражданин должен стать адаптивным к постоянным изменениям – в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий – активным инициатором и производителем этих изменений. В процессе построения инновационного общества каждый гражданин должен будет играть свою роль в сообществе в соответствии со своими склонностями, интересами и потенциалом.

Ключевые качества (как объекты формирования) представляются следующим образом: каждый, обладая критическим мышлением, способен и готов к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремлению к новому. Должны быть развиты способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать

самостоятельно и готовность к работе в команде в высококонкурентной среде. Предполагается, что необходимо широкое владение иностранными языками как коммуникационным инструментом эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке.

В связи с ускорением в современных условиях процессов технологического развития, что меняет и отраслевую структуру экономики, полученные знания обесцениваются вскоре после их получения. Это обстоятельство резко повышает ценность компетенций по быстрому анализу, критическому осмыслению больших объемов новой информации, компетенций по «переключению» человека с одного вида деятельности на другой. Чтобы быть успешным, ему нужно быть готовым к смене нескольких профессий и видов деятельности в течение жизни.

В документе отмечается, что для успешного решения задач по формированию компетенций «инновационного человека» требуется модернизация реализуемой государством политики в области образования по ряду ключевых направлений. Одна из важнейших задач в сфере образования – формирование широко конкурентоспособных преподавателей, исследователей и управленцев. При этом выше образование в перспективе должно быть интегрировано с научной деятельностью. Наращивание всех этих качеств как компетенций возможно в рамках решения научно-практических задач социальной и педагогической психологии.

Департамент стратегического развития Минобрнауки России предложил для обсуждения проект «Концепция развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах», направленный на подготовку кадров с новыми компетенциями и формирование мощного источника инновационных идей и технологий⁷. В этой концепции декларируется необходимость развития сети инновационных прикладных исследовательских организаций, преимущественно междисциплинарного профиля, способных на новом качественном уровне обеспечить формирование компетенций и трансфер знаний между промышленными корпорациями, научно-производственными объединениями и академической наукой. Вузы должны за короткое время нарастить компетенции и исследовательские мощности, обеспечивающие им позицию:

- ведущих площадок для аутсорсинга исследовательских работ компаний реального сектора экономики;
- генератора прикладных идей и разработок;
- ключевых площадок для развития инновационного предпринимательства;
- источников наиболее качественной и авторитетной экспертизы прикладных научных и технологических решений для компаний и органов государственного управления.

Благодаря новому качеству подготовки специалистов они должны быть востребованными предприятиями – лидерами модернизации, ориентированными на работу с технологиями завтрашнего дня. Решение таких задач предполагает необходимость осуществления соответствующей инновационной политики в вузе. В рассматриваемом документе предлагается модель глобального исследовательского университета (global research university), особенности которой позволяют университетам играть значительную роль в производстве новых знаний, в их распространении и использовании через инновационную деятельность. Принципиальные особенности этой модели определяют приоритетные направления инновационной политики в вузе. Наиболее существенные из них – превращение университетов в центры коммуникации бизнеса, общества, государства по вопросам научного и технологического прогнозирования, обмена передовыми знаниями, решения глобальных проблем; формирование инновационных производств и организация инновационных предприятий; исследование технологических рынков; полидисциплинарность исследований и разработок; тесное сотрудничество с реальным сектором экономики в поиске заказов на прикладные разработки и в поиске фундаментальной тематики; реальное включение большинства преподавателей в исследовательскую и инновационную деятельность, которая рассматривается как приоритетная по отношению к преподавательской работе; активное использование студентов, прежде всего магистрантов, в качестве «рабочей силы» для исследований и разработок; освоение студентами базовых компетенций исследовательской и инновационной деятельности через их включение в соответствующие практики.

Движение российской высшей школы к модели глобального исследовательского университета проявляется в формировании сети национальных исследовательских университетов и в создании стимулов для развития инновационной и исследовательской деятельности во всех российских вузах (прежде всего технических). Инновационная политика вуза должна ориентировать его на организацию работы по развитию исследовательской и инновационной деятельности в рамках решения стратегической задачи – создания инновационной системы.

Такую систему в вузе необходимо проектировать на основе региональной инновационной политики в рамках рассмотренных выше стратегических разработок федерального уровня. Как отмечается в проекте «Концепции», следует ориентироваться прежде всего на формирование системы стимулов для инновационной деятельности⁸. Это означает, что управление процессом мотивообразования является психологической задачей, успешность которой будет зависеть от выбора принципов инновационной политики в

вузе и от наличия её компетентных разработчиков и исполнителей.

Рассматриваемый документ также предполагает, что в структуре вузов должны создаваться группы, которые непосредственно занимаются исследованиями в области технологического развития, научно-технического прогнозирования, являются ресурсными центрами для предприятий и организаций отраслей экономики, осуществляют консалтинговую и информационно-аналитическую деятельность. Отсюда следует, что другой важнейшей задачей становится социально-психологическая задача формирования таких групп на уровне коллективов, если необходимо добиться высокой эффективности их деятельности. Сложность задачи состоит в том, что подобные коллективы включают специалистов и исполнителей самого разного уровня и профиля, поэтому решать её могут только специалисты в области организационной психологии и с этого начинается реализация инновационной политики в вузе.

Организация и развитие инновационных групп – это формирование и развитие инновационного сознания их членов. Содержание такого сознания представляет собой не решённую на сегодня проблему социальной психологии. Важно иметь в виду, что существует множество факторов, оказывающих влияние на групповое сознание, однако оно наиболее устойчиво в коллективе. Формирование коллектива – это результат социопсихологического управления, но управление – это и формирование личности исполнителя как члена коллектива. Процесс формирования коллектива представляется развитием межличностных отношений в социальной группе, а следовательно, и развитием каждого. Управление развитием как социальным процессом становится наиболее успешным и в решении производственных задач.

Для решения этих проблем коллектива необходимо обозначить цели для мобилизации его потенциальных членов, поскольку она возможна только в целеустремлённой системе. Одна из главных целей – создать общественную атмосферу социально-психологической ценности инновационной деятельности, субъект которой служит образцом для подражания и ориентиром в выборе гражданской позиции в процессе становления личности, образования и профессионализации. Общественная атмосфера возникает как результат управления развитием массового инновационного сознания в организации (вузе) и её подразделениях. В такой атмосфере необходимо создавать условия для самореализации инновационной личности. В конечном счёте социально-психологическое управление как реализация инновационной политики в вузе решает задачу формирования психологии инноваторов.

Направленность инновационной политики вуза на формирование творческих коллективов предполагает использование определённых досто-

инств этого уровня развития социальных групп, и они должны стать объектами социально-психологического управления. Следует иметь в виду, что коллектив – это группа, которую объединяет социально-значимая цель на основе идейной общности, консолидирующих группу отношений товарищества, взаимопомощи, сотрудничества. Коллектив занимается общественно-полезной деятельностью, что необходимо осознавать каждому его члену и строит ее на базе общественной собственности. В нём проявляются идеологические, политические, социальные, экономические основания данной общности людей в ее конкретно-исторической сущности. Коллективный результат всегда выше, чем сумма индивидуальных результатов, и он приносит члену коллектива большее удовлетворение, чем то, которое он мог бы получить в индивидуальной работе.

Здесь также формируются чувство общественного долга и отношение зависимой ответственности – каждого перед коллективом и коллектива за каждого. Забота всех о каждом порождает чувство собственного достоинства, защищенности и уверенности в завтрашнем дне, перспективы, отсутствие которой приводит к глубоким психическим расстройствам и необратимым процессам личностной деградации. Таким образом, коллектив служит надежной психологической защитой от разрушающего воздействия на психику человека. Функционально-личностное значение коллектива – вовлечение человека в эффективную общественно-полезную деятельность, привлечение к политической жизни общества, управлению им, формирование социально ценных личностных качеств, воспитание высших психических функций.

Коллектив как социальная система является основной средой и сферой самоактуализации, приложения сил и способностей, реализации интересов и удовлетворения идеальных потребностей социализированной личности. Через него общество как бы предлагает человеку добиваться определенных целей соответствующими средствами, вознаграждая за это общественным признанием, которое необходимо для самоудовлетворения в процессе самореализации и социальном взаимодействии, что служит условием сохранения психического здоровья.

В коллективе реализуются нравственные основания данной общности людей, ее конкретно-исторической сущности. Его объединяет социально значимая цель, сопряженная не только с идеологическими основаниями бытия (смыслом и образом жизни, представлением о жизненном пути), но и с нравственными установками. Взаимодействие и сфера общения в коллективе охватывают область профессионально-производственную, социально-экономическую, общественно-политическую, культурно-историческую, социально-личностную, морально-нравственную. По отношению к личности коллектив выступает

в качестве социального института, отражающего нормы, принятые в данном обществе. Они представлены в коллективных нормах, обуславливающих цели и средства, которые выбираются членом коллектива.

Активное участие в различных социальных процессах позволяет человеку полнее осознавать объективную необходимость складывающихся взаимосвязей, понимать ее значение для себя лично и общества в целом. На этой основе формируется важнейшее условие существования коллектива – чувство «Мы». Успехи коллектива становятся предметом личной гордости, критерием социальной идентификации, и его достижения приобретают глубоко личностный смысл. Образуется специфический настрой личности, регулирующая сила которого зависит от сплоченности коллектива – степени единства и защищенности.

Социально-психологический анализ характеристик трудового коллектива позволяет выделить конкретные объекты управления их развитием в формальных группах, создаваемых для реализации принципов инновационной политики в университете в качестве творческих объединений – элементов вузовской инновационной системы. Целесообразно ставить задачу создания на этой основе профильных команд, способных продуктивно осуществлять инновационную деятельность в соответствии со стратегией развития университета, ориентированной на положения государственной инновационной политики, представленные в «Концепции – 2020» и стратегии «Инновационная Россия – 2020». Решение такой задачи предполагает определенную реорганизацию системы управления университетом в рамках проекта «Концепция развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах», разработанную департаментом стратегического развития Минобрнауки России.

Примечания

- 1 См.: Краткий словарь иностранных слов. М., 1950. С. 282.
- 2 См.: Лисин Б. К. Кадровая политика как фактор модернизации // Инновации. 2009. № 12. С. 21–23.
- 3 См.: Никонов Я. И. Инновационная политика как основа системной модернизации экономики России [Электронный ресурс]. URL: http://innclub.info/wp-content/uploads/2011/03/Никонова_236_конк кач_0.doc (дата обращения: 20.06.2011).
- 4 См.: Тезисы выступления министра экономического развития Российской Федерации Э. С. Набиуллиной «Модернизация, инновации и региональные аспекты» (Москва, 9 ноября 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc1257790789898> (дата обращения: 15.04.2011).
- 5 См.: Лисин Б. К. Указ. соч.
- 6 См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период

до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp2008№1662red08.08.2009> (дата обращения: 07.04.2011).

- 7 См.: Концепция развития исследовательской и инновационной деятельности в российских вузах / Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/dok/akt/7762/> (дата обращения: 10.03.2011).
- 8 Там же.

УДК 159.923.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЭТАЛОН ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. В. Рягузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

В статье осуществлена теоретическая рефлексия русских поговорок и пословиц о дружбе и дружеских отношениях. Утверждается, что с их помощью транслируются социокультурные коды и смыслы. Показано, что пословицы и поговорки, представляя собой афористически сжатые высказывания, манифестируют образно-эмоциональный контент и отражают национально-специфический контекст понятия «друг», который детерминируется культурными и социально-психологическими факторами, обеспечивающими разные способы категоризации. Обосновывается, что социокультурные коды интерперсональных отношений доступны декодированию в конкретном возрасте при определенном уровне личностной зрелости.

Ключевые слова: социальная психология, межличностные отношения, дружба, социокультурный эталон, субъективные представления.

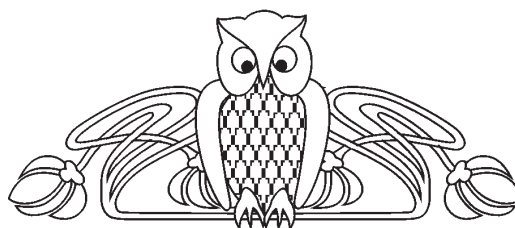
Sociocultural Standard Interpersonal Relationship

E. V. Ryaguzova

The paper reports outcomes of a theoretical reflection of Russian proverbs and sayings about friendship and friendly relations. The paper alleges that by means of them sociocultural codes and meanings are transmitted. It is shown that proverbs, representing aphoristically short speech, imagery and manifest emotional content, and reflect national-specific context the term «friend», which is determined by cultural and socio-psychological factors, which provide different ways of categorizing. It is substantiated that the sociocultural codes interpersonal relations are available decoding in a particular age at a certain level of personal maturity.

Key words: social psychology, interpersonal relationships, friendship, the social and cultural standard, subjective representations.

Жизнь современного человека в условиях глобализационных и интеграционных вызовов и рисков сопряжена как с очевидными позитивными изменениями, так и с явными негативными трансформациями в различных сферах его жизнедеятельности. С одной стороны, мир унифицируется, объединяясь в тотальную федерацию одинаковых и похожих друг на друга сущностей, возрастает мобильность, стираются видимые и невидимые границы и барьеры, однако, с другой стороны, люди лишаются самобытности и уникальности,

остро встает проблема отчужденности в повседневном мире, связанная с изолированностью, одиночеством и коммуникативными рисками. Соответственно, можно говорить об антропологическом кризисе утраты человеком ценности своего бытия, связанном с диффузией идентичности, невозможностью обнаружения и понимания другого содержания, его различия и ассимиляции в собственном опыте, сфокусированностью на поиске способа выражения единичного, акцентированием внимания на инаковости, конструированием новой модели идентичности. В современном мире изменяются ценностные основания со-бытия с Другим, межличностные отношения все больше характеризуются неустойчивостью, формализованностью, функциональной направленностью и отсутствием глубины. В связи с этим актуальным становится исследование феноменологии интерсубъективного взаимодействия Я и Другого, где в качестве Другого может выступать любой объект внешней или внутренней активности личности (персонифицированный или обезличенный другой человек, воображаемый или представляемый Другой, Другой в культуре), а в ходе взаимодействия и взаимного проникновения Я и объектов активности данная связь эволюционирует во все более сложные отношения «Я (Другое) – Другое (Я)» и «Я (Другое в Я) – Я (Я в Другом)»¹.

Целью данной статьи является сравнительный анализ социокультурных кодов и смыслов интерперсональных отношений (в частности, дружеских), зафиксированных в пословицах и поговорках и транслируемых с их помощью социальным агентам, и смыслов, реконструированных из обыденных представлений о дружбе.

Известно, что человек существует в мире наряду с другими субъектами и объектами, со-бытийствует с ними. Соответственно, его бытие не может быть понято как автономное существование – нельзя абстрагироваться от того факта, что субъект разделяет бытие с другими людьми, вступая с ними в те или иные социальные отношения. Другой всегда рядом, при этом со-бытийствование

необязательно предполагает совместное присутствие в режиме «здесь и теперь», более того – присутствие экзистенциально определено со-бытием и тогда, когда другой человек фактически отсутствует и не воспринимается субъектом. Другой выступает носителем бытийных смыслов, мерой человечности людей, артикулирует иное видение мира, способствует гармоничному развитию личности, обуславливает социальный порядок и обеспечивает динамические процессы в группе и обществе. Другой является носителем культурных смыслов и общечеловеческих ценностей, выступая как совокупность правил и норм, позволяющих входить в символический порядок культуры и получать право на пользование ее символами.

Другой/Другие позиционируются не только как онтологическая данность, но и как гносеологическая и аксиологическая заданность. В со-бытии человек не просто открывает и приближает к себе мир, он познает его и Других, постигает себя, усваивает и присваивает нормы, ценности и конвенции общества, в котором живет, выстраивает совместное интерперсональное пространство, где Другой необходим для того, чтобы познать и осмыслить все структуры бытия. Другой является равным партнером по конструированию интересубъективного пространства. Субъект позиционирует Другого как собеседника и формирует совместную общность – Мы: Я имеет отношение к Ты не только непосредственно в момент коммуникации, но и в формате культуры, предполагая субъект-субъектную интеракцию, в которой нет четкой дифференциации на активного субъекта с доминантной функцией наблюдения и познания и пассивного объекта, за которым наблюдают и которого познают. В процессе коммуникации происходит взаимный обмен духовной активностью между равноправными субъектами, готовыми конструировать совместное пространство. Нам импонирует точка зрения Т. В. Черниковой о том, что в структуре общения, помимо традиционных сторон общения – коммуникативной, интерактивной и перцептивной, необходимо выделять четвертый интегративный компонент – креативность. Его назначение состоит в преобразовании внутреннего мира самой личности, а его содержанием является выработка решений, дающих возможность себе и Другому устанавливать и поддерживать конструктивные формы связи с окружением и своим внутренним миром².

Мы присоединяемся к мнению Е. Б. Старовойтенко о том, что в действительных взаимоотношениях с Другими, в совместном духовном и предметно преобразующем действии у человека развивается личное отношение к миру, благодаря которому он может отделять себя как «внутреннее» от своего внешнего бытия, соотносить себя с миром, приобретать в нем свою качественную определенность и занимать собственную позицию, т. е. становится человеком самоопределяющимся. Отношения как фактор самоопределения

обуславливают траекторию индивидуальной жизни и развиваются в форме «жизненных» отношений (познавательных, нравственных, эстетических). Через диалог (внешний и внутренний) с Другими происходит открытие Я, постижение собственной суверенности, свободы и действительности в мире, осознание своих действий и поступков, рефлексия причин и следствий и в целом развитие сознания как обобщенного бытийного отношения индивида. Е. Б. Старовойтенко пишет: «Познание и рациональная регуляция жизни в качестве “моей”, “мною определяемой”, “меры моей свободы и ответственности” превращает индивидуальную жизнь в рефлексивный процесс, развивается в рефлексивное отношение»³. Рефлексивные отношения в совокупности с действительными, практическими формируются как «со-отношения». Они имеют общественные происхождение, источники развития, содержание и способы объективации. Их общественная суть определяет и одновременно определяется свойством индивида быть личностью. Приобретая устойчивое личностное содержание в форме отношений, индивид упорядочивает свою жизнь, укрепляется в ней, придает индивидуально бытию соответствие общественному эталону. Отношения индивида образуют качественную структуру его личности и воспроизводят константные характеристики социальных связей, в которые он жизненно вовлечен. Важным для нас является утверждение Е. Б. Старовойтенко о том, что общественное не проецируется на индивидуальное, а соотносится индивидом со своей личной позицией, представленной в качестве «моего отношения к окружению». Отношения индивида, формирующие в нем личность, принадлежащие ей, индивидуально выражающие и проявляющие ее сущность, выступают «личностными отношениями» и одновременно «отношениями индивидуальности»⁴.

Только в диалоге с Другим субъект обретает истинное бытие и осознает собственную индивидуальность. Другой оказывается необходимым для существования, самопознания и самопонимания Я, открывая новые возможности, альтернативные модели мышления, недоступные индивидуальному субъекту.

Интерсубъективный мир конституируется как мир слов, значений и символов, он вербально артикулируется, в нем оформляется нарративная идентичность и порождаются смыслы. Выражаясь и закрепляясь в языке, смысл проявляется через диалектическую связь означающего и означаемого. В своей имманентной форме смысл выступает в виде идеального образования, существуя как в общественном, так и в личном сознании. В то же время отчужденная, опредмеченная и интерсубъективная форма смысла содержится в языковых выражениях (например, пословицах), которые можно рассматривать как культурные смысловые матрицы. Можно согласиться с мне-

нием А. С. Кравца о том, что смысл рождается в мыслительной деятельности человека дважды: один раз в процессе смыслопорождения, а второй – в результате процесса смысловосстановления⁵. Для того чтобы понять смысл, его необходимо декодировать и тем самым снова превратить в некое идеальное образование, т. е. смысл может реконструироваться и субъективироваться в сознании интерпретирующего, рефлексивного и понимающего человека. Безусловно, прав был В. Франкл, утверждая, что смысл уникален и специфичен, так как должен быть найден и осуществлен только самим человеком, но при этом онтологические смыслы социально конструируются и лично обозначаются в контексте отношений с другими людьми⁶.

Следовательно, человек существует не только в объективном природном и социальном мире, но и в интерсубъективном мире смыслов, созданных задолго до его рождения и осваиваемых в процессе жизни. Смысловое пространство представляется как набор общих для Я и Другого фиксированных значений и правил смыслообразования. В смысловом поле либо принимается позиция Другого, либо признается невозможность концептуализации встречи с Другим. Другой является носителем другого мира смыслов, однако во время встречи Я и Другого возможно возникновение некоего общего смысла на основе своеобразного смыслового резонанса. Общий смысл выступает посредником, способствует контакту и находится между Я и Другим, но не ведет от Я к Другому. Общий смысл – это граница, место соприкосновения, контакта разных субъективностей, позволяющее соприкоснуться с Другим, для которого этот смысл предстает, возможно, совершенно иначе.

Каждая группа «Я – Другой» имеет свое смысловое поле, развитие которого требует от Я перехода на многообразие позиций Другого и вызывает необходимость отграничиться от них. Происходит сопоставление смыслового поля Я либо по сходству – через идентификацию с Другим (например, в дружеских отношениях), – либо по отличию, что в любом случае ведет к формированию субъекта как уникальной личности. В смысловом поле «Я – Другой» Я конструируется через Другого в противопоставлении себя и Другого. Результатом усвоения смысла является достижение солидарного социального бытия (Э. Дюркгейм).

На первом этапе исследования нами было проанализировано около 400 русских пословиц и поговорок, связанных с межличностными отношениями, в частности с дружбой. Известно, что пословицы и поговорки отражают процесс развития культуры, фиксируют особенности национального самосознания и менталитета, хранят знания о системе обычаев, традиций, правил и конвенций, выработанных в рамках той или иной культуры. Проведенный анализ позволяет вы-

делить следующие блоки, описывающие разные контексты дружбы:

обстоятельный контекст, связанный с определенными условиями функционирования и взаимодействия субъектов дружеских отношений: «Друг познается в беде», «Горе на двоих – полгоря, радость на двоих – две радости», «Друг горя имеет право быть другом могущества», «Друг до поры – тот же недруг», «При пире, при бражке – все дружки, при горе-кручине – все ушли», «Есть пирожок, есть и дружок», «При доброй године и кумовья побратимы»;

временной контекст, отражающий темпоральный характер дружбы: «Сердечный друг не родится вдруг», «Старый друг лучше новых двух», «Надо пуд соли вместе съесть, чтобы друга узнать», «Хороший друг всегда приходит вовремя»; **контекст субъектности**, акцентирующий внимание на активности, действительности, ответственности каждого человека, его творческой сущности, направленной на преобразование собственного жизненного пути: «На друга надейся, а сам не плошай», «Друга ищи, а нашел – береги», «Дружба поддерживается ногами», «Кто скуп да жаден, тот в дружбе неладен»;

контекст солидарности, подчеркивающий единство и взаимовыручку друзей, силу и сплоченность их дружеских связей, фасилитацию совместных интенций и действий: «Все за одного, один за всех», «Друг за друга держаться – ничего не бояться», «Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют», «Веника не сломишь, а по прутуку весь переломаешь», «У одного с трудом, у двух со смехом»;

контекст жертвенности, обусловленный готовностью действовать в ущерб собственным интересам ради интересов друга и связанный с разного рода рисками: «Для милого дружка и сережку из ушка», «Больше той любви не бывает, как друг за друга умирает», «Сам погибай, а товарища выручай», «Друга иметь – себя не жалеть», «Для доброго друга не жаль ни хлеба, ни досуга»;

контекст доверия и верности, касающийся презумпции доверия как основы взаимодействия с другом и как условия стабильных и согласованных действий: «Друг верен, во всем измерен», «Недоверие убивает дружбу», «Крепкую дружбу и топором не разрубишь», «Без друга, который потерян, плохо, но плохо и с другом, который неверен», «Лучше друг верный, чем камень драгоценный»;

контекст заботы и помощи, обеспечивающий поддержку и принятие со стороны Другого, а также укрепляющий самоценность самого субъекта: «Дружба заботой и помощью крепка», «Веревка крепка с повивкой, а человек – с помощью», «Где двое работают, там и песня слышна», «За добрым другом – как за каменной стеной», «Есть дружок – есть и заступничек»;

контекст искренности, имеющий отношение к бескорыстию и правдивости дружеских отношений, подразумевающих взаимное оценива-

ние, но без осуждения и обесценивания: «Правду говорить – друга не нажить», «Дружба крепка не лестью, а правдой и честью», «Друг спорит, а враг поддакивает», «Лжец – всегда неверный друг, оболжет тебя вокруг», «Без хорошего друга не узнаешь своих ошибок»;

контекст тождества и зеркальности, обусловленный переносом, проекцией, удвоением собственного образа, способствующим эффективному взаимопониманию, а также объективации своего Я и самопониманию: «Два друга – мороз да вьюга», «Рыбак рыбака видит издалека»; «Всякий выбирает себе друга по своему нраву», «С кем хлеб-соль водишь, на того и походишь»;

функциональный контекст, позволяющий рассматривать дружбу как средство для достижения некой цели, ориентированной на выгоду и прагматичность: «Дружба дружбой, а служба службой», «Дружба дружбой, а табачок врозь»; «Друга не теряй – займы не давай», «Честная плата – верная дружба», «Счет дружбе не помеха», «На службе нет дружбы».

ценностный контекст, задающий и определяющий смысловые координаты пространства дружбы: «Без друга в жизни туга», «Верному другу цены нет», «Дерево живет корнями, а человек – друзьями», «Друг – ценный клад, недругу никто не рад», «Дружба и братство дороже богатства», «Без друзей да без связи – что без мази: скрипит, не гладко, ехать гадко».

На основании полученных результатов можно констатировать, что пословицы и поговорки, обладая коммуникативной самодостаточностью, кодируют в самых разных конфигурациях культурно значимые смыслы дружбы, транслируют их, а также формируют устойчивые представления, морально-этические эталоны дружеских отношений и стереотипные паттерны поведения. Представляя собой афористически сжатые высказывания, они манифестируют образно-эмоциональный контент и отражают национально-специфический контекст понятия «друг», который детерминируется культурными и социально-психологическими факторами, обеспечивающими разные способы категоризации.

Помимо указанных факторов детерминантami представлений о дружбе выступают возрастные и личностные особенности, а также специфика биографической и социальной ситуации развития. В связи с этим на втором этапе было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось конструирование смыслового пространства дружбы на основе обыденных представлений о ней современных подростков. Подростковый возраст был выбран неслучайно, именно в это время развитие связано с самопознанием, которое определяется не только осознанием себя, формированием Я-концепции и конструированием смыслов своего существования, но и рефлексией Другого, друга. В этом случае самопознание обусловлено возникновением особого характера связей,

складывающихся между людьми, – ценностных, дружеских отношений, ядром которых является доверие, проявляющееся в уверенности, надежности, безопасности и предполагающее наличие одновременного восприятия себя и Другого как ценности и как субъекта. Дружба между людьми представляет собой источник самопознания, предполагающий «выход за пределы эгоистического состояния самоудовлетворенности. Друг – это носитель особого, значимого отношения к другому человеку – отношения самопознания»⁷.

В исследовании приняло участие 133 подростка, представляющих три возрастные подгруппы: ученики 5-х классов – 37 человек, учащиеся 8–9-х классов в количестве 64 человек и 32 ученика из 10–11-х классов. Одной из методик исследования, результаты которой будут обсуждаться в рамках данной статьи, был рефлексивный самоотчет «Я и мой друг», опирающийся на качественную феноменологическую методологию и предназначенный для описания опыта intersубъективного взаимодействия Я и Другого. Получаемые с помощью этой методики субъективные вербальные репрезентации выступают ключевыми маркерами intersубъективного пространства субъектов, в наибольшей степени отражающими аутентичность и достоверность психической реальности человека. Речь становится средством структурирования intersубъективного опыта. Более того, принимая во внимание дескриптивные отчеты испытуемых, можно фокусироваться на индивидуальной части языка и отрефлексированных смыслах, актуализированных самими испытуемыми, подчеркивая и признавая тем самым, что каждый человек является не только субъектом своей жизни, ее единственным автором и ответственным актором, но и взыскательным экспертом собственного жизненного проекта.

Анализ полученных вербальных представлений подростков о друге позволяет выявить определенные закономерности. Основными функциональными характеристиками друга для подростков из всех возрастных подгрупп являются: обеспечение психологической безопасности через помогающие и поддерживающие практики («не бросает в трудную минуту», «никогда не подводит», «выручает и помогает», «дает списать контрольную работу»); конструирование коммуникативного пространства на основе доверия («предан и откровенен», «не предаст», «доверяет тебе свои секреты», «честен с тобой»); согласованность интересов («единомышленник», «имеет с тобой общие темы и интересы», «может весело проводить со мной время») и высокий уровень принятия со стороны партнера по общению («принимает таким какой я есть», «выслушивает без замечаний и наставлений», «любит», «всегда понимает», «дружит со мной просто так», «уважает тебя и радуется твоим успехам», «знает и понимает меня лучше всех»). Все определения друга содержат характеристики,

имеющие значение не только для идентификации друга, но и для персонификации самого субъекта.

Характеризуя лучшего друга, подросток выстраивает некий возможный, вероятностный образ лучшего Друга, дающий ему уверенность в том, что при определенных обстоятельствах близкий друг будет вести себя именно так, а не иначе («не боится сказать тебе правду в лицо», «по жизни идет с тобой рядом», «окажет любую помощь, и бескорыстно», «может пожертвовать многим для меня»).

Анализ ответов младших и старших подростков указывает на определенную специфику в дефинициях Друга и рефлексии дружбы. Если для первых преобладающим является действенный аспект дружбы, основанный на взаимовыручке и касающийся оказания помощи в различных ситуациях («Дружба – это почти самое главное; без нее нельзя прожить; люди тогда во всем помогают друг другу и не предают»), то для вторых фокус значимости перемещается в когнитивную и аффективную плоскости и связывается с пониманием, сопереживанием, эмпатией («Дружба – это доверие между людьми; взаимопонимание между людьми; терпение друг к другу; люди связаны между собой какими-то особыми чувствами»). Возрастает роль межличностной избирательности (старшие школьники отмечают эксклюзивность фигуры друга), актуальной становится потребность в интимно-личностном общении, а также отмечается трансформация ценностно-смысловой сферы подростков – происходит переориентация с инструментальных ценностей (взаимопомощь) на экспрессивные ценности (понимание), что, безусловно, связано с развитием самосознания и рефлексией Я.

Сравнительный анализ ментальных представлений о дружбе, сформированных в культуре, и

вербальных репрезентаций современных подростков о друге и дружеских интеракциях позволяет констатировать наличие неосвоенных контекстов дружеских отношений у подростков – временного, функционального, контекста субъектности, солидарности, тождества и зеркальности. Таким образом, смысловое поле пословиц и поговорок полисемично и многозначно, в них содержатся и транслируются социокультурные коды, которые доступны декодированию в конкретном возрасте и при определенном уровне личностной зрелости.

Примечания

- 1 См.: Старовойтенко Е. Б. Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии. 2010. № 1. С. 157–173.
- 2 См.: Черникова Т. В. Психолого-педагогические основания профессионального развития специалистов образования и социальной работы : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 51 с.
- 3 Старовойтенко Е. Б. Модели жизненных отношений личности в контексте онтопсихологии С. Л. Рубинштейна // Философия России второй половины XX века: С. Л. Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой. М., 2009. С. 353.
- 4 См.: Старовойтенко Е. Б. Модель персонологии в парадигме «жизни».
- 5 См.: Кравец А. С. Теория смысла Ж. Делёза: pro и contra // Логос. 2005. № 4. С. 227–258.
- 6 См.: Лэнгле А. Виктор Франкл: портрет. М., 2011. С. 190.
- 7 Аникина В. Г. «Другой» как рефлексивная позиция в самопознании человека // Личность и бытие: субъектный подход : материалы науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. М., 2008. С. 234.

УДК 316(073.3)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НОВАТОРСТВЕ И СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ

А. Ю. Смирнова

Саратовский государственный университет
E-mail: aspira-smirnova@mail.ru

В статье приведены данные эмпирического исследования организационной культуры образовательного учреждения, проанализированы возможности трансформации организационной культуры в контексте модернизации системы высшего образования, обсуждены проблемы ее диагностики. Обосновано предположение о зависимости субъективной интерпретации текущего состояния организационной культуры, организационного развития и представлений о новаторстве, стратегии организации и др. **Ключевые слова:** организационная культура, диагностика организационной культуры, формирование организационной культуры образовательного учреждения, организационное развитие.

Organizational Culture of Educational Establishment in a Context of Representations about Innovation and Development Strategy

A. Yu. Smirnova

In article the data of empirical research of organizational culture of college are cited. An opportunities of transformation of organizational culture of college in a context of modernization of educational system are analyzed. The problems of diagnostics of organizational culture of college are discussed. The assumption of dependence of subjective

interpretation of organizational culture's current condition and organizational development strategy and representations of innovation strategy of the organization is proved.

Key words: organizational culture, diagnostics of organizational culture, formation of organizational culture of college, organizational development.

Организационная культура – сложный социально-психологический феномен, изучение которого имеет высокую практическую ценность. Организационная культура и степень ее соответствия требованиям внешней конкурентной среды являются фактором, обеспечивающим стабильное развитие и процветание организации¹. Взаимосвязь экономической эффективности хозяйствующего субъекта и его организационной культуры в настоящее время является аксиоматичной и признается всеми авторами. Междисциплинарная интеграция и объединение теоретических подходов и методов различных наук – экономики, психологии, менеджмента – позволили создать определенный пласт организационно-культурных исследований. Эмпирическим базисом указанных исследований выступают хозяйствующие субъекты различных организационно-правовых форм и отраслевой принадлежности, однако образовательные учреждения в данном аспекте практически не изучены.

Выполненный нами теоретический анализ свидетельствует, что, несмотря на относительно широкую представленность работ, посвященных организационно-культурной тематике, организационная культура образовательных учреждений, ее роль в образовательном процессе изучены недостаточно. Следует отметить немногочисленные выполненные в педагогике работы организационно-культурной тематики: рассмотрена организационная культура образовательного учреждения как фактор повышения эффективности управления образовательным процессом², формирования профессионального менталитета педагога³, изучены особенности организационной культуры библиотек⁴. Вместе с тем особенности формирования организационной культуры, культурные детерминанты организационного развития изучены недостаточно, методы и методики, предназначенные для диагностики организационной культуры образовательного учреждения, не разработаны. Наиболее распространенным инструментом для такой диагностики в настоящее время является анкета К. Камерона и Р. Куинна.

Изучение организационной культуры предполагает учет культурного, экономического и политического контекстов ее формирования⁵. Наша система образования переходит на не свойственные ей прежде формы обучения, которые предполагают формирование у учащихся не только знаний, но и практических умений, навыков, а это, в свою очередь, требует особого подхода к организации и реализации учебного процесса. Если принять во внимание ключевые функции организационной культуры – адаптации

к внешней среде и внутренней интеграции, – становится очевидным, что с изменением внешней среды и появлением новых требований должна измениться и система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой в ходе адаптации и интеграции, т. е. сама культура⁶. В то же время организационная культура – это динамическая система, апеллирующая к глубоко укорененным ценностям и убеждениям, которые считают важными и организация в целом, и ее отдельные работники⁷. Более того, организационная культура детерминируется этическими смыслами субъектов организационного взаимодействия⁸.

Вопросы о том, насколько эффективна культура образовательного учреждения в новых социально-экономических условиях и какой должна быть культура образовательного учреждения для обеспечения его продуктивности, экономической эффективности в новых условиях, можно ли экстраполировать модели эффективной культуры, созданные в рамках других общественно-политических традиций, на отечественные образовательные учреждения, еще не нашли научного решения. Изменение культуры организации возможно «только в форме поддержания определенных тенденций, присущих культуре, а не директивными методами»⁹. В связи с этим выявление рациональных и иррациональных тенденций культуры образовательного учреждения в новых социально-экономических условиях является высокоэвристичной научной задачей, имеющей большую практическую ценность. Реализуемая реформа системы образования также делает актуальной тему культурных детерминант организационного развития, возможностей трансформации организационной культуры образовательного учреждения в контексте модернизации системы высшего образования.

Другой важный фактор изменения организационной культуры образовательного учреждения – увеличение практико-ориентированных и инновационных проектов и предприятий, создаваемых учебными учреждениями, взаимовлияние и изменение культуры образовательного учреждения и коммерческих предприятий-партнеров, число которых вузы вынуждены увеличивать для обеспечения своей коммерческой эффективности.

Нами была предпринята попытка поиска путей решения указанных проблемных вопросов. Цели выполненного эмпирического исследования: определение возможностей применения методики К. Камерона и Р. Куинна для диагностики организационной культуры образовательного учреждения, определение ее оптимального типа и стратегии развития, влияния субъективных представлений респондентов на интерпретацию ими организационной культуры и выбор оптимальной стратегии развития. Методы исследования: социально-психологическая анкета, интервью, наблюдение, опрос. Эмпирическим базисом нашего исследования стало образовательное учреждение

высшего профессионального образования. Респонденты – руководители среднего звена, кандидаты и доктора наук разных специальностей.

Рассмотрим результаты оценки текущего состояния культуры организации (таблица). Культура образовательного учреждения, с точки зрения респондентов, в большей степени тяготеет к бюрократическому типу (32%), «рыночной» ее назвали 25%, «клановой» – 21%, «адхократической» – 20%. Бюрократическая культура доминирует в четырех из шести аспектов культуры, выделенных К. Камероном и Р. Куинном (характеристики организации, лидер организации, управление наемными работниками, связующая сущность организации, стратегический акцент, критерии успеха). Адхократические элементы культуры организации, напротив, стабильно менее выражены.

Таким образом, образовательное учреждение – очень формализованная и структурированная организация, деятельность которой полностью регламентируется различными процедурами. В качестве ключевого показателя компетентности руководителя часто выделяется способность мыслить рационально, организовать и координировать работу. Стратегии организаций с культурой такого типа, как правило, направлены на обеспечение стабильности. «Управление наемными работниками» – самая «бюрократизированная» составляющая в культуре организации.

Отлична от общей оценки элементов «связующая сущность организации», в которой доминируют бюрократия и адхократия, и «стратегический акцент», где адхократия на первом месте, а на втором – бюрократия. Критерии успеха являются рыночно-адхократическими.

Культурная согласованность, предполагающая, что ценности и нормы, действующие в организации, распространяются на все сферы ее активности, согласно концепции К. Камерона и Р. Куинна коррелирует с высокой эффективностью организации. Несогласованность является причиной проблемных состояний в организационном взаимодействии. В анализируемой нами организации имеет место выраженная несогласованность стратегического акцента, критериев успеха и общей оценки культуры организации, что потенциально может являться источником неэффективности действующего лидерства и подхода к управлению наемными работниками.

Управление наемными работниками является тем аспектом культуры, в котором наиболее выражена бюрократическая составляющая. Кроме того, имеет место конкуренция (так как вторая составляющая – «рынок»). Рациональным направлением стратегии развития культуры организации, согласно мнению респондентов, является увеличение клановой и адхократической составляющих. Особенно значительно увеличение клановой составляющей в категории «связующая сущность организации», т. е. в области ценностей, которые

объединяют людей. Второе место в данной категории занимает адхократия: отмечается важность значительного снижения бюрократической составляющей. Клановая составляющая культуры поставлена работниками на первое место во всех категориях, за исключением «стратегического акцента», где она поставлена на второе место после «рынка». Адхократическая составляющая на втором месте во всех категориях. Рыночная составляющая не получила однозначной трактовки. «Бюрократия» поставлена на четвертую позицию в четырех из шести категорий, за исключением «управления наемными работниками» и «связующей сущности организации». Таким образом, представление об изменениях, которые должны произойти в культуре образовательных учреждений для их эффективного функционирования в ближайшие пять лет, отличается большей согласованностью и, по мнению респондентов, заключается в повышении клановой и адхократической составляющих и значительном снижении бюрократической.

Сопоставляя полученные эмпирические результаты с существующими типологическими концепциями организационной культуры, в частности Ч. Хэнди, выделяющего типы культуры организаций на основании параметра «обладание властью», можно заключить следующее: основанием для обладания властью в образовательных учреждениях является коммуникативная компетентность. Это, на наш взгляд, лишь частично характеризует организационную культуру крупных образовательных учреждений, поскольку существует развитая система нормативных документов, которые жестко регламентируют выполнение должностных обязанностей лицом, избранным на определенную должность; кроме того, наряду с выборными должностями существует большое количество тех, на которые сотрудники назначаются решением руководителя.

На основании указанных параметров культуру крупного образовательного учреждения следует отнести к бюрократическому типу, т. е. полученные с помощью методики Р. Куинна и К. Камерона данные можно считать валидными и типичными для крупных образовательных учреждений. Вместе с тем следует отметить, что формулирование оценочных утверждений в методике вызывает большое количество уточняющих вопросов при заполнении бланков респондентами: методика нуждается в адаптации для ее применения в образовательной среде.

К. Камерон и Р. Куинн полагают, что «эффективность учреждений высшего образования была наивысшей в организациях, которые делали акцент на новаторстве и готовности к изменениям (адхократия), оставаясь в то же время стабильными и контролируруемыми (иерархия)»¹⁰. Полученные нами результаты свидетельствуют об оптимальности увеличения клановой и адхократической составляющих. Указанное различие в

понимании оптимального профиля культуры образовательного учреждения, возможно, обусловлено особенностями внешней социокультурной среды и требует дальнейшего изучения.

На втором этапе анализа данные были объединены нами в группы согласно сходству свойственных респондентам представлений: о важности новаторства в профессиональной деятельности

или сохранения традиций, об ответственности или потребности в контроле подчиненных им людей, а также ключевой направленности стратегии развития образовательного учреждения на сохранение кадрового состава и заботу о работниках, достижение максимального финансового результата или внедрение инновационных технологий, рост и развитие (таблица).

Оценка текущего состояния культуры и целесообразной стратегии развития (по методике К. Камерона и Р. Куинна), %

Тип культуры	Групповые оценки (%)															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Клан	21	40	18	44	15,4	34	28,2	42	23,6	43,6	19	38,3	21,8	39	19,1	42,2
Адхократия	20	25	16	22,6	16	24,6	26,2	27,3	19,5	24,3	21	25,2	19,3	24	20,4	24,2
Рынок	25	17	27	17,3	30	23,5	25,2	16,3	23,6	15,4	26,6	21,1	23,8	17	25,5	18,6
Бюрократия	32	16	37	16,4	38	18,3	31,7	14,2	32,6	17,2	32,3	15,8	30	16	34,7	15

Примечание. Оценки групп: 1 – общая текущего состояния культуры всеми респондентами; 2 – общая целесообразной стратегии развития всеми респондентами; 3 – текущего состояния культуры ориентированными на внедрение инноваций, рост и развитие; 4 – целесообразной стратегии развития ориентированными на внедрение инноваций, рост и развитие; 5 – текущего состояния культуры ориентированными на достижение финансово результата; 6 – целесообразной стратегии развития ориентированными на достижение финансового результата; 7 – текущего состояния культуры ориентированными на сохранение кадрового состава; 8 – целесообразной стратегии развития культуры ориентированными на сохранение кадрового состава; 9 – текущего состояния культуры ориентированными на сохранение традиций; 10 – целесообразной стратегии развития культуры ориентированными на сохранение традиций; 11 – текущего состояния культуры ориентированными на новаторство; 12 – целесообразной стратегии развития ориентированными на новаторство; 13 – текущего состояния культуры респондентами с позитивным представлением о подчиненных и свойственной работникам ответственности; 14 – целесообразной стратегии развития респондентами с позитивным представлением о подчиненных и свойственной работникам ответственности; 15 – текущего состояния культуры респондентами с представлением о потребности подчиненных в контроле; 16 – целесообразной стратегии развития респондентами с представлением о потребности подчиненных в контроле.

Получены значимые по критерию Фишера различия в интерпретации культуры организации указанными группами. Так, выраженность адхократической составляющей на момент опроса оценивается как более высокая в группе, ориентированной на сохранение кадрового потенциала, чем в той, которая ориентирована на инновации ($\phi = 2,875$); текущая оценка бюрократической составляющей в группе, ориентированной на инновации, значительно выше, чем общая оценка этого параметра ($\phi = 5,306$), оценка важности увеличения клановой составляющей в группе, ориентированной на инновации, выше, чем общая оценка по группам ($\phi = 2,67$).

Таким образом, интерпретация организационной культуры на момент опроса и оценка целесообразной стратегии развития варьируются в зависимости от свойственных респондентам представлений.

Интерпретация происходящего (по отношению к объективно существующему) имеет приоритет, поскольку сотрудники организации сами являются создателями ее социальной реальности

и действуют на основании свойственных им представлений¹¹. Культура – это «процесс создания реальности, которая позволяет людям видеть и понимать события, действия, ситуации определенным образом и придавать смысл и значения своему собственному поведению»¹². Организационная культура – результат восприятия и понимания работниками организации окружения (социального и материального), свойственных ценностей и норм, форм общения и других протекающих в организации процессов¹³. В теории социальных представлений С. Московичи формируемые под воздействием определенного социального опыта представления, в свою очередь, регулируют последующее поведение их носителей, способствуя непрерывности процесса воспроизведения культуры¹⁴. Свойственные работникам социальные представления составляют образ организации, который играет регулятивную роль.

Как показало выполненное нами эмпирическое исследование, свойственные работникам социальные представления оказывают значимое воздействие на понимание культуры организации

и ее оценку на момент опроса, а также на определение целесообразной стратегии развития. Таким образом, при отсутствии достаточного числа организационно-культурных исследований в образовательной сфере управление организационной культурой образовательных учреждений полностью основывается на субъективной интерпретации работников, планирующих организационное развитие, и то, какая стратегия развития будет избрана, во многом зависит от свойственных им представлений и не подкреплено достаточным теоретическим базисом – нет достаточного числа методик диагностики организационной культуры образовательного учреждения, не выявлен его оптимальный с точки зрения экономической эффективности тип культуры. Таким образом, в условиях модернизации системы высшего образования изучение организационной культуры образовательного учреждения является научной задачей, требующей скорейшего решения.

Примечания

- 1 См.: *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб., 2001. 320 с.
- 2 См.: *Ахмадова Ю. А.* Организационная культура библиотеки: современное состояние и развитие : на примере Национальной библиотеки Чеченской Республики : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2007. 22 с.
- 3 См.: *Данилова Л. А.* Организационная структура комплексного образовательного учреждения как фактор повышения эффективности управления образовательным процессом : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2005. 206 с.
- 4 См.: *Зайцев А. Б.* Организационная культура как фактор формирования профессионального менталитета учителя : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 166 с. ; *Сабина Т. Б.* Организационная культура как фактор развития персонала библиотеки : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2002. 318 с.
- 5 См.: *Аксеновская Л. Н.* Ордерная концепция организационной культуры: вопросы методологии. Саратов, 2005. 348 с.
- 6 См.: *Шейн Э.* Организационная культура и лидерство. СПб., 2007. 330 с.
- 7 См.: *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002. 414 с.
- 8 См.: *Аксеновская Л. Н.* Указ. соч.
- 9 Там же.
- 10 См.: *Камерон К., Куинн Р.* Указ. соч. С.120.
- 11 См.: *Андреева Г. М.* Психология социального познания : учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд. М., 2000. 288 с.
- 12 См.: *Базаров Т. Ю.* Управление персоналом : учеб. пособие. М., 2002. С. 11.
- 13 См.: *Липатов С. А.* Социально-психологическая диагностика организационной культуры : дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 208 с.
- 14 См.: *Московичи С.* Социальная психология. СПб., 2007. 592 с.

УДК 159.9:316.6

УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРИРОВАННОСТИ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЭМИГРАНТОВ

С. В. Фролова

Саратовский государственный университет
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена изучению уровня этнической интегрированности образной сферы личности потенциальных эмигрантов. Образная сфера понимается как социокультурно детерминированная многомерная динамическая система вторичных психических образов, способная осуществлять в жизни человека интегрирующую/дифференцирующую функцию с реальной этносферой. Автором вводится коэффициент этнической интегрированности образной сферы (I_e), который устанавливается путем вычисления отношения фиксируемого числа положительно значимо пережитых этнически согласованных элементов образной сферы человека к числу этнодифференцирующих образных элементов.

Ключевые слова: эмиграционные намерения, образная сфера личности, регулирующая функция образа, этноинтегрирующая функция, коэффициент этнической интегрированности образной сферы.

Level of Ethnic Integration of Image Sphere of Potential Immigrant Personality

S. V. Frolova

The article focuses on a level of ethnic integration of an image sphere of a potential immigrant personality. The concept of an «image sphere» is interpreted as a determinate multidimensional dynamic system of secondary psychic images and as a system that can fulfill integrating/differentiating function with/from an actual ethnosphere. The author introduces a coefficient of ethnic integration of an image sphere (I_e), the coefficient being determined by calculating the ratio of an observed number of positively and significantly experienced ethnically coordinated elements of an image sphere of a person to a number of ethnodifferentiating image elements.

Key words: immigration intentions, personal image sphere, regulating function of an image, ethnointegrating function, coefficient of ethnic integration of an image sphere.

Современная социокультурная ситуация характеризуется рядом таких глобальных изменений, как поликультурность, смешение различных по направленности и содержанию потоков информации, «этнокультурная мозаичность»¹, утрата традиционных ценностей, социальная амнезия² и общая тенденция стремительно ускоряющихся изменений³. Такие макросоциальные процессы сказываются на внутренней психической организации человека и приводят к возникновению новых способов адаптации и переживания жизни, одним из которых является эмиграция, имеющая огромное значение как на уровне отдельной личности, так и в масштабе государства⁴. С точки зрения прогноза и регулирования в целом полидетерминированных эмиграционных процессов наибольший интерес представляет изучение психологических механизмов становления эмиграционных намерений в ситуации глобальных социокультурных изменений, которые еще не находятся в центре внимания научного сообщества.

Процесс эмиграции подразделяется на несколько этапов, первым из которых является становление эмиграционного намерения, его психологическое изучение остается белым пятном проблемного поля эмиграции. Эмиграционное намерение – осознанно принятое решение уехать за пределы своей страны – относится к намерениям общего вида, представляя собой жизненно важный замысел, действительно определяющий направление и содержание дальнейшего развития жизненных событий, иначе говоря, сознательное построение жизненной стратегии через эмиграцию.

Исходя из уже сложившегося в психологии понимания сущности намерения, учитывая полидетерминированность явления **свободной эмиграции** в условиях поликультурности и руководствуясь методологическим принципом системности, **эмиграционное намерение** можно понимать как возникающее в процессе психического развития новое функциональное образование аффективных и интеллектуальных компонентов, побуждающее и направляющее поведение и деятельность человека на *изменение своей жизненной ситуации, включая ее социальные, природные, культурные, этнические аспекты*.

Ключевой проблемой нашего исследования становится поиск такого теоретико-методологического подхода, который объяснял бы психологические механизмы построения эмиграционных намерений с учетом этнокультурной мозаичности современного мира. Происходящие социальные и этнокультурные изменения не могут не отражаться на внутреннем мире современного человека, его переживаниях, оставляя свой след в психике в форме вторичных образов, организующихся в целостную многомерную, многоуровневую

динамическую подсистему психики – образную сферу, выполняющую специфические функции регулирования, программирования, отражения внешней реальности и внутреннего мира личности в соответствии с актуальной жизненной ситуацией⁵.

Эмиграционное намерение, являясь волевым актом, конструирующим будущую социально-психологическую реальность, неразрывно связано с воображаемым образом эмиграции, источником для которого могут явиться привлекательные экранные образы, социальные представления, восприятие различных аспектов жизни в других странах. Такой образ обобщает иную культурную, природную, социальную и другую реальность, которая описывается в этнофункциональном психологическом подходе как образ «этносреда»⁶. Действие субъективно привлекательного обобщенного образа иной, чуждой этносреды приобретает разобщающее, отчуждающее для личности значение по отношению к своей родной этносреде, т. е. осуществляет этнодифференцирующую функцию⁷.

Построение обобщенного этнодифференцирующего образа является результатом качественно-количественного преобразования системы образной сферы человека в процессе отражения и образного запечатления различных по своей этнической функции (этноинтегрирующей или этнодифференцирующей) аспектов поликультурного и этнокультурно мозаичного мира. При этом важным внутренне опосредующим фактором запечатления и последующего регулирующего влияния вторичных образов, выполняющих этническую функцию, является их эмоционально значимое переживание субъектом⁸. Именно эмоционально значимо пережитые образы приводят к открытию и постижению новых субъективных значений воспринятых субъектом явлений и формируют ядерные структуры образной сферы личности, обуславливая ее жизненную направленность, планы и стратегии.

Эмиграционное намерение может обуславливаться значимыми переживаниями этнодифференцирующих образов. В современной этнокультурно мозаичной среде образная сфера личности, являясь во многом отражением внешней реальности, сама может рассматриваться как этнокультурно мозаичная. В содержании образной сферы современного человека обязательно присутствуют как этноинтегрирующие, так и этнодифференцирующие образы. Учитывая это, можно говорить не о этноинтегрированной или этнодифференцированной образной сфере, а о степени ее этноинтегрированности или этнодифференцированности, выявляемой путем определения соотношения значимо пережитых этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов.

Для определения степени этнической интегрированности образной сферы личности

необходимо ввести показатель – коэффициент этнической интегрированности образной сферы (I_e), который устанавливается путем вычисления отношения фиксируемого числа положительно значимо пережитых этнически согласованных элементов образной сферы человека (i_{c+}) к числу этнодифференцирующих элементов образной сферы (i_d):

$$I_e = \frac{i_{c+}}{i_d}, \quad \text{где } i_d = i_n + i_{c-}.$$

Этнодифференцирующие элементы образной сферы личности включают в себя положительно значимо пережитые этнически рассогласованные образы (i_n) и отрицательно значимо пережитые этнически согласованные образы (i_{c-}).

Можно предположить, что в возникновении эмиграционного намерения существенную роль играет преобладание в образной сфере значимо положительно пережитых образов культуры, природы, социальных особенностей жизни в другой стране, что выступает дифференцирующим фактором, разобщая человека с этносредой его рождения и проживания, усиливая риск социально-психологической дезадаптации и создавая условия для возникновения эмиграционного намерения.

Целью данного исследования является изучение уровня этнической интегрированности образной сферы личности потенциальных эмигрантов. В качестве основной гипотезы выступило предположение о том, что возникновение эмиграционных намерений связано с низкой этнической интегрированностью образной сферы личности. Методологическим основанием явились системный подход к изучению человека Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова⁹, синтез методологии индивидуализма и методов, имеющих социологическое происхождение, акцентированный в социальной психологии П. Н. Шихиревым¹⁰, субъектный подход А. В. Брушлинского¹¹, синтез феноменологически-герменевтического и экспериментального подходов в социальной психологии, значение которого анализировались С. Л. Рубинштейном, П. Н. Шихиревым и др. Теоретическим фундаментом послужили психология вторичного образа Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова и концепция образной сферы личности А. А. Гостева¹², концепция значащих переживаний Ф. В. Бассина, динамическая психология К. Левина и теория деятельности А. Н. Леонтьева¹³, психологическая теория отношений личности В. Н. Мясищева¹⁴, этнофункциональный подход к психическому развитию и адаптации личности А. В. Сухарева¹⁵.

Для проверки выдвинутой гипотезы применялся следующий психологический инструментарий: психологический анкетный опрос, направленный на выявление эмиграционных намерений; модифицированный метод структурированного психологического этнофункциональ-

ного интервью А. В. Сухарева; психологический анкетный опрос с использованием субъективной шкалы оценок, направленный на изучение степени этнической интегрированности образной сферы личности; цветовой тест отношений А. М. Эткинды¹⁶. В исследовании приняло участие 452 человека в возрасте от 20 до 25 лет (из них 131 юноша и 321 девушка) – студенты провинциальных и столичных вузов, обучающиеся по специальностям «психология», «история», «математика», «сервис и туризм», «культурология». Обработка данных осуществлялась методом математико-статистического анализа с использованием специализированной компьютерной программы SPSS.

Все исследуемые были распределены по трем группам: 1-я – желающие постоянно жить и работать за рубежом; 2-я – желающие постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом; 3-я – желающие постоянно жить и работать в России. Наименьшей по численности оказалась третья группа (20%). Намерение временно эмигрировать выразило 45% респондентов, а уехать безвозвратно – 35%. С помощью статистически-математической обработки данных удалось установить, что не существует ни гендерных, ни региональных различий в отношении к эмиграции.

Для изучения степени этноинтегрированности образной сферы применялся психологический анкетный опрос с использованием субъективной шкалы оценок (от –10 до +10 баллов). Испытуемым предлагалось представить образы различных аспектов жизни в своей стране и за рубежом и оценить привлекательность и силу значимости этих образов с помощью субъективной шкалы оценок. Для определения показателя значимо пережитых этноинтегрированных образов подсчитывалось количество фиксируемых образов родной страны, оцененных +5–10 и выше баллами. Показатель этнодифференцированности образной сферы выявлялся путем суммирования фиксируемого числа положительно значимо пережитых образов зарубежья (оцененных субъективно +5 и более баллами) и числа негативно пережитых образов родной страны (с отрицательными оценками). С помощью устанавливаемых показателей вычислялся коэффициент этноинтегрированности образной сферы.

Сравнение средних значений по показателям функционирования образной сферы позволило выявить достоверные различия между потенциальными эмигрантами и теми молодыми людьми, которые хотели бы строить свою жизнь в пределах своей страны. Коэффициент этнической интегрированности образной сферы личности наибольшее значение принимает у молодых людей без эмиграционных намерений ($I_e = 1,75$), а наименьшее – у лиц с намерением эмигрировать безвозвратно ($I_e = 0,53$; $p \leq 0,0$) (рис.1).

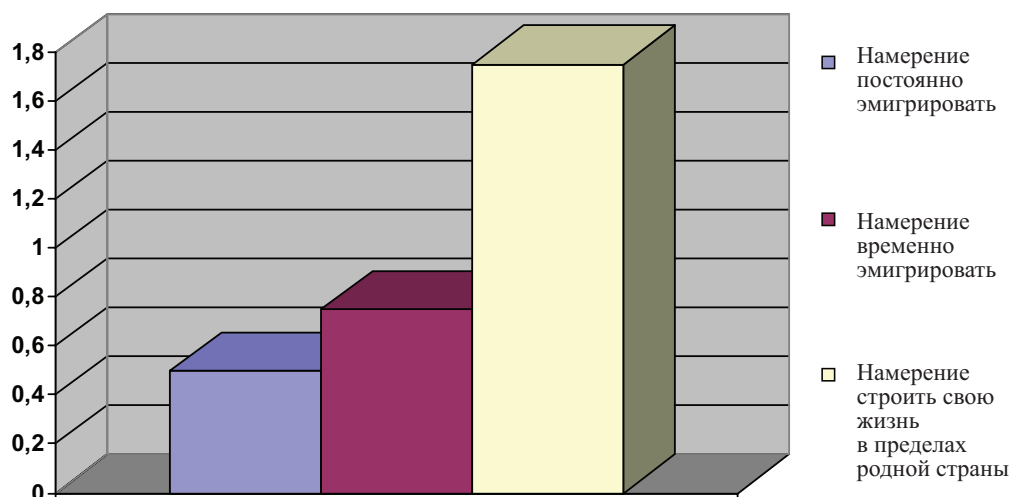

Рис. 1. Уровень этнической интегрированности образной сферы

Образная сфера личности потенциальных эмигрантов представлена наибольшим числом положительно значимо пережитых этнически несогласованных образов и негативно значимо пережитых этнически согласованных образов ($p \leq 0,0$); наименьшей привлекательностью обобщенного образа России ($p \leq 0,0$) и наиболее выраженным негативным эмоциональным отношением к нему ($p \leq 0,0$); высокой субъективной значимостью образа нравственно-психологической атмосферы за рубежом ($p \leq 0,0$); низкой субъективной значимостью образа развития российской науки ($p \leq 0,0$) и образа климатических условий в России ($p \leq 0,0$). Низкая этническая интегрированность образной сферы потенциальных эмигрантов проявляет себя в спонтанных этнодифференцированных образах-ассоциациях, возникающих в ответ на стимульный материал проективного теста Г. Роршаха ($p \leq 0,0$).

Актуальной этнодифференцированности образной сферы потенциальных эмигрантов чаще предшествуют положительно значимо пережитые в детстве этнодифференцирующие образы ($p \leq 0,0$), в первую очередь этнодифференцирующие сказочно-мифологические образы (восприятие которых субъективно относится к возрасту до 5 лет) ($p \leq 0,0$), и этнодифференцирующие образы детских игр и игрушек ($p \leq 0,0$).

Возникновение эмиграционного намерения связано с дефицитом значащего переживания сказочно-мифологических образов родной культуры. Народные сказки по своему характеру архетипичны и содержательно интегрированы с культурным опытом народа. Эмиграционному намерению в юности чаще предшествовала идентификация в детстве с героями зарубежных авторских сказок, не имеющих преемственности и связи с историей и культурой своего народа и более открытых для этнически несогласованного содержания. Раннее включение человека в родную культуру, усвоение присущих ей традиций, мировоззрения и мироощущения способствует оптимальной степени этнокультурной идентичности.

Характеризуя образную сферу лиц с намерением временно эмигрировать, можно отметить ее качественное сходство с образной сферой лиц, желающих эмигрировать безвозвратно, но с меньшей выраженностью ее этнодифференцированности (коэффициент этнической интегрированности образной сферы лиц с намерением временно эмигрировать $I_e = 0,75$; $p \leq 0,003$).

Результаты факторного анализа позволили выявить фактор, который назвали «эмиграционной направленностью»; на него влияет ряд компонентов, мера влияния отражена в расстоянии между ними (см. рис. 2).

Основная гипотеза нашего исследования подтвердилась. Эмиграционные намерения связаны с низкой этнической интегрированностью образной сферы личности, которая представлена наибольшим числом положительно значимо пережитых этнодифференцирующих и негативно значимо пережитых этноинтегрирующих образов, наименьшей привлекательностью обобщенного образа России и наиболее выраженным негативным эмоциональным отношением к нему.

Этнодифференцированности образной сферы потенциальных эмигрантов в настоящем предшествовали положительно значимо пережитые этнодифференцирующие образы. Отсутствие или дефицит значимых переживаний сказочно-мифологических образов родной культуры в психическом развитии до 5 лет и предпочтительное использование в детском возрасте этнодифференцирующих образов игр и игрушек предшествуют образованию эмиграционных намерений личности в более позднем возрасте. Образная сфера лиц с намерением временно эмигрировать качественно сходна с образной сферой желающих эмигрировать безвозвратно, но с различиями в количественной выраженности показателей ее этнодифференцирующей функции. Наиболее высокий коэффициент этнической интегрированности образной сферы выявлен у желающих строить свою дальнейшую судьбу в России. Планирующие остаться в родной

Рис. 2. Модель фактора «эмиграционная направленность»

стране в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще вспоминают этноинтегрирующие сказочно-мифологические образы.

Изучение закономерностей образования и механизмов регулирования эмиграционных намерений в современном мире позволяет прогнозировать личностные риски и конструировать социальные практики их предупреждения. Регулированию миграционных процессов могут способствовать новые социально-психологические службы, осознанное избирательное отношение к содержанию создаваемых и транслируемых образов в искусстве, массовых коммуникациях, а также система образования, обращенная в будущее с опорой на прошлое, которая предоставит материал для формирования образной сферы личности и тем самым будет участвовать в построении жизненных перспектив и становлении отношения личности к различным сторонам действительности. Результаты данного научного исследования имеют превентивную значимость при разработке социально-психологических практик управления макросоциальными проблемами перераспределения трудовых и научных ресурсов, а также решения макropsихологических задач формирования наиболее адаптивной и нравственно устойчивой личности современного общества. Важнейшим прикладным аспектом решения данной проблемы является разработка теории и практики профилактики возникновения эмиграционных намерений.

Примечания

¹ См.: *Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопр. социологии.* 1993. № 1. С. 4.

- ² См.: *Курсак В. А.* Переходное общество: наследие, традиции, опыт. М., 1999. 95 с.
- ³ См.: *Тоффлер Э.* Шок будущего : пер. с англ. М., 2002. 557 с.
- ⁴ См.: *Макropsихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлёва, А. В. Юревича.* М., 2009. 352 с.
- ⁵ См.: *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М., 2007. 512 с.
- ⁶ См.: *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008. 576 с.
- ⁷ См.: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. 413 с.
- ⁸ См.: *Бассин Ф. В.* «Значащие» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // *Вопр. психологии.* 1972. № 3. С. 105–124.
- ⁹ См.: *Ломов Б. Ф.* Системность в психологии : избранные психологические тр. / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М. ; Воронеж, 2003. 424 с.
- ¹⁰ См.: *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М., 1998. 345 с.
- ¹¹ См.: *Брушлинский А. В.* Проблема субъекта / отв. ред. проф. В. В. Знаков. М. ; СПб., 2003. 273 с.
- ¹² См.: *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М., 2007. 512 с.
- ¹³ См.: *Левин К.* Динамическая психология : избранные тр. М., 2001. 572 с. ; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004. 352 с.
- ¹⁴ См.: *Мясищев В. Н.* Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. М. ; Воронеж, 2003. 400 с.
- ¹⁵ См.: *Сухарев А. В.* Указ. соч.
- ¹⁶ Приводится по: *Шапарь В. Б., Шапарь О. В.* Практическая психология. Проективные методики. Ростов н/Д, 2006. С. 273–302.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Е. А. Елисеева

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: elena.bright-eliseeva@yandex.ru

В статье обосновывается необходимость формирования готовности студентов к профессиональной самореализации на основе социального партнерства, дается характеристика модели этого процесса и акцентируется внимание на том, что особое место среди слагаемых качества образования отводится социальному партнерству.

Ключевые слова: социальное партнерство, профессиональная самореализация, формирование готовности студентов педагогических вузов к профессиональной самореализации.

E. A. Eliseeva

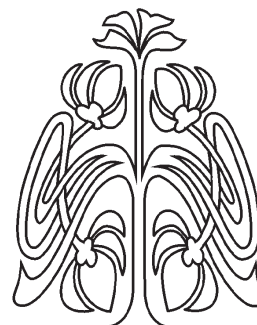
Student Preparedness Formation to Professional Self-Realization Based on the Social Partnership

The article is devoted to the problem of urgent student preparedness formation to professional self-realization based on the social partnership. It is emphasized that the social partnership takes a peculiar place among components of educational quality, there is the characteristics of the model of student preparedness formation to professional self-realization based on the social partnership in pedagogical.

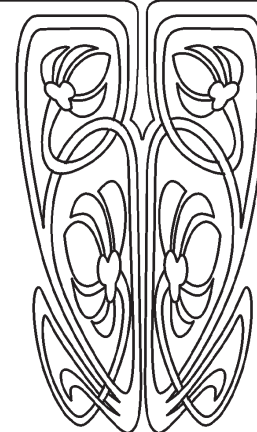
Key words: social partnership, professional self-realization, student preparedness in pedagogical universities to professional self-realization.

Социально-экономические преобразования, происходящие в нашей стране, интеграция России в единое европейское образовательное пространство ориентируют педвузы на качественно новый уровень подготовки специалистов. Согласно проекту концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы одной из приоритетных задач становится приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда. В связи с этим подготовка педагогических кадров все более связывается с усилением роли профессиональной самореализации, созданием и внедрением механизмов социального партнерства. Как отмечают исследователи проблемы, именно профессиональная самореализация неразрывно связана со способностью выпускника педвуза к активной самостоятельной профессиональной деятельности через «распредмечивание» (присвоение) социального опыта, формируемого в этой деятельности. Показателями же результата выступают ответственность личности за собственные решения, критичность оценки своих действий, уровень профессиональной состоятельности¹. Наряду с этим в условиях возрастающей изменчивости социального пространства успех профессиональной самореализации будущих педагогов напрямую связан с возможностью и готовностью к социальному партнерству, которое в самом общем смысле подразумевает:

во-первых, совместную коллективную деятельность различных социальных групп, приводящую к позитивным и разделяемым всеми участниками эффектам (Л. А. Гордон, Э. В. Клопов и др.)²;

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

во-вторых, специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами (К. Г. Кязимов и др.)³;

в-третьих, мировоззренческую основу согласования, защиты интересов различных социальных групп, слоев, классов, их общественных объединений, бизнеса, органов власти (В. А. Михеев и др.)⁴.

Проблема социального партнерства в сфере образования относительно новая, поэтому возникают и новые направления ее изучения: конкретного типа социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателем и трудовым коллективом образовательного учреждения⁵; системы кооперативных внутренних и внешних связей образовательного учреждения⁶; процесса налаживания командного взаимодействия⁷; факта установления договорных, партнерских отношений всех субъектов образовательного пространства⁸; способа согласования противоположных интересов, метода решения проблем и регулирования конфликтов⁹; фактора профессиональной самореализации, создающей возможность продуктивного социального взаимодействия путем согласования целей всех его участников, установления взаимовыгодных диалоговых (полилоговых) отношений за счет определения не только обоюдных интересов, но и точек их несовпадения¹⁰. Последние два направления изучения социального партнерства представляются наиболее интересными в русле нашего исследования, поскольку напрямую выходят на качественную сторону подготовки будущего учителя, акцентируют внимание на процессах «самости», на формировании важнейших профессионально-личностных качеств, таких как конкурентоспособность, предприимчивость, коммуникабельность и др.

Обращение к исследованиям, посвященным проблемам профессиональной самореализации и социального партнерства, позволило уточнить понятие и структуру профессиональной самореализации, рассматриваемую через призму социального партнерства. Мы считаем возможным определить ее как особое профессионально-личностное образование, характеризующееся: наличием мотивационно-ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности (мотивационный компонент); направленностью на раскрытие индивидуальности в профессии с целью успешного продвижения в ней (ориентационный компонент); сформированностью педагогических умений построения конструктивных отношений со всеми участниками образовательного взаимодействия посредством поиска и достижения педагогического консенсуса (операционный компонент), а также рефлексией различных видов социально-педагогической деятельности, общения участников образовательного взаимодействия – социальных партнеров (оценочный компонент). Не вызывает

сомнения тот факт, что сформировать у выпускника педвуза готовность к профессиональной самореализации на основе социального партнерства можно благодаря внедрению в образовательный процесс высшей школы специально сконструированной модели. Изучив научные работы, мы разработали модель, представляющую собой теоретически обоснованный механизм, состоящий из следующих структурно-функциональных компонентов: диагностики, целеполагания, прогнозирования, планирования, коммуникации, практического обеспечения, управления.

Целью экспериментальной части исследования являлась проверка эффективности разработанной педагогической модели. В эксперименте приняло участие 145 студентов (72 человека – контрольная группа, 73 – экспериментальная) 3–5-х курсов и 20 преподавателей факультетов иностранных языков, педагогики, психологии и начального образования, а также русской словесности Педагогического института Саратовского государственного университета. В эксперименте были также задействованы базы практики – коллективы 12 общеобразовательных учреждений города Саратова (№ 49, 75, 72, 77 и др.), учащиеся, их родители. В качестве активных социально-педагогических партнеров выступали педагоги учреждений дополнительного образования, культуры, правоохранительных органов и других ведомств, заинтересованных в социальном партнерстве.

Констатирующий этап эксперимента осуществлялся в период с 2008 по 2009 г. со студентами 3-го курса обучения. На данном этапе апробировалась и внедрялась подготовительная стадия авторской модели, в рамках которой осуществлялось изучение индивидуальных особенностей студентов, характера их взаимодействия друг с другом, с преподавателями, умение работать в команде за счет акцентирования внимания на ценностном отношении к будущей профессиональной деятельности, значимости профессиональной самореализации на основе социального партнерства. Одновременно проводилась работа с преподавателями педвуза, коллективом школ с целью активного включения студентов в период педагогической практики в процесс профессиональной самореализации на основе социального партнерства.

Диагностика исходного уровня сформированности готовности к профессиональной самореализации на основе социального партнерства у студентов экспериментальной и контрольной групп показала соответствие первому – низкому уровню. Так, всего лишь 2% студентов экспериментальной и контрольной групп уверены в собственных силах, нацелены на обязательное достижение успеха в профессиональной деятельности; 25% не хотят работать по специальности; 29% в экспериментальной группе ($\bar{Э}_{гр}$) и 30% в контрольной группе ($\bar{К}_{гр}$) планируют продолжить

обучение, но получить вторую специальность непедагогического профиля; при этом 44% ($\mathcal{E}_{\text{гр}}$) и 43% ($\mathcal{K}_{\text{гр}}$) будущих педагогов, несмотря на свое желание работать по специальности, крайне неуверены в собственной профессиональной успешности в условиях реального социума. В качестве основных причин этого студентами указывались неумение вступать в социальное партнерство, отсутствие опыта профессиональной самореализации при взаимодействии с коллегами, учащимися, родителями, представителями ближайшего образовательного социума.

Дальнейшие диагностические срезы показали, что большинство студентов (64%), имея развитые коммуникативные способности, обладая доброжелательностью и отзывчивостью, тем не менее оказалось не готовым вести дискуссию и находить консенсус в процессе диалога с социальными партнерами по поводу перспектив взаимодействия, сотрудничества, вариантов разрешения конфликтных ситуаций. Кроме того, абсолютное большинство испытуемых в обеих группах (99%) оказалось ориентированным лишь на внешнюю и, как правило, исключительно позитивную оценку со стороны преподавателей вуза, педагогов баз практики, что в реальности ведет к снижению активности студентов в профессиональной самореализации. Развитость профессионально-волевых качеств на констатирующем этапе экспериментальной работы также оказалась крайне низкой – 72% ($\mathcal{E}_{\text{гр}}$) и 72% ($\mathcal{K}_{\text{гр}}$) студентов плохо управляют своими эмоциями при проблемах, возникающих в профессиональной сфере. Из них 44% ($\mathcal{E}_{\text{гр}}$) и 45% ($\mathcal{K}_{\text{гр}}$) не доводят начатое дело до конца, если оно требует значительных волевых усилий. Наконец, анализ рефлексии свидетельствует, что в полной мере она может быть зафиксирована только у 10% ($\mathcal{E}_{\text{гр}}$) и 9% ($\mathcal{K}_{\text{гр}}$); у 42% ($\mathcal{E}_{\text{гр}}$) и 43% ($\mathcal{K}_{\text{гр}}$) и у 48% в обеих группах средний уровень рефлексии соответствовал крайне низким показателям. Таким образом, данные, полученные на констатирующем этапе экспериментальной работы, и в качественном, и в количественном отношении подтвердили несформированность готовности студентов к профессиональной самореализации на основе социального партнерства, что и послужило основанием для перехода к формирующему этапу эксперимента (2009–2010 гг., студенты 4-го курса).

В этот период для студентов экспериментальной группы были разработаны групповые и индивидуальные программы формирования у них готовности к профессиональной самореализации на основе социального партнерства. Каждая из них имела инвариантные части – аудиторную (тематический спецкурс и спецсеминар) и практическую (включение студентов в текущую педагогическую практику). Программа тематического спецкурса обеспечивала усвоение студентами базовых знаний, необходимых для включения в профессиональную самореализацию на основе социального партнерства, а именно знания о сущности

и специфике профессиональной самореализации начинающих педагогов, принципах, стратегии и тактике социального партнерства как эффективной формы взаимодействия с реальными и потенциальными партнерами, наиболее продуктивных формах и методах партнерского взаимодействия с учетом специфики типа образовательного учреждения (дошкольного образовательного учреждения, учреждения дополнительного образования, средней образовательной школы, начального профессионального образования, средне-специального учебного заведения и др.). Спецсеминар проводился параллельно со спецкурсом и включал выполнение студентами различных вариантов заданий, отработку тренировочных упражнений, проигрывание педагогических ситуаций, выполнение и защиту социально-педагогических проектов, касающихся проблематики социума в целом. Материалы спецкурса и спецсеминара, расположенные по логике поэтапного усложнения, позволяли будущим педагогам максимально исследовать свои профессиональные возможности и закладывали основу для формирования опыта социального партнерства.

В период педагогической практики происходила отработка сформированных в аудиторных условиях умений профессиональной самореализации путем непосредственного включения в сферу социального партнерства, реализации ранее разработанных социально-педагогических проектов, активной рефлексии при решении разнообразных, в том числе и потенциально конфликтных ситуаций. Значительное место отводилось включению студентов в социальное партнерство в сфере неформального, внеаудиторного профессионального взаимодействия через разнообразную общественно-значимую деятельность (в рамках общественных молодежных движений и организаций «Наши», «Молодежь +», «Молодая гвардия» и др.), участие в волонтерском движении (в том числе и в рамках сообщества студентов-волонтеров всех вузов Саратова), проведение разнообразных адресных социально значимых акций и дел. Ресурсом формирования готовности выступало включение студентов в сетевое профессиональное сообщество (например, «Соц-образ») как среду уникального и крайне многоаспектного социального партнерства. Этот блок можно рассматривать как инвариант разрабатываемых групповых и индивидуальных программ формирования у студентов готовности к профессиональной самореализации на основе социального партнерства.

На всем протяжении формирующего этапа эксперимента проводился текущий мониторинг уровня сформированности данной готовности, который фиксировал позитивную динамику ее основных показателей. Сейчас эксперимент вступил в свою завершающую стадию, которая позволит закрепить намеченные позитивные сдвиги, внести необходимые коррективы в механизм реализации педагогической модели, обобщить

итоги всей опытно-экспериментальной работы и подготовить научно-методические рекомендации для внедрения авторской модели в широкую образовательную практику.

Примечания

- ¹ См.: *Кириченко А. М.* Профессиональная самореализация учителя в условиях трансформирующего российского общества. Ставрополь, 2005. 165 с.
- ² См.: На пути к социальному партнерству. Развитие социально-трудовых отношений в современной России: от односторонне-командного управления к трехстороннему сотрудничеству : спец. прил. к бюл. «Конституционный вестник» / под общ. ред. Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, И. Г. Шаблинского. М., 1994. 259 с.
- ³ См.: *Кязимов К. Г.* Социальное партнерство. М., 2008. 272 с.

- ⁴ См.: *Михеев В. А.* Основы социального партнерства: теория и политика. М., 2001. 448 с.
- ⁵ См.: Социальная политика / под общ. ред. Н. А. Волгина. М., 2004. 432 с.
- ⁶ См.: *Оборин М. В.* Социальное партнерство учреждений среднего профессионального образования с промышленными предприятиями в подготовке специалистов. Тольятти, 2007. 275 с.
- ⁷ См.: *Ткаченко Е. В.* Социальное партнерство. Профессиональное образование: проблемы, поиски, решения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Матушкин. Челябинск, 2006. С. 3–12.
- ⁸ См.: Социальное партнерство : словарь-справочник. М., 1999. 236 с.
- ⁹ См.: *Шарин В. И.* Социальная помощь. Екатеринбург, 2003. 240 с.
- ¹⁰ См.: *Семигин Г. Ю.* Социальное партнерство в современном мире. М., 1996. 65 с.

УДК 378.147

ТЕХНОЛОГИЯ МОДУЛЬНО-КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Г. Замараев

Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail: aleks-zamaraev@yandex.ru

В статье рассматривается применение технологии модульно-компетентностного обучения как наиболее приемлемой технологии обучения курсантов в системе высшего военно-профессионального образования, её педагогические принципы и составляющие технологии данного обучения.

Ключевые слова: технология обучения, технология модульно-компетентностного обучения, компетенция, модуль.

Technology Module and Competence Training in System of the Higher Military-Vocational Training

A. G. Zamaraev

The article deals in the application of the module and competence training technology as the most comprehensible technology of training of cadets in the system of the higher military training, is pedagogical principles and technologies of the given training.

Key words: technology training, technology module and competence training, competence, module.

Проблемы использования в учебном процессе различных технологий обучения в последние годы выдвигаются на первый план как в практике обучения, так и в научных исследованиях в сфере образования. Из российских педагогов наибольший вклад в разработку проблемы технологии обучения внесли В. П. Беспалько, В. Ф. Долженко, М. В. Кларин, Н. В. Кузьмина, Н. Ф. Маслова, П. И. Образцов, О. П. Околелов, А. Я. Савельев,

В. А. Слостенин, Н. Ф. Талызина, Ю. Г. Татур, В. Ф. Шолохович и др. Из зарубежных исследователей следует отметить в первую очередь Л. Андерсона, Дж. Блока, Б. Блума, Т. Гилберта, Н. Гронлунда, Р. Мейджера. Необходимо также отметить, что в исследованиях по проблемам образования пока не существует общепринятой трактовки этого понятия, причем такое положение характерно как для отечественного научного подхода, так и для зарубежного. Некоторые ученые понимают технологию обучения слишком широко: так, например, американский исследователь Ф. Кумбс включает в это понятие «самые различные методы, материалы, оборудование и систему снабжения – словом, все, что участвует в учебном процессе и способствует работе системы образования»¹. Английские авторы в работе, посвященной проблемам становления и развития технологии обучения, представляют ее как «сложный интегративный процесс, вовлекающий в себя людей, процедуры, идеи, средства и организацию, предназначенный для анализа проблем, выработки рекомендаций, внедрения, оценивания и управления решением проблем, касающихся всех аспектов обучения»².

В отечественных науках об образовании первопроходцем на пути нового осмысления организации процесса обучения и введения в научный и практический обиход понятия «технология

обучения» («педагогическая технология») стал В. П. Беспалько. Еще в 1989 г. он сформировал представление о педагогической технологии как «о систематичном и последовательном воплощении на практике заранее спроектированного учебно-воспитательного процесса», определил педагогическую технологию как «проект определенной педагогической системы, реализуемой на практике», выделил три параметра технологии обучения: целостность представления процесса обучения (включая деятельность обучающегося), целеположенность и обеспечение достижения поставленных целей обучения³.

Следует согласиться с мнением ряда авторов, которые считают, что технология обучения связана с оптимальным построением и реализацией учебного процесса с учетом гарантированного достижения дидактических целей⁴. Это положение, с нашей точки зрения, является основополагающим, так как именно в определении наиболее рациональных способов гарантированного достижения поставленных целей и заключается основной смысл технологизации учебного процесса. Таким образом, технологический подход к обучению предполагает проектирование учебного процесса с целью гарантированного достижения дидактических целей исходя из заданных установок (социального заказа, образовательных ориентиров, целей и содержания обучения).

Технологии обучения реализуют три основные функции: описательную, объяснительную и проектировочную. *Описательная* раскрывает существенные аспекты практической реализации учебного процесса. Пользуясь соответствующим инструментарием, различные специалисты должны дать одинаковое описание этого процесса. *Объяснительная* позволяет выяснить эффективность различных компонентов обучения (например, эффективность различных методов) и определить оптимальные их комбинации. Что касается *проектировочной функции*, то она осуществляется при описании учебного процесса на всех уровнях, включая и педагогическую реализацию.

Данные функции проявляются в различных видах педагогических технологий, к их основным видам относятся: проблемное обучение, концентрированное, модульное, развивающее, дифференцированное, активное (контекстное), игровое, обучение развитию критического мышления, программированное.

Качество подготовки курсантов к будущей профессиональной деятельности находится в прямой зависимости от педагогической технологии, которую мы принимаем для реализации педагогической задачи и достижения поставленных целей. Как построить, организовать, обеспечить технологический процесс обучения, какую выбрать траекторию обучения от исходного уровня обучающегося до достижения определенных целей в установленный период времени, как сформировать мотивацию обучающегося и какие

создать ему условия для учебного процесса – вот составляющие, от которых зависит качество учебного процесса и подготовки специалиста-профессионала и специалиста-личности.

Современный этап модернизации высшего военного профессионального образования характеризуется значительными изменениями, прежде всего в структуре педагогического процесса, в содержании и методике преподавания профессиональных дисциплин, концептуальных подходах к разработке профессиональных программ. Концептуальной основой создания новых профессиональных образовательных программ выступает использование технологии модульно-компетентного обучения, представляющее собой единую систему определения целей, отбора и структурирования содержания учебного материала, организационного и технологического обеспечения подготовки специалиста на основе выделения компетенций, освоение которых происходит посредством модульного построения структуры и содержания профессионального образования. Поэтому в рамках нашего исследования мы предприняли попытку решить комплексную проблему формирования профессиональных компетенций на основе компетентного подхода и модульной технологии.

Технология модульно-компетентного обучения строится на таких принципах, как оптимальность, развитие, управление, информативность, социализация, индивидуализация. Она основана на сочетании целей, средств, форм, методов и приёмов обучения, которые выступают в диалектическом единстве и рационально сочетаются в образовательном процессе. Данная технология позволяет оптимально соединять репродуктивную и поисковую деятельность в аудиторной работе (лекционные и практические занятия), а также в самостоятельной деятельности курсантов при выполнении практических, индивидуальных или командных заданий (проектов).

Рассматривая специфику применения данной технологии при обучении курсантов внутренних войск МВД РФ, мы пришли к выводу, что решением профессиональной задачи является не просто усвоение определённых знаний, а выбор оптимальных методов достижения результата, т. е. приложение определённых действий и понятийного аппарата, соответствующих той или иной профессиональной компетенции.

Формирование профессиональных компетенций на разных уровнях позволяет говорить об использовании типовых задач как начального уровня, необходимого для дальнейшего использования нестандартных и проблемных задач профессиональной направленности. Последние необходимы в процессе обучения в связи с тем, что при их применении создаются условия для оценки, анализа и синтеза различных ситуаций, возникающих в ходе реализации таких задач. Завершающей деятельностью, необходимой для

оценки уровня сформированности профессиональных компетенций в рамках рассмотрения цикла военно-профессиональных дисциплин, является проведение итоговой аттестации, в процессе которой группа курсантов (2–3 человека) демонстрирует выполнение проекта, удовлетворяющего требованиям оформления, реализации и включения участников в деятельность.

При использовании данной технологии принципиально меняется и позиция преподавателя. Если раньше он вел за собой учащегося (объяснение нового материала → закрепление → применение на практике → контроль), то при новых формах организации учебного процесса преподаватель указывает учащемуся «дорогу» (вводные, обзорные лекции) и пропускает его вперед. Далее учащийся должен самостоятельно изучить учебный материал, а придя на занятия, получить необходимые консультации, обсудить, проработать возможности практического использования полученных знаний в различных ситуациях. В результате изменения деятельности преподавателя на занятии меняются характер и содержание его подготовки к ним: теперь он должен быть готов к тому, как лучше провести объяснение нового, а готовиться к тому, как лучше управлять деятельностью курсантов. Поскольку управление осуществляется в основном через модули, то задача преподавателя состоит в грамотном выделении интегративных дидактических целей модуля и соответствующем структурировании учебного содержания. Принципиально новое содержание подготовки преподавателя к учебному занятию приводит его к анализу своего опыта, знаний, умений, поиску более совершенных технологий. Продумывание целей деятельности обучающихся, определение программы их действий, предвидение возможных затруднений, четкое определение форм и методов обучения требуют от преподавателя хорошего знания своих курсантов.

В результате перехода от обучения к самообучению (модульной организации содержания и структуры профессиональной дисциплины) происходит смена обучающей функции преподавателя, в том числе и как компонента, взаимосвязанного с деятельностью курсанта. При этом исключается проблематичность освоения модулей курсантами, пропускающими занятия по объективной причине.

Для контроля выполнения работ курсантом при освоении определённого модуля и сформированности компетенции на одном из его уровней служит карта учёта выполненных работ. После перевода в пятибалльную систему устанавливаются глубина и объём индивидуальных способностей,

что способствует корректировке мотивационной и потребностной сфер курсанта. Качественные показатели, характеризующие уровень подготовки курсанта с точки зрения сформированности профессиональных действий, приобретают количественный эквивалент, который отражается в карте учёта, журнале взвода, сводной ведомости оценок. Естественно, лучше, если учет будет производиться с помощью технических средств и табличных процессоров. Благодаря этому достигается надлежащий уровень автоматизации управленческой деятельности преподавателя в процессе учёта деятельности отдельного курсанта и взвода в целом.

Дальнейшее диагностирование хода выполнения работ и результата освоения дисциплины на основе технологии модульно-компетентностного обучения позволит выявить типичные ошибки или недочёты при выполнении того или иного вида деятельности и скорректировать деятельность курсанта и преподавателя с точки зрения оптимизации этого процесса при формировании профессиональных компетенций. Подводя итог, можно сказать, что перечисленные составляющие являются необходимой частью технологии модульно-компетентностного обучения, так как определяют не только её структурную организацию, но и организацию всего учебного процесса по предметной подготовке. Применение этой технологии позволит оптимизировать воспитательно-образовательный процесс, повысить качество профессиональной подготовки курсантов МВД РФ.

Примечания

- 1 См.: *Кумбс Ф.* Кризис образования в современном мире. М., 1970. С. 130.
- 2 *Educational Technology – its Creation, Development and cross-cultural Transfer.* Oxford, 1987. P. 1.
- 3 См.: *Беспалько В. П.* Слагаемые педагогической технологии. М., 1989. 192 с.
- 4 См.: *Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И.* Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе : учеб. пособие / под ред. В. А. Сластенина. М., 2002. С. 10–12 ; *Змеев С. И.* Технология обучения взрослых : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002. 128 с. ; *Кларин М. В.* Педагогическая технология в учебном процессе. М., 1989. С. 36–41 ; *Образцов П. И.* Информационно-технологическое обеспечение учебного процесса в высшей военной школе // *Военная мысль.* 2003. № 8. С. 22–26 ; *Чернилевский Д. В., Филатов О. К.* Технология обучения в высшей школе / под ред. Д. В. Чернилевского. М., 1996. 288 с.

УДК 37.016:502/504

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. Е. Морозова, Г. В. Шляхтин

Саратовский государственный университет
E.mail: moroz@san.ru

В статье обобщен опыт совершенствования экологического образования школьников в системе общеобразовательных учреждений Саратовской области средствами проектной деятельности экологической направленности. Подчеркивается необходимость дальнейшего развития экологообразовательной среды учебных заведений и экологообразовательного пространства региона для повышения эффективности формирования экологического сознания, экологической культуры молодого поколения через формирование экологической компетентности субъектов экологообразовательного процесса.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое сознание, ценностное отношение к природе, экологическая компетентность, пути совершенствования экологического образования школьников.

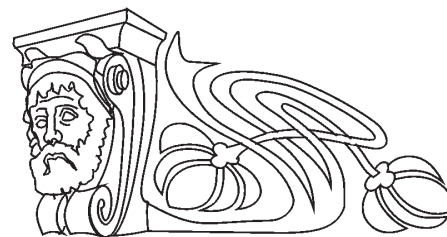
The Perfection of the Ecological Education of Schoolboys in the System Educational Establishments of the Saratov Region

E. E. Morozova, G. V. Shljahatin

In article experience of perfection of ecological education of the schoolboys in the system educational establishments of the Saratov region from project activity are generalized. Necessity of the further development ecological medium of educational institutions and ecological space of region for efficiency rising of the formation ecological consciousness, ecological culture of young generation across the formation of ecological competence of subjects ecological process is underlined.

Key words: ecological formation, ecological consciousness, relation to the nature, ecological competence, ways of perfection of ecological formation of schoolboys.

Характерной чертой последних десятилетий стало появление большого количества проблем экологического характера, причиной которых является отсутствие единой стратегии экологического образования и охраны природы в масштабе всей нашей планеты. В прогрессивных кругах научного сообщества развивается понимание глобальности, неизбежности и возможности их духовного преодоления, в первую очередь через систему образования. Усугубляющиеся экологические проблемы и социокультурная модернизация России детерминировали кардинальное изменение целей, задач, способов экологического образования подрастающего поколения.

В течение нескольких десятилетий в сфере экологического образования школьников на первый план выдвигалось формирование ответственного отношения к природе и становление экологического мышления в рамках информативного образования учащихся. В дальнейшем появилась тенденция рассмотрения экологического образования как одного из важнейших аспектов социализации личности, активного приспособления к среде обитания, принятия и выполнения законов существования человека в природе и обществе. На сегодня методологическая основа экологического образования претерпела существенное изменение, стала основываться на естественных общенаучных синергетических процессах, включила разные подходы, исходящие из иного понимания научными школами экологического кризиса и путей выхода из него. На смену антропоцентрической концепции взаимодействия человека и природы пришла гуманно-ориентированная биоцентрическая (экоцентрическая) концепция. Она базируется на признании многих подходов (глобально-биосферного, культурологического, ценностного, отношенческого, социоакмеологического, личностно-ориентированного, продуктивного, проблемного, естественно-научного, натуралистического, ценностного, компетентностного, ноосферного и др.) и направлена на формирование экологического сознания, экологической культуры общества и личности.

В настоящее время экологическая культура рассматривается как система духовных ценностей, этических императивов, экономических механизмов, правовых норм, которая формирует у общества потребности и способы их реализации, не создающие угрозу жизни на Земле. В качестве основных структурных компонентов экологической культуры называются экологическая образованность и система экологических знаний (естественно-научных, ценностно-нормативных, практических), экологическое сознание, мышление, мировоззрение, экологические отношения, система ценностей, культура чувств и экологически оправданного поведения, природоохранительная деятельность и др. Отмечается, что люди, у которых сформирована экологическая культура,

могут иметь необходимые знания, но не владеть ими. Экологическая культура включает экологическое сознание и экологическое поведение¹.

В связи с этим экологическое сознание рассматривается как сложная саморегулирующаяся (т. е. имеющая возможность самостоятельно менять цели, функции и звенья) система, сформированная для решения задач установления, стабилизации или изменения взаимоотношений с природой и ее объектами, возникающих в процессе удовлетворения человеком своих потребностей. В рамках онтологического подхода экологическое сознание определяется как особая форма бытия, которая является высшей формой развития психики и обретает реальность своего существования во взаимодействии человека со средой². В структуре экологического сознания выделяют: экологические представления о взаимосвязях в системе «человек – природа» и в самой природе; отношение к природе; системы умений и навыков (технологий) взаимодействия с природой. Важное значение в системе экологического сознания отводится субъектно-непрагматическому отношению человека к миру природы³. В качестве системообразующего элемента экологического образования в целях формирования экологического сознания и становления экологической культуры личности выделяют экологическую компетентность⁴.

С учетом отмеченного экологическое образование определяется многими исследователями как непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы экологических знаний и умений, ценностного отношения к природе, опыта природосообразной деятельности в социоприродной среде. Особое значение приобретают поиск механизмов и средств преобразования мотивационно-потребностной сферы личности, соответствующие установки и цели в ее преобразовательной деятельности, в практическом взаимодействии с природной средой, выработка готовности к определенному пониманию ценностей природы и экологическому поведению.

Ориентируясь на государственную политику по модернизации российского образования, в нашем регионе реализуются областная целевая программа «**Экологическое оздоровление Саратовской области на 2009–2013 гг.**» и разработанная на ее основе «**Концепция непрерывного экологического образования населения области на 2009–2019 гг.**». Целью непрерывного экологического образования в рамках этой концепции является формирование экологической культуры и экологического сознания жителей Саратовской области для повышения уровня экологической безопасности, улучшения состояния окружающей среды и здоровья населения. Приоритетными направлениями непрерывного экологического образования являются: создание педагогических и социальных условий для понимания и принятия населением экологических

ценностей; формирование умения анализировать экологические проблемы и прогнозировать последствия деятельности в природе; развитие системы содействия решению локальных социально-экологических проблем посредством социально-экологически ориентированных проектов и образовательных маршрутов; построение экологообразовательной среды учебных заведений; создание эколого-образовательного пространства региона для повышения эффективности формирования экологической культуры, экологического сознания населения области. Важной тенденцией развития системы непрерывного экологического образования саратовского региона становится его ориентация на раскрытие внутренних ресурсов личности для развития субъектно-непрагматического взаимодействия с природой и формирования экологической компетентности субъектов экологообразовательного процесса.

В настоящее время коллективы образовательных учреждений Саратовской области (более 50) предпринимают усилия, чтобы обеспечить переход от информативного и нормативного подходов в содержании экологического образования к ценностному и компетентностному. Так, ценностный подход рассматривает экологический кризис как результат девальвации духовных ценностей и культивирования прагматично-потребительского отношения к окружающей природе. Изменение культурологической основы современного образования, осмысление природы как ценности культуры, духовно-эстетической ценности обуславливается сменой ориентаций, которые становятся для конкретного человека субъективным, индивидуальным отражением в его психике и сознании социокультурных ценностей общества и природы на данном историческом этапе. Компетентностный подход акцентирует внимание на результате образования, причем в этом качестве рассматривается не сумма усвоенной информации, а способность человека действовать в различных проблемных ситуациях. Результаты образования признаются значимыми не только «здесь и сейчас», но и за пределами системы образования, в реальной практической деятельности. Экологическая компетентность – это осмысленная способность, потенциал и опыт личности в осуществлении экологосообразных видов деятельности⁵.

Первый этап реализации концепции был направлен на изучение смыслового содержания понятий «природа» и «отношение к природе» в сознании учащихся образовательных учреждений. В проведенном анкетировании приняли участие ученики 1–9-х классов общеобразовательных школ г. Саратова и Саратовской области, обработано 1149 анкет. Школьникам были заданы следующие основные вопросы: 1) что такое природа? 2) как люди относятся к природе? 3) как поступают люди, которые хорошо относятся к природе и наоборот? 4) как ты относишься к природе?

Отвечая на первый вопрос, большинство ребят указало объекты окружающей действительности природного и социокультурного происхождения: природа – это животные, растения, животный мир, деревья, трава, кусты, листья, листики, цветы, воздух и вода; природа – это часть нашего дома; природа – это то, что вокруг нас и то, что внутри нас; природа – это все, что находится за городом: леса, поля, реки, озера; природа – это то, что сделано «не руками человека»; природа – это каждый кусочек улицы, все то, что создано без помощи и вмешательства человека.

Многие ребята воспринимают природу в динамике и развитии многообразных явлений: природа – это живой мир; природа – это когда все растёт; природа – это дождь, ветер, снег; природа – это то, что движется и не движется; природа – это просто существо, которое меняется, меняет свои наряды, которое своими чудесами шокирует всех и в хорошую, и в плохую сторону; природа – это когда развиваются листочки на деревьях, стебельки и цветочки, всё вокруг красиво; природа – это жизнь, потому что природа дышит, чувствует, как человек.

Важно, что учащиеся имеют представление об экосистемной организации природы: природа – это леса, луга, поля, речка; природа – это большая экосистема; природа – это взаимосвязь животных, растений, бактерий и окружающей среды; природа – это система взаимосвязанных между собой компонентов; природа – это взаимодействие живых организмов и живых частиц; природа – это место, где живут в разных средах обитания, в разных условиях, люди и животные научились жить вместе; природа – это среда обитания, где у каждого есть свой дом: нора, будка, квартира; окружающая нас природа – это очень сложно устроенный, закономерный, но в то же время очень хрупкий и нежный объект, который постоянно нуждается в том, чтобы люди и другие живые организмы, влияющие на него, поддерживали её баланс.

Многие дети воспринимают природу как необходимое условие гармоничного развития человека: природа – это наша земля, без природы никто не живет; природа – это хороший друг, помощник, дающий нам воздух, плоды, радость, и нам нужно её беречь; природа – это земля, на которой мы живем; природа – это наш мир. В ответах детей можно констатировать эстетическое восприятие природы: природа – это красота; природа – цветы, деревья, люди, красота; природу изменить нельзя; природа очень красивая; природа – это красота неопишанная; природа – это там, где всегда чисто.

Отметим, что значительную группу составили утверждения, в которых природа понималась школьниками (исходя из позиций антропоцентризма) как пространство социальной активности человека в прагматическом и практическом аспектах: природа – это все, что нас окружает;

природа – место для отдыха и игр; природа – это вкусный и полезный воздух, лес, птицы; природа – это наша жизнь, еда, питьё, воздух; природа – это вкусные ягоды; природа – это природные ресурсы, то, чем живёт человек, взято из природы – еда, одежда и т.д.

В ответах на вопросы, как люди относятся к природе, как поступают люди, которые хорошо относятся к природе, как поступают люди, которые плохо относятся к природе, школьники констатировали, что люди по-разному относятся к природе – кто-то хорошо, кто-то плохо; люди, которые не любят природу, сжигают природу, деревья, загрязняют, засоряют, не берегут, губят, безобразничают, не уважают, обижают, рубят, пилят деревья, ломают, рвут, обрывают листья, разжигают костры, разрушают экосистемы, вырывают леса, издеваются над животными, убивают их, топчут траву, портят, ездят на автомобиле, не помогают природе. Люди, которые хорошо относятся к природе – не мусорят, не рубят деревья, стараются ей помочь, делают экологические продукты, очищают леса от мусора, понимают, как важно решать проблемы окружающей среды, любят природу, ухаживают за ней, берегут, охраняют, не загрязняют, не рвут мухоморы, поливают, не курят, ухаживают за природой. Дети выделили наиболее часто встречаемые факторы антропогенного воздействия на природу – загрязнение окружающей среды, вырубку лесов, браконьерство, природные пожары.

Подавляющее большинство учащихся начальной школы отметило, что к природе относится хорошо. В ряде случаев они объясняли причину своего положительного отношения к природе: я отношусь к природе хорошо потому, что поливаю деревья; я отношусь к природе хорошо потому, что она меня кормит; я отношусь к природе хорошо потому, что она создала школу и с ее помощью я научилась читать, писать, рисовать, решать задачи и делать поделки. Ученики среднего звена общеобразовательной школы отличались большей критичностью высказываний. Кроме того, многие школьники подмечали противоречие между внутренним отношением людей к природе и ее фактическим состоянием: я, бывает, хорошо, а бывает, плохо отношусь к природе, потому что не поливаю цветы, не забочусь о ней; я отношусь к природе иногда хорошо, иногда плохо, «но что я могу сделать в этом взрослом мире» и др.

Таким образом, результаты опроса показали, что большинство учащихся имеет положительное отношение к природе и осознает ее ценность, естественно-научное восприятие природы сопровождается критическим отношением к деятельности человека в природном окружении. Школьники стремятся к преобразованию окружающего мира, верят в возможность перемен, но не обладают соответствующими знаниями, навыками и устойчивыми ценностными ориентирами, что актуализирует необходимость дальнейшего

совершенствования экологического образования учеников, педагогов и родителей в рамках системы непрерывного экологического образования населения Саратовской области.

С нашей точки зрения, сложные задачи диагностики и развития ценностного (субъектно-непрагматического) отношения к природе, формирования экологической компетентности учащихся могут быть успешно решены средствами проектной методики. В 2005–2011 гг. в образовательных учреждениях Саратовской области были реализованы проекты «Растем вместе», «Зеленая аллея памяти», «Мой зеленый друг», «Мир комнатных растений», «Школа добрых дел», «Сохраним природу родного края». Так, например, в ходе реализации проекта «Зеленая аллея памяти» коллективы учащихся, педагогов, родителей, администрации школ создали аллеи и уголки памяти, розарии, мини-музеи, культурно-исторические центры и др.⁶ Проект позволил проанализировать отношение учащихся к растениям и выявить их представление о роли растений в природе и жизни человека. Важным представлялось формирование у учащихся мотивации к общественно значимой деятельности. Личностный интерес способствовал осознанному подходу к выполняемому проекту. Главное было показать, что высшей ценностью является жизнь человека и целого поколения, поэтому ценные объекты природы – растения – хранят память о погибших. В ходе конструирования «аллеи» учащимся была представлена вся многогранная ценность мира природы, предоставлялось право выбора любого растения – главное, чтобы он был осознанным, обусловленным практической, эстетической, экологической, культурологической, символической ценностью деревьев, учитывал условия их произрастания в конкретной местности. Для аллеи выбирались объекты (деревья, кустарники), имеющие наибольшую значимость для поддержания и регуляции природных процессов биосферы, наибольшую жизнеспособность, эстетическую привлекательность (цвет, форма, размер) и нравственную составляющую (символическую ценность и связь с историческими событиями). По итогам индивидуальной диагностики педагоги смогли оценить, какая именно (потребностно-мотивационная, когнитивная, практически-деятельностная, эмоционально-волевая, ценностно-смысловая) сфера личности каждого учащегося нуждается в эколого-педагогической коррекции, какие учащиеся требуют повышенного к себе внимания со стороны педагога и ученического коллектива. Большинство детей положительно относятся к растениям и осознает их ценность, но, к сожалению, их опыт взаимодействия с объектами природы часто характеризуется прагматической направленностью.

Работа учащихся по проекту «Мир комнатных растений» включала разнообразные виды деятельности⁷. Это поиск информации

и подготовка сообщений об условиях жизни комнатных растений, знакомство с историей возникновения и многообразием комнатных растений (представителями групп красивоцветущих, декоративно-лиственных, вьющихся, лазящих и свисающих (ампельных), папоротников, суккулентов, плодовых деревьев), игра – путешествие в пустыню и жаркий тропический лес, на родину комнатных растений, организация опытов с целью ознакомления с основными физиологическими процессами жизни растений, игровые и сюрпризные задания, участие в спектакле, в научной конференции, конкурс загадок, подготовка стенгазеты «Кактус», обоснование рекомендаций и оформление классной комнаты с учетом экологических требований к содержанию комнатных растений. К сожалению, пришлось констатировать, что, планируя размещение растений в классе, ребята редко учитывали их потребности в освещенности, влажности, температуре, их жизнеспособность в условиях комнаты и в большей мере обращали внимание на красоту, декоративность, полезные свойства растений. Необходимо обосновать дальнейший путь развития субъектно-непрагматического отношения учащихся к растениям.

Отметим творческую активность педагогов, высокую продуктивность их деятельности по реализации экологообразовательных проектов. Тем не менее выявлено, что педагоги применяют диагностические процедуры при анализе работы учащихся над проектами, но не придают им особого значения. Часто обращение к данным диагностических процедур носит формальный характер, не выполняющий функции обратной связи в организации проектной деятельности. Дальнейшее внедрение практико-ориентированных методик в экологообразовательный процесс требует совершенствования и развития коллективных и индивидуальных форм взаимодействия педагогов, школьников и их родителей, овладения способами изучения качественных изменений в отношениях учащихся, более глубокого осмысления роли всех субъектов экологообразовательного процесса (детей, педагогов, родителей, представителей обществ, государственных и промышленных структур нашего региона).

В настоящее время педагогами школ и вузов, представителями Саратовского отделения Всероссийского общества охраны природы предпринимается попытка создать региональный банк данных по решению экологических проблем в ходе реализации проекта «Сохраним природу родного края» и разработать комплексную программу по формированию экологической компетентности учащихся. Возникает теоретическая и практическая задача по определению путей совершенствования экологического образования школьников. В связи с этим содержательный и методический аспекты экологической работы образовательных учреждений разного уровня не-

обходимо усилить управленческими действиями, направленными на организацию деятельности по выявлению эколого-образовательного потенциала местного сообщества (общественных организаций, работников природных парков, библиотек, ботанических садов, зоопарков, музеев и др.), вовлечение учащихся в социально значимую практическую деятельность для выявления и решения местных экологических проблем с учетом потребностей и особенностей различных людей и социальных групп, усиление социального партнерства и развитие взаимодействия с лицами, предприятиями, организациями, заинтересованными в разработке и реализации экологических программ, привлечение средств массовых информационно-коммуникационных технологий в экологообразовательный процесс, активизацию вне учебной экологообразовательной деятельности школьников, сотрудничество с детскими и молодежными общественными организациями экологической направленности, экологического творчества, создание эколого-образовательной среды образовательных

учреждений, обмен опытом в системе единого экологообразовательного пространства.

Примечания

- 1 См.: Гагарин А. В., Иващенко А. В., Степанов С. А. Экологическая психология и педагогика : учеб. пособие для студентов психологических и педагогических специальностей высших учебных заведений. М., 2008. 296 с.
- 2 См.: Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М., 2004. 197 с.
- 3 См.: Ясвин В. А. Психология отношения к природе. М., 2000. 456 с.
- 4 См.: Ермаков Д. С. Формирование экологической компетентности учащихся. М., 2008. 162 с.
- 5 Там же.
- 6 См.: Морозова Е. Е., Буланая М. В., Исаева О. А. Экологический дневник школьника : учеб.-метод. пособие. Саратов, 2006. 38 с.
- 7 См.: Морозова Е. Е., Исаева О. А. Экологообразовательный проект «Мир комнатных растений». Сер. : Начальное естественно-математическое образование. Саратов., 2010. 58 с.

УДК 378.048.2

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

В. Ю. Новожилов

Министерство внутренних дел Российской Федерации
E-mail: skripnikov@pisem.net

В статье рассматриваются система подготовки военных специалистов высшей квалификации, существующие проблемы обеспечения преемственности послевузовского образования на всех ступенях высшей школы и роль интеграционных процессов в науке.

Ключевые слова: система подготовки военных специалистов, адъюнктура, интеграционные процессы, преемственность.

Problems of Science and Education Integration in Military Specialist Preparation System

V. Yu. Novozhilov

The article deals with the preparation system of the military specialists of high qualification, problems of postgraduate education continuity on the higher school levels and role of integration processes in science.

Key words: preparation system of military specialists, military postgraduate education, integration processes, continuity.

Человечество вступило в новое тысячелетие – в век глобализации, что оказывает огромное влияние на функционирование образования, развитие науки. Глобализация в целом представляет собой процесс преодоления отчуждения жизни отдель-

ного человека от жизни человеческого рода. Она характеризуется процессами становления и гармонизации многомерного и многоаспектного мира, проявляется в локальных социальных и культурных контекстах или глобализации информации, стремлении к либерализации мировой экономики. Глобализацию связывают с процессами массовой социальной коммуникации, которая приводит к гармонизации рационального и гуманитарного познания окружающего мира, диалогу в сфере образования. Эффективность государственной системы образования напрямую связана с ростом научного потенциала страны¹. В свою очередь, система образования включена в решение целого ряда многоуровневых проблем, связанных с определением стратегических перспектив развития общества, с производством кадрового потенциала будущей России.

Изменения в мире и в общественно-политическом устройстве России привели в итоге к этапу глубоких преобразований в системе военного образования. Актуальность реформ в высшей военной школе продиктована современными потребностями общества, нуждами войск, которые

выражаются в необходимости высококвалифицированных, компетентных, профессионально подготовленных офицерских кадров, целями и результатами образования, темпами развития научных знаний и уровнем их внедрения в педагогическую практику. Узкая специализация подготовки в военном вузе сегодня сменяется потребностью в обеспечении высокой профессиональной мобильности военных специалистов, всестороннем развитии личности будущего офицера.

Все военные вузы несут в установленном законодательством Российской Федерации порядке ответственность за:

выполнение функций, отнесенных к их компетенции;

реализацию в полном объеме образовательных программ в соответствии с учебным планом и графиком учебного процесса;

качество образования своих выпускников;

жизнь и здоровье слушателей и работников вуза во время образовательного процесса;

соблюдение прав и свобод слушателей и работников вуза;

иные действия, предусмотренные законодательством.

В настоящее время возрастает значение мобильности военных специалистов, готовых к обеспечению безопасности личности, общества, государства. Кроме того, перед наукой и военными вузами встают проблемы, связанные с практикой органов внутренних дел, так как глобализация и технические достижения меняют природу современной преступности, в криминальной среде изобретаются все новые и более изощренные способы реализации преступных замыслов. В условиях появления новых вызовов времени, сложной демографической ситуации и террористических угроз облик передового государства определяется уровнем развития науки. Достижению передовых позиций в сфере инноваций способствуют производство новых знаний и технологий, содействие приходу в фундаментальную и прикладную науку инициативных специалистов высшей квалификации. Эффективное противодействие преступности, обеспечение необходимой защиты от посягательств криминала и международного терроризма невозможно без привлечения потенциала научной мысли.

Одной из основ обеспечения национальной безопасности и всех её составляющих (военной, политической, духовной, социальной, экономической, информационной, экологической и т. д.) является интеграция науки и образования, которая определяет организацию системного сотрудничества научных организаций и правоохранительных органов страны, способствует решению теоретических и прикладных вопросов правоохранительной деятельности. Интеграция науки и образования обеспечивает повышение продуктивности проводимых реформ военного образования в целом.

С учетом реорганизации армии и флота и на основе сохранения достоинств отечественной военной школы перспективная цель современного военного образования заключается в следующем: сформировать систему подготовки военных специалистов, адекватную новой структуре и задачам вооруженных сил и обеспечивающую устойчивое комплектование войск квалифицированными офицерами. В реализации потребностей комплектования офицерскими кадрами внутренних войск МВД России первостепенное место занимает их подготовка в федеральных государственных военных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. Состояние послевузовского образования становится одним из значимых показателей в рейтинговой оценке вуза. Возможности подготовки кадров высшей квалификации и результативность этого процесса являются индикатором конкурентоспособности вуза, решающими в определении его статуса.

Система подготовки военных специалистов высшей квалификации является важнейшим инструментом государства по формированию кадрового потенциала вооруженных сил, других войск, воинских формирований и государственных органов. Подготовку офицерских кадров высшей квалификации в первую очередь осуществляют военные академии и университеты, обладающие наиболее мощным научно-педагогическим потенциалом, что позволяет им вести фундаментальные и прикладные научные исследования. Военные институты, в которых организуется адъюнктура и военная докторантура, – второй источник пополнения вооруженных сил офицерскими кадрами высшей квалификации. В адъюнктуре решается важнейшая задача формирования научного потенциала военно-профессиональной подготовки специалистов высшей квалификации, т. е. осуществляется подготовка научных кадров военнослужащих офицерского состава и научно-педагогических кадров высшей квалификации для высших военных учебных заведений.

Военные вузы продолжают испытывать острую нехватку преподавателей, имеющих ученую степень, поэтому одной из стратегий преобразований в системе подготовки военного специалиста является сохранение и повышение научно-педагогического потенциала высшей военной школы. Проблема научно-педагогических кадров приобретает особую значимость в связи с государственной аттестацией и аккредитацией военно-учебных заведений: государственная аттестационная служба имеет возможность лишить права выдавать диплом государственного образца тот военный вуз, где низкий процент укомплектованности учёными.

Данная задача стала еще актуальнее с получением военными вузами права на ведение послевузовского образования, а значит, и обязанности обеспечения его преемственности на всех ступенях высшей школы. Для соблюдения

преемственности между высшим образованием и адъюнктурой необходимо решить объективно существующие проблемы.

Во-первых, анализ профессионально-образовательной деятельности военных вузов показал, что главным недостатком в организации учебно-воспитательного процесса является то, что в основном передается содержание образования, а когнитивному развитию курсантов, развитию у них инициативности, рефлексивной позиции в обучении уделяется мало внимания. Именно на когнитивных основах обучения базируются закономерности преемственности в образовании. Когнитивная обоснованность обучения заключается в индивидуальной интерпретации и понимании, а также активной роли человека при постановке собственных целей. Суть данного подхода заключается в том, что содержание образования, кроме его обязательной части, не может навязываться преподавателем и зависеть от его профессионального уровня, а должно определяться с учетом интересов курсанта или адъюнкта и заказчика специалистов – Вооружённых Сил. Обучаемому необходимо предоставлять право выбора содержания образования, только в этом случае он становится подлинным субъектом образовательного процесса.

Во-вторых, в учебно-воспитательный процесс военных вузов внедряются новые технологии, связанные с кредитным и рейтинговым оцениванием результатов обучения. Военное образование по своей сути всегда было технологичным – обучение осуществлялось и осуществляется согласно заранее заданным ожидаемым результатам, поведенческим нормам и ценностям, соответствующим потребностям и развитию Вооружённых Сил. Однако новые технологии требуют разработки систем управления качеством военно-профессиональной подготовки курсантов и адъюнктов, так как это отражает потребности военных вузов в проектируемых образовательных результатах и ресурсах для их обязательного достижения в рамках государственного образовательного стандарта.

В-третьих, для проектирования образовательных результатов на основе инновационных технологий военным вузам нужны преподаватели с нестандартным и адаптационным мышлением, владеющие новыми формами, методами и средствами активного обучения. Речь идет о создании инициативной (авангардной) группы профессорско-преподавательского состава нового типа, вслед за которой будут прибывать к инновациям и другие преподаватели. Научить преподавателей думать иначе – задача трудная: большинство из них работает по сложившейся схеме, руководствуясь личным опытом и не желает ничего менять. Однако профессиональное поведение зависит от процессов, происходящих в окружающей среде. Если реакция коллег одобрительна, тогда новое поведение и новые профессиональные действия

упрочиваются. Неодобрительная реакция и отсутствие мотивации дают обратный эффект. Для предупреждения нежелательного эффекта важны комплексный подход к планированию, организации и контролю военно-образовательного процесса и создание условий для теоретического обобщения и распространения передового опыта подготовки научно-педагогических кадров.

В-четвёртых, значимым фактором обеспечения преемственности на ступенях «высшее образование – адъюнктура» является разработка широкого спектра дидактических ресурсов для обучения и контроля достижений курсантов и адъюнктов: учебников и учебных пособий, методических указаний и рекомендаций, программных продуктов, информационных материалов, тестов, обучающих модулей, в том числе и для самообразования.

Совершенствование подготовки военно-научных и научно-педагогических кадров в системе военного образования отнесено Военной доктриной Российской Федерации к приоритетному направлению развития военной организации государства. Система военного образования является составной частью системы профессионального образования Российской Федерации и предназначена для обеспечения потребностей военной организации государства в квалифицированных офицерских кадрах. Интеграционные процессы актуализируют ряд проблем подготовки и аттестации офицерских кадров высшей квалификации, требуют усиления внимания к содержательной подготовке адъюнктов как соискателей ученой степени кандидата наук. Замена кандидатского экзамена по философии на экзамен по философии и методологии науки, безусловно, способствует преодолению разрыва между общефилософской подготовкой соискателей и философскими основаниями выполнения диссертационного исследования, улучшению методологической подготовки будущих ученых. В 2007 г. был внесен ряд изменений в нормативную базу, регулиующую подготовку кадров высшей квалификации, – например, приказом Минобрнауки было отменено ограничение срока действия кандидатских экзаменов, сданных по старым программам. В настоящее время разрабатываются меры по сохранению и укреплению научно-педагогического потенциала вузов, стимулированию труда профессорско-преподавательского состава и научных работников, вносятся в законодательство соответствующие изменения и дополнения.

Особенностью науки в настоящее время является то, что она постепенно превратилась в особую сферу профессиональной деятельности. Особое значение исследовательской подготовки специалистов разного уровня обуславливает необходимость совершенствования проведения научного исследования и его рефлексии, содержания подготовки кадров высшей квалификации. В связи

с этим возникает проблема повышения качества научных исследований военнослужащих, которая, в свою очередь, связана с процессом развития высшего военного профессионального образования в условиях перехода на новые образовательные стандарты и обусловлена востребованностью новых знаний.

«Специфика современного знания, проявляющаяся в его недолговечности, также предъявляет свои требования к содержанию подготовки кадров высшей квалификации. Если традиционный подход к отбору содержания образования можно сравнить с накопительной системой, когда каждое новое знание уточняет, расширяет, конкретизирует уже освоенное знание, то современный подход к отбору содержания подготовки напоминает, скорее, гипертекст, когда в предлагаемом содержании сам соискатель выбирает тот компонент, который интересует его больше всего, и уже самостоятельно (или под руководством преподавателя, научного руководителя) углубляется в требуемое знание, устанавливая для себя лично взаимосвязи нового знания с уже известным»².

Возрастание роли интеграционных процессов в науке и одновременного усиления дифференциации как обратного закономерного процесса находит свое отражение не столько в содержании дисциплин, изучаемых соискателями в ходе освоения образовательной программы, сколько в проведении научного исследования.

Процесс дифференциации приводит к большему дроблению «единого тела науки» на все более специализированные области, способствуя углублению процесса познания, совершенствованию специальной методики и арсенала познавательных средств, применяемых каждой конкретной наукой, что, в свою очередь, предъявляет более жесткие требования к исследовательским навыкам будущих ученых. Учет новых тенденций в содержании подготовки кадров высшей квалификации предполагает усиление их фундаментальной подготовки, приобщение к интегрированию знаний в процессе исследовательской деятельности.

Итак, особенности развития науки и образования в современном обществе, проблемы интеграции науки и образования в системе подготовки военного специалиста обуславливают изменения в подготовке и системе аттестации кадров высшей квалификации военнослужащих.

Примечания

- ¹ Научная работа адъюнкта : учеб. пособие / под ред. проф. Л. Н. Бережновой. СПб., 2011. С. 7.
- ² Лантнев В. В. Тенденции развития системы подготовки кадров высшей квалификации на современном этапе развития науки и образования // Аспирантура: проблемы развития : сб. науч. тр. СПб., 2004. С. 13–15.

УДК 373.31.5

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

С. Н. Филиппенко

Саратовский государственный университет
E-mail: Svetlana-prof@yandex.ru

Статья посвящена формированию патриотической культуры студентов в процессе изучения гуманитарных дисциплин в вузе. Дается анализ понятия «патриотическая культура», предлагается система ее формирования.

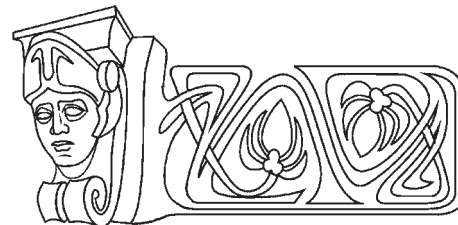
Ключевые слова: культура, патриотизм, патриотическая культура, формирование.

Students' Patriotic Culture Formation

S. N. Filipchenko

The article is devoted to the problem of students' patriotic culture formation during humanities learning process in the institute of higher education. The author gives the analysis of the concept «patriotic culture» as well as the system of its formation.

Key words: culture, patriotism, patriotic culture, formation.

В концепции патриотического воспитания молодежи, в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» обращается внимание на формирование у молодежи гражданственности, патриотизма как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей. Решать данную задачу призвана высшая школа, которая должна быть не просто «кузницей кадров», а центром патриотической подготовки, источником формирования патриотической культуры будущего специалиста.

Современный вуз функционирует в динамично изменяющемся противоречивом мире с угрозами социально-экономического и культурного кризиса. Годы, прошедшие с момента рас-

пада Советского Союза, выявили, что ослабление внимания общества к патриотическому воспитанию подрастающего поколения привело к снижению воспитательного потенциала высшего образования. Неоднозначна и социальная ситуация, в которой живет высшая школа: с одной стороны, в вузе развиваются демократические тенденции, усиливается гуманитарная направленность содержания образования, создаются условия для творческой самореализации студентов; с другой стороны, деятельность преподавателя вуза регламентируется нормативными документами и уставом. В современных условиях происходит изменение ряда личностных качеств студентов – будущих специалистов. Необходимость устранения причин слабого патриотического воспитания делает проблему формирования патриотической культуры одной из значимых в педагогической науке.

Формирование патриотической культуры у студентов не только является тенденцией развития современного общества, но приводит к необходимости поиска его способов и средств в процессе профессиональной подготовки. Появилось понимание того, что патриотическая культура как процесс включает познание студентом самого себя как субъекта учебно-воспитательного процесса, проектирование своей собственной жизни, готовность к овладению и преумножению патриотического опыта прошлого и настоящего. Современное представление об этом процессе складывается на основе теоретических и экспериментальных исследований профессиональной подготовки будущих специалистов. В то же время анализ содержания вузовского образования показывает, что изучаемым нами вопросам не уделяется должного внимания: отдельные их аспекты представлены в различных учебных гуманитарных дисциплинах, в том числе и в курсе «Педагогика» фрагментарно. Не восполняет в полной мере данного пробела и педагогическая практика, цель которой, как правило, заключается в совершенствовании профессиональных умений и навыков. В связи с этим требуется реформирование сложившейся в вузе практики, новый взгляд на соотношение рационально-логической и эмоциональной форм познания и освоения мира в образовательном процессе. Появляется необходимость решения целого ряда актуальных проблем, например создания дидактически обоснованных дисциплин, овладение содержанием которых способствует формированию патриотической культуры у будущих специалистов.

Проблема формирования патриотизма уходит своими корнями вглубь веков. Великие умы античности – Платон («Государство»), Аристотель («Политика») – считали, что хорошему гражданину присуща любовь к совершенству в рамках закона, хороший гражданин – это законопослушный, патриотически настроенный

человек, который прилагает все усилия для того, чтобы выполнить свое предназначение в обществе. Впервые понятие «патриотизм» получило правовое закрепление при Петре I в «Уставе ратных и пушечных дел» и стало нормой отношения к родной земле. Большое внимание проблеме формирования патриотизма уделяли французские материалисты XVIII в. (Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, К. Гельвеций, П. Гольбах), рассматривая патриотизм как проявление субъектом чувства национальной гордости за страну. Особую позицию по отношению к патриотизму выразили русские мыслители В. Г. Белинский¹, Н. А. Добролюбов², Н. Г. Чернышевский³, рассматривавшие его как базовое основание для формирования таких ценностей, как национальная идея, честь, достоинство и долг. Патриотизм как внутреннее духовно-нравственное состояние народа рассматривался в работах русских философов Н. Н. Бердяева⁴, И. А. Ильина⁵, В. С. Соловьёва⁶. Степень реального проявления патриотизма во многом зависит от хода отечественной истории, важнейших событий не только в России, но и за ее пределами.

Проблема формирования патриотизма, будучи междисциплинарной, в современной науке исследуется на философско-этическом, психологическом и педагогическом уровнях. На первом уровне раскрывается содержание данного понятия, выявляется соотношение между патриотизмом как социальным явлением и патриотизмом как ценностью, взаимосвязь рационального и эмоционального в нем (Н. И. Губанов, В. В. Макаров, П. М. Рогачёв и др.)⁷, обосновывается содержание понятия «патриотизм» (Л. А. Бублик, Д. А. Волкогон, Р. Г. Яновский и др.)⁸. На втором уровне раскрывается структура патриотизма как личностного качества, рассматриваются различные формы его проявления (Ю. С. Васютин, А. Н. Выршиков, А. В. Рощин, и др.)⁹. Педагогический уровень исследования проблемы дает возможность конкретизировать научное представление о содержании понятий «патриотизм» и «патриотическая культура», определить способы формирования патриотизма у будущих специалистов (А. А. Аронов)¹⁰.

При всей несомненной теоретической и практической значимости проведенных исследований, на наш взгляд, к разряду нерешенных относятся проблемы, связанные с конкретизацией научных представлений о содержании понятия «патриотическая культура студента», с разработкой концепции формирования патриотической культуры и др. Для понимания сущности и структуры патриотической культуры следует исходить из общих определений культуры и патриотизма. Первое имеет множество смыслов и значений, охватывающих широкий круг явлений, связанных с жизнедеятельностью людей – от возделывания поля, сада, научных открытий, создания технических устройств до управления

социальной и духовной жизнью людей, образования и воспитания человека и т. д. Очевидно также, что если в основу классификации положить предметный или содержательный признак, то можно говорить о педагогической, методологической, политической, художественной и т. п. культуре. Естественно, в контексте целей нашего исследования нас прежде всего интересует правомерность постановки вопроса о патриотической культуре. Анализ научной литературы показал, что существует внутренняя взаимосвязь между патриотизмом и культурой. Структура и содержание культуры позволяют представить патриотизм как один из важных ее элементов.

Патриотизм является одним из стимулов всех видов социальной деятельности и одновременно составным элементом этой деятельности в ее производственной, социально-политической, научной, художественно-эстетической формах. При раскрытии природы патриотизма обнаруживаются его генетические связи с культурой: труд и деятельность отнесены нами в структуре культуры к производственному и социально-политическому видам.

В обработанном самым примитивным орудием труда – ручным рубилом – куске камня есть и природные качества, и качества человека, создавшего этот предмет. В нем опредмечены человеческая мысль, человеческие чувства, поэтому любой феномен культуры является чувственным, содержит в себе систему природных и социальных качеств, процесс и результат человеческой деятельности, направленный как вовне, так и внутрь человека. Следовательно, можно говорить о культуре каждого человеческого существа, групп людей, их чувств и отношений, любых форм деятельности и т. п.

Под культурой чувств в философской литературе чаще всего понимают степень общественной развитости, «очеловеченности» чувств, эмоциональной одухотворенности человека. Чувства – продукт жизненного, общественно-го опыта личности, ее общения и воспитания. Даже «низшие» чувства, с которыми человек рождается, есть результат общественного, культурного развития, в ходе которого происходит «очеловечивание» биологических форм. Тем более это верно по отношению к высшим – социальным, нравственным и эстетическим – чувствам, например таким, как коллективизм, гражданственность, патриотизм и т. п. Культура чувств позволяет судить об общей культуре, воспитанности человека. В связи с этим вполне правомерна постановка вопроса о степени сформированности культуры каждого в отдельности взятого высшего чувства, в том числе и патриотизма. Аксиологический характер патриотизма свидетельствует о самостоятельной ценности и о том, что он является составной частью других культурных ценностей. В то же время культурные

ценности являются стимулом для формирования патриотических чувств.

Понятие «патриотическая культура» в научной литературе не имеет четкого и однозначного определения. Диалектическая взаимосвязь культуры и патриотизма создает возможность использования понятия «патриотическая культура». Патриотическая культура – это научные знания об истории своего Отечества, традициях, патриотическом долге, государственной идеологии, любовь к Родине, национальная гордость, чувства чести, достоинства, долга, добросовестное служение Отечеству, следование патриотическим традициям, соблюдение преемственности поколений в защите Отечества. Содержание патриотической культуры осваивается личностью в процессе формирования патриотических взглядов, убеждений, норм, регулирующих и направляющих патриотическую деятельность. В этом отношении патриотическая культура является важнейшим средством социализации и индивидуализации личности, становления и формирования ее взглядов и убеждений.

Продолжают оставаться актуальными многие проблемы, связанные с поиском эффективных средств формирования патриотической культуры студентов. Как показывает анализ сложившейся практики профессиональной подготовки, существуют противоречия между потребностью общества в будущих специалистах, обладающих высокой патриотической культурой, готовых к защите Отечества, к передаче своего патриотического опыта подчиненным, и недостаточной разработанностью в педагогической науке теоретических предпосылок формирования патриотической культуры студентов вуза; между тенденциями возрождения патриотических основ профессиональной подготовки студентов в новых социально-экономических условиях и отсутствием адекватной современным требованиям непрерывной системы патриотического воспитания.

Формирование патриотической культуры студентов вуза как интегративного личностного образования целесообразно осуществлять в рамках системного подхода, выступающего как особый способ организации образовательного процесса, при котором усвоение учебных предметов выступает эффективным средством достижения высокого уровня проектируемого результата. Системный подход к педагогической деятельности – это учет всех закономерностей функционирования педагогической системы при внесении каких-либо изменений в один из них в соответствии с требованиями социального заказа и научно-технического прогресса. Относительно педагогического процесса понятие «система» может трактоваться в широком смысле – как целостное единство взаимосвязанных компонентов, а может употребляться в более узком значении – при рассмотрении структуры одного ее компонента.

Система, на наш взгляд, может рассматриваться как тактическая модель, которая реализуется в рамках определенной стратегической концепции, основанной на определенных психолого-педагогических теориях, но с учетом конкретных целей и условий обучения. При этом учитывается, что любая система состоит из взаимосвязанных, взаимообусловленных компонентов, а именно цели обучения, содержания учебного материала учебного процесса, средств обучения, совокупности приемов. Системный подход является основополагающим при построении модели, ее воплощении в образовательной практике и предполагает использование специальных понятий, соблюдение определенных принципов, норм и правил.

Моделирование представляет собой одну из основных категорий теории познания: на идее моделирования базируется любой метод научного исследования – как теоретический, при котором используются разного рода знаковые, абстрактные модели, так и экспериментальный, использующий предметные модели. Модель (лат. *modulus* – мера, образец) – это в широком смысле любой образ, аналог (мысленный или условный – изображение, описание, схема, чертеж, график, план и т. д.) какого-либо объекта, процесса или явления («оригинала» данной модели), используемые в качестве его «заместителя», «представителя», отображающие в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта и облегчающие процесс получения информации об интересующем нас объекте. В исследовании образовательного процесса модель выступает как важнейшее средство наглядного представления связей и отношений его элементов, следовательно, для организации

и научного исследования образовательного процесса в вузе моделирование становится необходимым.

Примечания

- ¹ См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. : в 9 т. М., 1954. Т. 4. 520 с.
- ² См.: *Добролюбов Н. А.* Стихотворения. Рассказы. Дневники. Горький, 1986. 288 с.
- ³ См.: *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1949. Т. 14. 900 с.
- ⁴ См.: *Бердяев Н. А.* О человеке, его свободе и духовности // *Бердяев Н. А.* Избр. тр. М., 1999. 310 с.
- ⁵ См.: *Ильин И. А.* Путь духовного обновления // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 328–341.
- ⁶ См.: *Соловьёв В. С.* Национальный вопрос в России // *Философская публицистика* : в 2 т. М., 1989. Т. 1. 514 с.
- ⁷ См.: *Губанов Н. И.* Отечество и патриотизм. М., 1960. 144 с. ; *Макаров В. В.* Отечество и патриотизм. Саратов, 1988. 159 с. ; *Рогачёв П. М.* Патриотизм и общественный прогресс. М., 1974. 280 с.
- ⁸ См.: *Бублик Л. А., Зверев Ю. И., Средин Г. В.* Верны подвигам отцов. М., 1987. 78 с. ; *Волкоганов Д. А.* Доблести. М., 1981. 192 с. ; *Яновский Р. Г.* На пути к патриотическому сознанию граждан России // *Безопасность Евразии.* 2003. № 2 (апрель – июнь). С. 173–182.
- ⁹ См.: *Васютин Ю. С.* Почетный долг, священная обязанность. М., 1976. 62 с. ; *Вырциков А. Н.* Формирование у учащихся общеобразовательной школы готовности к защите Родины : автореф. дис. ...д-ра пед. наук. М., 1991. 21 с. ; *Роцин А. В.* Философско-социологические вопросы военно-патриотического воспитания трудящихся. М., 1982. 127 с.
- ¹⁰ См.: *Аронов А. А.* Воспитывать патриотов: книга для учителя. М., 1989. 175 с.

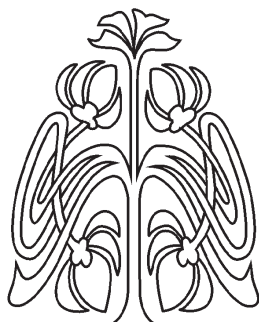
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

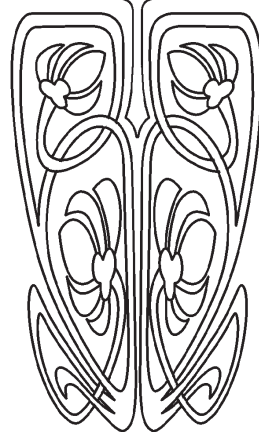
Проблемы стремительно глобализирующегося мира являются актуальной темой социально-философских исследований. Становление глобального общества риска, место и роль цивилизаций в глобализирующемся мире, а также проблемы бытия личности в современном социуме стали основными объектами внимания и философского исследования на прошедшем 16 мая 2011 г. на философском факультете круглом столе «Столкновение цивилизаций в глобальном обществе риска». Круглый стол был организован кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета. В его работе активное участие приняли ученые, преподаватели, студенты и аспиранты Саратовского государственного университета (СГУ), Саратовского государственного технического университета (СГТУ) и Поволжской академии государственной службы им П. А. Столыпина.

Работу круглого стола открыл профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев. В своем докладе «Глобальное общество риска: этапы становления» он обозначил основные направления работы круглого стола и сосредоточился на аспектах становления глобального общества риска. Как отметил В. Б. Устьянцев, глобализация изменяет наши представления о мире, о путях цивилизационного развития человечества. Взаимобусловленность региональных и мировых событий приобретает самые неожиданные формы. Все чаще возникают вопросы, что может быть общего между техногенной катастрофой на Чернобыльской АЭС и авариями АЭС «Фукусима» в Японии, между террористическими акциями Аль-Кайды в США и взрывами в Московском метрополитене, между кровавыми событиями в Сирии и Ливане. Все эти события так или иначе связаны с тем, что человечество вступает в глобальное общество риска, где техногенные катастрофы дополняются геополитическими столкновениями, а социально-политические риски сопровождаются нефтяными и информационными войнами, где высшие ценности неолиберализма в США и Западной Европе перечеркиваются силовыми действиями и бомбовыми ударами стран НАТО по городам Сербии, Ирака, Ливии.

Опасные и крайне непредсказуемые по своим последствиям явления глобального мира становятся объектами научной рефлексии. На смену широко распространенным в научном общении прошлого века понятиям «стабильный мировой порядок», «устойчивое развитие», «международное сотрудничество» приходят понятия-концепты – «глобальный риск», «глобальный конфликт», «международный терроризм», «демократические крестовые походы», «расколота цивилизация». Изменяются мировой порядок и наши представления о нем. Новые концепты свидетельствуют о новом отношении научных сообществ и планетарного сознания к мировым процессам. Современные глобальные теории общества направлены на разработку альтернативных моделей планетарного развития, среди них все заметнее влияние концепции глобального общества риска. Хотя после первых публикаций У. Бека на эту тему

ПРИЛОЖЕНИЯ

прошло не более десяти лет, идея приобретает все более четкие очертания, формируется новое проблемное поле исследования рисков.

В. Б. Устьянцев считает возможным выделить два этапа в становлении глобального общества риска: период первоначального накопления глобальных рисков и этап институционализации глобального общества рисков. В отличие от эпохи первоначального накопления финансового капитала, ознаменовавшего становление капиталистического общества, современный этап накопления глобальных рисков охватывает техногенные системы производства мощных источников энергии, опасных для человека, а также нестабильные политические режимы Африки и Ближнего Востока. В странах с постиндустриальной экономикой процесс накопления глобальных рисков разворачивается в культуре, в столкновении книжных и посткнижных стандартов и образцов массового поведения, традиционалистских и постиндустриальных интеллектуальных ресурсов. Столкновение ценностей затрагивает не только духовные основы цивилизаций, но и безопасность человека. Ценности глобальной безопасности наталкиваются на действия международного терроризма с его установками на моральную вседозволенность, крайнюю жестокость и бесчеловечность, при этом политическое, правовое и ценностное противодействие международному экстремизму и терроризму образует один из горизонтов глобального рискогенного пространства. Первоначальное накопление глобальных рисков своими истоками уходит в период становления постиндустриального мира, где на одном полюсе новая волна глобализации техники и коммуникаций сопровождается столкновением ценностей разных цивилизаций, а на другом – нарастание масштабных экономических катаклизмов для многих стран мира превращается в испытание на прочность цивилизационных укладов и поиск новых путей выживания.

Взаимообусловленность тотальных рисков и мирового порядка приобретает на этапе институционализации глобального общества риска новые формы. С одной стороны, уже созданные международной практикой последних десятилетий десятки институтов глобального управления все чаще берут на себя функции минимизации планетарных рисков, с другой – возникают совершенно новые институциональные структуры, воплощающие ответы мирового сообщества на вызовы рискогенной глобализации. Все заметнее становится смещение оси мирового порядка от стратегий устойчивого цивилизационного развития и процветания к стратегиям выживания в глобальном обществе риска. Эти стратегии воплощаются в институционализации глобальных экологических проблем и стремлении минимизировать экономические и политические риски глобального масштаба. В

конкуренции приоритетов национальных элит развитых стран в пространстве глобального социума решающую роль приобретают рискогенные практики. На этом фоне возможности российских элит реализовывать национальные проекты эффективной институционализации масштабных рисков и достижения приемлемой безопасности становятся определяющими факторами повышения роли России в глобальном обществе риска.

В выступлении **доктора экономических наук, профессора кафедры управления социальными и экологическими системами Российской академии государственной службы при Президенте РФ Х. А. Барлыбаева** речь шла об основной линии современных межцивилизационных противоречий. Автор считает, что в двадцатом столетии многие народы провели эксперимент, заключавшийся в широкомасштабных и целеустремленных социальных преобразованиях в надежде добиться справедливого общественного устройства под названием «социализм». Надежды и ожидания не сбылись. В соперничестве и противоборстве двух перспектив общественного развития, оказавшихся основной линией межцивилизационных противоречий социально-политического характера (распространенная ныне концепция столкновения цивилизаций обращена, главным образом, к религиозной, т. е. виртуальной, трансцендентальной линии), существовавших с начала двадцатого столетия, к его концу победу одержала закосневшая за многие века и использовавшая в борьбе все возможные и доступные средства денежно-капиталистическая, взяв верх над «младенческой», еще не успевшей укрепиться перспективой стремления к социальной справедливости. И сегодня «победителей не судят», а побежденных не осуждает только ленивый.

Объективным основанием неравенства сил в этой исторической борьбе было то, что в качестве движущих сил денежно-капиталистических отношений были наиболее чувствительная и легко поддающаяся соблазну потребность людей в материальных благах, стремление к личному обогащению, к господствующему положению в обществе благодаря накоплению денег и капитала, приоритет личного над общественным, либеральное отношение к человеческим слабостям, прихотям и желаниям. Стремление же к справедливому общественному устройству делает упор на неустойчивое сознание человека, основывается на идеалистических, на первый взгляд, посылах, на неопределенном и зыбком понятии справедливости, приоритете общественного над индивидуальным, необходимости соблюдения личностью довольно строгих норм в общественной жизнедеятельности. Хронический недостаток интеллекта и неустойчивые моральные принципы в системе управления

процессами установления справедливых общественных отношений оказались самым слабым звеном данной перспективы.

Характерным следствием борьбы стали конвергенция, взаимопроникновение и движение навстречу этих перспектив. При этом движение оказалось таким, что денежно-капиталистическая перспектива, как наиболее активная и прагматичная, восприняла от противоположной самые прогрессивные социальные формы, методы и принципы: доступное образование, широкое медицинское обслуживание, социальное обеспечение. А перспектива справедливого общественного устройства в странах, где такая попытка провалилась, напротив, из-за субъективных причин переродилась, превратилась в свою противоположность, в качестве эталона восприняла наиболее уродливые формы альтернативы: монополистическое обогащение олигархов, культ денег, игнорирование науки, разрушение системы образования, кризис социальных и моральных ценностей, утрату чувства коллективизма и патриотизма, расцвет индивидуализма, распространение ущербных форм искусства и культуры. В итоге во всемирном масштабе позиции стремления к справедливому общественному устройству были сильно дискредитированы и ослабли, а денежно-капиталистическая система получила дополнительные импульсы для продления своего существования.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ Н. А. Стеклова рассмотрела локальные и глобальные конфликты в условиях цивилизационного противостояния. Межцивилизационный конфликт принимает две формы, распространяясь на микро- и макроуровне. На локальном, микроуровне возникают конфликты по линии разлома: между соседними государствами, принадлежащими к различным цивилизациям, внутри одного государства между группами из разных цивилизаций и между группами, которые, как в бывшем Советском Союзе и Югославии, пытаются создать новые государства на обломках прежних. Локальные конфликты, помимо того что они могут объединяться (сами по себе или под чьим-то покровительством), могут и самопроизвольно расширяться, превращаясь в глобальные, или мировые войны. При этом используются все средства – от прямой агрессии до самых совершенных коммуникационных конфликтов под предлогом защиты прав человека.

На глобальном, или макроуровне возникают конфликты между «стержневыми» государствами – государствами, принадлежащими к различным цивилизациям. Здесь также можно обозначить конфликты между регионами и нациями. Это крупномасштабные явления, мировые события, общественные движения, в которые вовлечены большие группы людей,

не желающие идти на какие-либо соглашения, отказаться от своей точки зрения. Такие конфликты могут привести к разворачиванию международных войн, примером которых могут служить холодная война между СССР и США, грузино-осетинский конфликт, конфликт между Западной Украиной и Россией.

Анализируя различные локальные конфликты в современном обществе риска, можно выявить тенденцию, заключающуюся в том, что такие наиболее значимые столкновения внутри государств все чаще находятся на авансцене всей планеты. Причина данного явления – национальные, материальные, ментальные и культурные интересы цивилизаций, которые либо поддерживают субъектов конфликта, либо стремятся их подавить. Так как конфликт всегда предполагает коммуникацию противоположных сторон, главный глобальный конфликт в современном мире – это коммуникационный. Его смысл заключается в том, что в своих действиях коммуниканты рассматривают коммуникацию как вызов, забывая о том, что во избежание рисков во всех областях необходим диалог.

На последовавший за выступлением вопрос о том, что лежит в основе конфликтного противостояния цивилизаций – противоречие или культурное различие – ответ был таков: в основе конфликтного противостояния может лежать синтез культурного различия и противоречий в понимании жизни, мировоззрении людей, политических интересах. Каждая цивилизация обладает своим набором ценностей, своеобразной ментальностью индивидов. К сожалению, жить в эпоху глобального общества риска невозможно без столкновения интересов, позиций, целей, но диалог необходим для существования всей планеты.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ А. В. Юдин обозначил основные геополитические риски современности. Риски эпохи глобализации носят глобальный характер и не замыкаются в рамках одного социума или группы социумов. Следует сказать, что культурные различия, безусловно, являются причиной геополитических рисков, но едва ли являются единственным их источником. Понятие «геополитический риск» является сугубо социальным феноменом, и широкий спектр литературы, рассматривающей данный феномен, дает не менее обширный спектр объяснений причин возникновения геополитических конфликтов в современном обществе. В работах немецкого социолога У. Бека риски связываются с «прогрессирующей модернизацией» и глобализационными процессами, создающими опасности из-за неправильного функционирования технологий или социальной среды; британский социолог Э. Гидденс источники рисков усматривает во вторжении человеческого знания в мир природ-

ных закономерностей; английский антрополог М. Дуглас считает, что риск выступает как совместный продукт знания и согласия.

Отвечая на вопрос, почему современные цивилизации стремятся сохранить свое жизненное пространство, докладчик отметил, что, исходя из классических органицистских представлений первых геополитиков, стремление к сохранению, развитию и расширению жизненного пространства является естественным условием существования государства как живого организма. В рамках современных условий существования цивилизаций, государств, социумов сохранение жизненного пространства является одним из немногих условий сохранения культурной идентичности (хотя история знает пример ее сохранения и без наличия жизненного пространства государства – это иудейская культура).

Кандидат философских наук, доцент СГТУ Д. И. Заров обратился к осмыслению потенциала цивилизационных социокодов в контексте столкновения цивилизаций. По его мнению, на этапе цивилизационного становления в основаниях формирующейся локальной цивилизации закладываются определенные социокоды – объективные смыслы и установки деятельности и мышления, существующие в качестве своеобразного «третьего мира» социальной реальности. Потенциал социокодов зависит от соизидательных возможностей создающих цивилизацию этносов и суперэтноса и определяет границы пространственного и временного существования цивилизации.

Столкновение цивилизаций – это прежде всего столкновение каждой из них с самой собою, своими границами и возможностью наладить конструктивный диалог. Основное противоречие каждой цивилизации – это противоречие между заложенными в ее культуре социокодами, смыслами, идеями и возможностью их реализации в данных условиях. Столкновение возникает, когда возможность её самостоятельного существования вступает в противостояние с ее основами и смыслами.

С достижением цивилизацией пределов, в которых социокоды могут «контролировать» содержание собственного выражения в социальной реальности, они начинают вырождаться. Суть современной цивилизационной экспансии состоит в перестройке, изменении цивилизационных границ. Столкновение цивилизаций в значительной степени заключается в противостоянии информационных кодов и выступает как проявление «бесконечной битвы вокруг культурных кодов и кодексов общества»¹. Одна из наиболее важных задач современной социальной науки – исследование различных стратегий цивилизационного развития и разработка перспективных для российской и цивилизационной модели человека сценариев цивилизационной реконструкции мира. Такая

разработка необходима, чтобы быть готовыми к любым возможным цивилизационным столкновениям.

Кандидат философских наук, доцент СГТУ Г. В. Епифанова выступила с докладом «Духовные основания цивилизационного развития в условиях общества риска». Следуя концепции цивилизации риска, разрыв между усилившимися сложностью и могуществом технологии и знанием ее возможного воздействия на окружающую природу и человеческие общности приводит ко все большей рисконасыщенности современного общества, которая проявляется в увеличении количества технологических, экологических и иных аварий и катастроф.

В результате процессов глобализации и вестернизации начались изменения в основаниях русской культуры, ее духовного склада. Изменения духовного склада особенно опасны, поскольку затрагивают цивилизационные основы общества. Наибольшие риски лежат в противоречиях оснований души цивилизации, ее представлений о соотношении общества и государства, власти, мира и человека. Прежде всего риск заключается в том, сможет ли народ как субъект цивилизационного развития реализовать пассионарные возможности, способен ли он пройти до конца путь отстаивания своих интересов, сохранения цивилизационного пространства и роли в процессах глобализации. В современной российской культуре в невиданных ранее масштабах происходит духовное растрепывание молодежи и разрушение традиционных ценностей «кристаллической решетки» нации – ее духовного склада. Успешное развитие российской цивилизации в XXI в. требует, во-первых, комплекса мер, направленных на преодоление этих негативных тенденций и, во-вторых, нового курса и качественно новых стратегических линий прогресса. Россия не должна и не может повторять буржуазно-индивидуалистический путь, но, усваивая, заимствуя материальные и духовные достижения Европы, осуществляя синтез ее культуры и своей, может идти самостоятельным путем в границах русской традиции в соответствии с социально-нравственным идеалом русского духа – таков основной вывод русской мысли на протяжении двух столетий, как полагает автор.

Кандидат философских наук, доцент ПАГС им. П. А. Столыпина С. М. Фролова актуализировала тему повседневности в условиях глобализации. По мнению исследователя, в современных условиях, когда человечество являет собой глобальную целостность, повседневность обретает открытый, «ризоморфный» характер². Дело в том, что человек в своей повседневности стремится к самореализации, к обретению благ, которые сегодня ассоциируются с достижением определенного уровня развития странами Западной Европы и Америки. Такая тенденция

ведет к разрушению национальных культур, к повышению неустойчивости нашего мира, нарастанию хаоса в глобальном масштабе, столкновению цивилизаций.

Автор концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон отмечал, что неудачные «попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую» и нежелание определенных цивилизационных обществ признать монистическую ценность культуры Запада могут привести к взаимной отчужденности огромных людских масс³. В связи с этим основными причинами цивилизационных конфликтов в современном мире, согласно утверждению американского политолога, станут не экономические и идеологические, а культурные. Для достижения цивилизационного миропорядка необходимо признать значимость любой культуры, а не стремиться к установлению диктата одной из них. При этом важно понять, что внедрение иных устоев в повседневную жизнь любого общества приведет к утрате его самобытности, к лишению базовых навыков, так как изменение составляющих повседневной культуры разрушает установленные детерминанты социального бытия и сложившуюся систему духовных ценностей, оказывающих значительное влияние на повседневное существование. Более того, такая ситуация может привести к утрате части повседневного жизненного мира, понимаемого Э. Гуссерлем как до-научные глубины бытия человека, как до-словное пространство быта (Ф. И. Гиренок), а значит, к разрушению механизмов регуляции межчеловеческих отношений в обществе.

Таким образом, столкновение цивилизаций может быть вызвано вовсе не угрозой военных действий, а стремлением сохранить привычную самобытность повседневной культуры. Важно понять, что только ее устоявшиеся духовные и ментальные основы позволяют осмысливать человеческое существование и могут противостоять апокалиптическому, разрушительному столкновению.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ А. А. Дьяков рассмотрел специфику социальных практик амбивалентного человека в глобальном обществе риска. По его мнению, глобальные социальные процессы меняющегося мира находят свое отражение на уровне личного восприятия и переживания жизненного мира. «Войдя в новый век, человек испытывает потребность в новой идентичности с окружающим миром, потребность в новых ценностях, необходимых для самоутверждения и создания надежных жизненных стратегий»⁴. Традиционные социальные практики, производителем и транслятором которых являлся человек в структуре своей цивилизации, сменяются инновационными глобальными. Стираются границы между различными цивилизациями, формируется единое экономическое, социаль-

ное, культурное, политическое пространство. Практики нового глобального мира вступают в конфликт с практиками локальных цивилизаций – человек переживает этот процесс как кризис идентичности, актуализируя вопрос о ценности собственного бытия. Внутренний конфликт, инициированный совокупностью господствующих социальных практик, порождает амбивалентного человека, который, с одной стороны, не может обрести собственной идентичности кроме как в лоне своей культуры и цивилизации, а с другой стороны, вынужден действовать, руководствуясь логикой тех практик, которые доминируют в глобальном социуме. Следовательно, он сам становится носителем и производителем нового типа социальных практик, внутренне противоречивых и конфликтных, поэтому потенциально рискованных.

Докладчику был задан вопрос, является ли дихотомия «цивилизационное – глобальное» потенциальным конфликтогенным источником. Автор ответил, что эта дихотомия используется в контексте доклада как теоретическая конструкция, призванная отразить существенное различие цивилизаций как исторически сложившихся культурных целостностей с устойчивым экономическим, духовным, социальным фундаментом и глобализации как искусственного процесса, инициированного экстрацивилизационными факторами. Эта дихотомия может стать источником конфликтогенности в том случае, если будет восприниматься и пониматься как практическое руководство при принятии конкретных политических решений. На уровне теоретического обобщения она задает масштабы и границы возможного исследования проблем глобализации и интеграции цивилизаций в глобальное сообщество.

Аспирант кафедры теоретической и социальной философии СГУ Э. Р. Фахрудинова обозначила конфуцианские тенденции в стратегии мирного урегулирования межцивилизационных конфликтов. Восточноазиатские технологии информационно-психологического влияния на течение конфликта опираются на традиционные ценностные установки, прежде всего конфуцианства, остающиеся, несмотря на все идеологические веяния, основанием мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Традиционные ценности конфуцианской этики определяют отношения как в рамках семьи, так и между разными социумами. Не только в Китае, но и в других странах этого региона этическая доктрина конфуцианства является преобладающей в общественном мнении и без ее учета, другими способами весьма трудно воздействовать на сознание.

Таким образом, в настоящее время модели психологического разрешения современных межцивилизационных конфликтов представлены четырьмя основными мировыми цивили-

зациями, каждая из которых обладает своими, присущими только ей отличительными особенностями. Автор соглашается со словами М. Т. Степанянц, что, «согласно конфуцианским представлениям, модель будущего мира должна символизировать гармоническое единство всех существующих цивилизаций»⁵. В социально-этической системе конфуцианства гармония представляет собой универсальный путь, которого следует придерживаться при любых обстоятельствах. Это предполагает умеренность во всем – в эмоциях и желаниях, – отказ от противоречивых поступков, т. е. реализацию принципа «золотой середины». Лишь таким путем можно сохранить мир и избежать насилия. Гармония, тем не менее, не исключает и различий. Так, современному обществу необходима гармония взаимодополняющих различий («гармония через различия») во имя всеобщего процветания, поэтому конфуцианская модель глобального мира исключает доминирование какой-либо цивилизации.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПАГС им. П. А. Столыпина Е. Д. Зарова остановилась на проблеме механизмов формирования и назначения стереотипов и парадоксов в восприятии российской культурно-цивилизационной идентичности. Автор считает, что при формировании образов цивилизаций действуют механизмы стереотипизации: эти образы-нарративы распространяются через СМИ, существуют в высказываниях общественных деятелей. Но подобные нарративы навязывают отдаленные от существующих в реальности государств образы. Так, сложившиеся о том или ином обществе стереотипы весьма жестки и устойчивы, в то время как реальность бытия цивилизации постоянно меняется. Можно сказать, что субъектами процессов взаимовосприятия являются не существующие цивилизации, а мифы, созданные о них.

На протяжении всей истории развития российской цивилизации и в настоящее время основным конституирующим «Другим» для России можно считать европейскую идентичность. Цивилизационный статус России с позиции подхода «Я – Другой» определяется через признание ее как пограничного случая европейской идентичности: налицо предзаданность взаимовосприятия России западным сообществом как «Другого» и наоборот.

Стереотипы в восприятии «другой цивилизации» часто парадоксальны: ярким примером подобного парадокса является тот факт, что российская цивилизация долгое время, особенно в XX в., воспринималась и в целом сейчас воспринимается как политическая или военная угроза западному демократическому сообществу, и в то же время за ней закреплены ярлыки отсталости, невежества, примитивности, образ вечного ученика, перенимающего европейские

духовные, политические и иные практики и, по сути, не способного выступить в качестве существенной угрозы. Но данная парадоксальность вполне объяснима: образ России как «Другого», с одной стороны, соотносится с образом врага, вызывающего страх, а с другой стороны, лишается привлекательности по базовым критериям (отсутствие высокого уровня жизни, стабильности, безопасности и т. д.) с целью недопущения выбора в пользу России как возможной альтернативы развития.

Аспирант кафедры философии СГТУ Н. С. Шаповалова рассмотрела феномен конфликта в социальной памяти русского народа. По ее мнению, в истории развития российской цивилизации можно выделить несколько периодов: исходя из традиционных представлений, под русской цивилизацией мы можем понимать Россию до 1917 г., под советской – период 1917–1991 гг., после 1991 года – период российской цивилизации. Несмотря на то что каждый последующий этап означает снятие ценностей предыдущего и их замену на новые, можно говорить о целостности российской цивилизации и преемственности этих этапов. Эту преемственность обеспечивает социальная память как форма адаптации цивилизации при переходе от одной структуры к другой. Каждый этап российской цивилизации представляет собой сочетание, с одной стороны, автохтонных тенденций, вырастающих из глубин коллективного сознания и памяти, и наносных, внешних элементов, которые навязывались нам в определенные периоды «сверху». Именно эти внутренние автохтонные тенденции определяют стратегии, мотивы и основания поведения в межкультурных конфликтах и столкновениях.

На вопрос, происходит ли изменение институционального измерения социальной памяти, докладчик ответила, что такое изменение несомненно происходит. Н. С. Шаповалова предлагает выделять шесть этапов институционализации социальной памяти, критериями которых выступают средства кодирования и передачи информации, характерные для определенного этапа развития общества: кодирование и передача социальной памяти посредством системы жестовых знаков, речи (языка), устной традиции (выраженной в эпосе), текстов – рукописных (с появлением алфавита), печатных (с появлением книгопечатания) и электронных.

Кандидат философских наук, доцент СГУ И. А. Дорошин обратился к рассмотрению протестных движений в структуре религиозных революций. Ключевым понятием этой проблемы становится фундаментализм, который и анализирует автор, обращаясь к работе Н. К. Нильсена⁶. Фундаменталистское «возрождение» может служить критерием отрицательных тенденций в обществе в целом и, в конечном счете, ориен-

тиром для выгодных направлений социальных изменений. Действуя на краю законности – сочетая протест и проповедь, – фундаменталистские группы создают социальную напряженность и риск.

Фундаменталистская активность обратно пропорциональна гражданской: чем меньше активная группа, тем проще она провоцируется или реализует угрозы. В социальном плане напряженность в некоторой степени объясняется известной проблемой в теории игр – дилеммой заключённого: действуя строго рационально, участники отказываются от сотрудничества друг с другом, даже если это в их интересах. Похожий алгоритм мы видим и в поведении фундаменталистских социальных «игроков», действующих абсолютно рационально – и поэтому неверно.

В ответе на вопрос к докладчику, существует ли экуменическое движение в условиях глобализации, он сказал, что «экуменическое движение» – это термин, который в устах фундаменталистов, публицистов, религиоведов и т. д. означает абсолютно разные вещи. Он аналогичен «зомби-понятию» (У. Бек), которым все больше пугают. Когда движение начиналось, существовал диалог, например, между Православной и Англиканской церквями. Многие, кстати, для межконфессионального диалога сделал Н. С. Арсеньев, великий русский культуролог, основатель первой кафедры религиоведения в СГУ, друг С. Л. Франка. Сегодня, к сожалению, это понятие потеряло смысл, поскольку не означает диалога между христианскими общинами, а стало «китчем» в межкультурных контактах самых разных религиозных общин.

Студентка 4-го курса философского факультета СГУ Ж. О. Посуныко исследовала идейные основы терроризма в глобальном обществе риска. Главными причинами роста терроризма в современном мире становятся обострение социального и экономического неравенства как между государствами, так и внутри страны, исчезновение среднего класса, безработица, разрушение культурных ценностей, ухудшение психического здоровья населения, низкая правовая культура, распространение СМИ взглядов и идей, ведущих к нетерпимости и насилию, и неспособность правоохранительных органов и органов власти справиться с нарастающей преступностью.

Социальные и идейные истоки терроризма как явления детерминируются, в конечном итоге, матрицей цивилизации. Терроризм аккумулирует в себе всю систему противоречий общественной жизни, куда входят: онтологические (бытийные) противоречия, социальные и политические, духовного и мировоззренческого характера. В их основе лежит стрессовая ситуация как результат столкновения на суперэтническом уровне различных культур

и цивилизаций. Экстремисты и террористы прошлого и настоящего представляют людей с негативным мироощущением.

Магистр кафедры теоретической и социальной философии СГУ О. Винтер затронула истоки идеи культурологического конфликта в творчестве О. Шпенглера. Каждая культура, с его точки зрения, – это душа, она уникальна и в ней заключена своя неповторимая тайна, разгадать которую никому не дано. Культура, аналогично с тремя этапами человеческой жизни, в своём развитии проходит три ступени: этнографическую, культурную и ступень цивилизации. Философ считает, что цивилизация есть воплощение «самых крайних и искусственных состояний», осуществить которые способен лишь высший род людей. Цивилизация – это то, что близко смерти, это завершение, возникающее вслед за становлением, «неизбежная судьба культуры». Речь идёт о глубокой внутренней смерти.

Шпенглер делает акцент на том, что отличает цивилизации друг от друга и совершенно игнорирует их общность. В противовес гегелевской схеме истории, основанной на европоцентризме, он предложил такую, в которой история разделена на отдельные культуры. В невозможности сообщения между культурами философ увидел бесцельность человеческого существования. Необходимым условием, при котором возможен смысл существования, философ полагал осознание себя как человека определённого столетия, нации, типа, в глубинном заполнении этих границ.

Аспирант кафедры философии СГТУ К. Н. Фомина попыталась выявить методологическую роль наук о жизни в условиях цивилизационного развития. В научном сообществе правомерно говорить о повышенном интересе к проблеме жизни, через решение которой возможно построение нового взгляда на глобализирующийся мир. На протяжении почти всего XX в. в области физики, биологии, философии и других дисциплин происходили переосмысление данного феномена, критериев различения живой и неживой природы, а также выработка новых гипотез и концепций, решающих данный фундаментальный вопрос.

Сдвиг к наукам о жизни в современной философской, а также естественно-научной парадигме предполагает рассмотрение мира как системы, все элементы которой взаимосвязаны, а сама система выступает как нечто живое, одушевленное. Кроме того, следует заметить, что такие выдающиеся мыслители, изучающие феномены культуры и цивилизации, как Г. Зиммель и О. Шпенглер, в своей философии исходят именно из философии жизни. Это служит еще одним подтверждением того, что проблема жизни актуальна не только для онтологических исследований в области философии, естественно-научных и физиологических дисциплин, но

и в качестве методологических ориентиров в социальной философии и теории культуры, а также в качестве формирования особых мировоззренческих позиций в общественном сознании. Осознавая себя связанным со всем, что находится в мире, и всем миром в целом, человек способен преодолеть усиливающийся духовный и ценностный цивилизационный кризис.

Подводя итоги работы круглого стола, его **руководитель, профессор, доктор философских наук Владимир Борисович Устьянцев** отметил, что вопросы бытия и развития цивилизаций приобретают особую актуальность в условиях становящегося глобального общества риска. Задача социальной философии в такой ситуации видится не только в просчитывании рискованных ситуаций и выработке планов по минимизации рисков: социальная философия способна выявлять риски цивилизационного развития, концептуально фиксировать проблемы бытия глобального общества риска и выработать прогнозы динамики социума. Заседания круглого стола по актуальным вопросам цивили-

лизационного подхода и концепции общества риска станут регулярными. Ближайшее заседание намечено на осень 2011 г. По материалам круглого стола будет издан сборник.

А. А. Дьяков, Н. А. Стеклова

Примечания

- ¹ *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. М., 1999. С. 304.
- ² *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Ἐπιπέδια : журн. философских переводов. 2009. № 1 (1). С. 172.
- ³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 15.
- ⁴ *Устьянцев В. Б.* Человек, жизненное пространство, риски: Ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 3.
- ⁵ *Степанянц М. Т.* Восточные сценарии глобального мира // Вопр. философии. 2009. № 7. С. 39.
- ⁶ См.: *Nielsen N. C.* Fundamentalism, Mythos and World Religions. Albany, 1993. 450 p.